

Л и т е р а т у р н а я А р м е н и я

*Литературно-художественный
и общественно-политический
орган Союза писателей Армении*

*Մշակույթի գրողների միության
գրական-գեղարվեստական
և հասարակական-քաղաքական հանդես*

Журнал основан в декабре 1958 года

Издается при содействии организации “Диалог”

№1 2026

В номере:

Проза, поэзия

Алис Ованесян. Триптих. <i>Рассказ. Перевод С.Марданян</i>	3
Костан Зарян. Я дарю тебе сердце. <i>Стихи. Перевод Г.Баренца</i>	20
Рубен Севак. Проза поэта. <i>Перевод С.Матевосяна</i>	27
Константин Шакарян. Проверка времени. <i>Стихи</i>	39
Наира Пирумян. Посади прутик. <i>Рассказ. Перевод С.Марданян</i>	47
Александр Кулебякин. И зверь вошел в пустые города	63
Армен Саркисов. Неразлучное. <i>Рассказы</i>	70
Эйла Кивиккахо. Арарат. <i>Стихи. Перевод с финского Э.Шустера. Вступительное слово Натальи Лайдинен</i>	82
Елена Шуваева. Старьевщик. <i>Ночь на окраине Мартуни. Рассказы</i>	86

Марина Варданян. Познание. Короткие рассказы 96

Очерк, публицистика

Арцви Бахчинян. Армянка, переводившая с кхмерского на шведский 107

Елена Кеворкова. Слово о героинях 134

Александр Григорян. Тени забытых предков 150

Искусство

Ирина Дзуцова. Всё тайное становится явным 158

Руслан Семяшкин. Яркие краски звуков 163

На вклейке и обложке: работы Акопа Овнатяна (к статье Ирины Дзуцовой)

РЕДАКЦИЯ

Альберт Налбандян, *главный редактор*
Сергей Мурадян, *заместитель главного редактора*
Жанна Шахназарян, *отдел прозы*
Ирина Маркарян, *отдел очерка и публицистики*

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Юрий Навоян (председатель), Александр Крикунов, Елена Шуваева

АЛИС ОВАНЕСЯН

Родилась в Ленинакане (ныне г. Гюмри Ширакской области РА). Окончила филологический факультет ЕГУ. Работала в ряде газет и журналов (“Экран”, “Искусство”, “Фильм”, “Айастан”). Автор многих статей, посвященных кино и другим видам искусства, публицистических выступлений, эссе, а также рассказов и повестей, переведенных на русский, английский, немецкий и другие языки.

ТРИПТИХ

Перевела Светлана Марданян

*Посвящается вынужденно
покинувшим родину армянам Арцаха*

НАША ДЕРЕВНЯ, НАШ БРАТИК МОСО, ГОРЛИНКИ

Во дворе нашего дома живут горлинки. Свили гнездо под крышей и живут. Мы – все в нашей семье – с ними беседуем, а Мосо, мой убогий братишка, понимает их птичий язык даже лучше, чем наш, человеческий.

Когда мы всем селом стали на путь вынужденного переселения (а казалось, осталось это в прошлом, травой густой проросло,

мхом зеленым заросло), исчез наш Мосо. Вроде и горлинки ничего о нем не знали, но – догадывались о чем-то и скрывали от нас. Весело ворковали. Им, как, впрочем, и нам, невдомек было, какая ждет нас впереди дорога. Как и мы, думали, наверно, пройдет день-другой – вернемся, а там и Мосо объявится.

Все были в полной готовности: взяли кое-какую теплую одежду, одеяла, немного еды, сухофруктов, пару косичек авелука*. Нагрузили все в десять имеющихся в деревне машин, и тут возник Мосо. Он всегда был бледным до прозрачности, но сейчас стал просто прозрачным. Деревней решили соорудить для него небольшой ящичек, чтоб, если вдруг отправится на небеса, хоть под ногами у него было что-то твердое. Мосо попросил сделать стенки из стекла, чтоб во время полета он мог видеть все вокруг, но у нашего деревенского стекольщика Манвела столько стекла не оказалось. Пообещал: «Сделаю тебе круглые окна в деревянных стенках, застеклю, и все тебе видно будет».

Мосо очень обрадовался. Обрадовались и мы – просто грустить было некогда, но пошутить успели: «Увидишь Господа, спроси, когда народ наш в покое и достатке жить будет». – «Спрошу, – бодро и совершенно серьезно пообещал Мосо, уверенный, что вернется с хорошими вестями, что иначе быть не может.

Самая пожилая горлинка пообещала мне: «Ни минуты не сомневайся, как только будет весточка от Мосо, найду как донести до вас». – «Оставить мобильник в кустах крапивы?» – спросила я.

Горлинка взглянула на меня выцветшими шариками глазок и засмеялась.

Не много времени прошло с тех пор, как мы привели в относительный порядок выделенную нам развалюху в одной из глухих деревень Армении (чуть лучше нашей), запаслись дровами из ближайшего леса, успели и зимними одеялами обзавестись, подушками, матрасами – ими заодно скрыли щели на деревянном

---

* *Авелук* – так называют в Армении конский щавель. Свежие листья сплетаются в косы и в таком виде сушатся; могут храниться всю зиму. В каждой семье есть свой любимый рецепт приготовления супов, салатов, пирогов из этого вкусного и очень полезного дара природы. (Примеч. переводчика).

полу. Здесь тоже под крышей обитали горлинки, но они не ворковали беззаботно, как наши. Жалели, наверно, нас, думали: бедные, как они зиму-то переживут в незнакомом месте?

И вот однажды вечером, когда и воды было натаскано вдоволь, и лоби из помощи, выдаваемой сельской администрацией, было сварено бабушкой, а витающие в воздухе пары обещали вкусный ужин, я вышла во двор и услышала непривычно веселое воркование горлинок. «Должно быть, птенчики проклюнулись, – решила про себя, – жаль только, не выживут зимой. Но ничего, хоть сейчас порадуйтесь. Надо уметь ценить каждую кроху выпавшего на нашу долю счастья».

Вдруг одна из птичек слетела сверху мне на плечо, и я узнала самую младшую из наших горлинок. Оказалось, она прилетела с поручением от бабушки.

«У меня о-о-очень, о-о-очень радостные вести для тебя», – проворковала; я ощущала трепетное биение ее сердечка. – Мосо целым и невредимым вернулся с божьих небес».

«Как с божьих небес?» – тупо спросила я.

«Вот так, побывал у Бога».

Я взяла горлинку в руки. Она с удовольствием уютненько уселась в моих ладонях и продолжила:

«Он был не один в сработанном Манвелом домике с застекленными окнами».

«Как не один?» – вырвалось у меня.

«Как? А вот послушай: из домика вместе с ним вышли одна красивая девушка по имени Шушан, один дедушка с длинной белой бородой, за ними – еще девочки и мальчики в очень красивых блестящих одеждах, потом лошадки, поросята, ягнята и много-о-ого-много книг».

«Как книг?»

«Да-да, много книг. Мосо расставил их на полках в нашей школьной библиотеке. Шушан вычистила школу до блеска. Мосо и Шушан научили этих детей читать и писать. У них самих уже два птенчика – мальчик и девочка».

«Что-что? – Я начала хватать ртом воздух. – Мосо читать-писать не умеет».

«Умеет. Теперешний Мосо не тот, которого ты знала – прозрачно-бледный...»

Я прокралась в комнату, взяла горсточку зерна. Горлинка, не успела я подойти, тук-тук, выклевала все. Дала и воды ей. Она напилась и только потом продолжила:

«Сейчас у нас там лето».

«Лето? Что ты несешь? В Арцахе сейчас такая же зима, что здесь».

«Нет, ты меня слушай».

«Да ну, сказки рассказываешь! И трех месяцев нет, как мы ушли из нашей деревни».

Не хотелось, чтоб нашей беседе помешали: волшебство бы тут же улетучилось и я не узнала бы, что еще произошло с моим братиком.

Горлинка своими глазками-шариками обследовала мои мысли до самого дна и продолжила:

«Ты и я говорим о разных вещах, мм... о разных периодах...»

Сколько всего знает эта пичужка!

«Ну и дальше?...»

«А дальше то, что в нашей деревне все сейчас происходит очень быстро и очень правильно».

Как это возможно?

Она прочла мою мысль и не замедлила с ответом:

«Оказывается, возможно, "когда все друг друга понимают с полуслова, помогают друг другу, не дожидаясь, чтоб их попросили о помощи; когда не мешают друг другу; когда вообще нет ничего мешающего". Так говорит моя бабушка. Ну а я, правда, маленькая совсем, но как могу не видеть все, что происходит на моих глазах? Все вижу и понимаю».

Горлинка огляделась вокруг. Темнело. Ее семья в Арцахе уже спит. А мне не терпелось слушать еще и еще эту сказку о моем братике Мосо и о нашей деревне.

«Посплю, проснусь и расскажу тебе самое главное... Утром»...
– уже в полудреме проговорила она.

«Что самое главное?» – проснувшись раньше горлинки, едва разомкнув веки, спросила я безмятежно спящую в моих объятиях птичку – сказала усталость от дальней дороги. Но она не стала дожидаться, пока я накормлю и напою ее:

«О самом главном моя бабушка-горлинка говорит так: “Видите, как стремление к наживе портит все, как из-за этого осложняются человеческие, да и наши птичьи взаимоотношения и как они облегчаются, когда идут процессы взаимопонимания, любви, взаимопомощи...”»

«Бабушка так и сказала: “процессы”?!»

«Сказала, что боится, как бы мы, птицы, не отстали от этих изумительных, невероятных процессов в нашей деревне. Хотя благодаря благоразумию наших предков конфликты и войны у нас доведены до минимума».

«Благоразумию? Бабушка так и сказала?!»

«Бабушка сказала, что все зло на свете, начиная от войн и кончая конфликтами и ссорами в семье и с друзьями, что всякая вражда происходит от... можешь сказать, от чего?»

Я провела рукой по лбу, поправила очки, чтоб поумнее выглядеть... Сказала одно, другое, третье: «зависть», «алчность», «трусость»...

Горлинка, хитро так улыбаясь, отметала мои попытки.

«Попробуй еще».

«Невежество», – опять не угадала я.

Она покачала маленькой головкой и сказала, наконец:

«От глупости. Бабушка долго над этим думала и сейчас знает лучше всех. Ты ей не веришь?»

Верю, да, именно так: от глуп-п-пости...

Я стала припоминать подряд и вперемешку все наши беды.

Права мудрая бабушка горлинки.

Наверняка и во времена Эразма Роттердамского и Босха, где-то в начале XVII века, жила одна старенькая мудрая горлинка, раскрывшая им эту тайну. И после этого все умники и глупцы долго смеялись над глупостью.

В XX веке, к сожалению, психологи объявили глупость неизлечимой болезнью...

Посмотрим, какое решение о глупости вынесет XXI век... Какой приговор ожидает умных...

И поскольку горlinkка безошибочно читала мои мысли, я подумала: «А что будет с моим братом Мосо и прибывшими с ним с небес его спутниками, если наши глупые враги войдут в деревню?».

«Не волнуйся, – проворковала моя подружка-горlinkка, – никакими разведывательными аппаратами им не найти нашу деревню. Вход им туда воспрещен...»

ЯКОВ

– Доктор, как я погляжу, не хочется тебе уходить из этого дома. Понравился?

Доктор Ахмед только что полил цветы во дворе.

– Заходи, Микушка, садись, сейчас кофе поставлю. По стаканчику водки из бездонных карасов Якова тоже выпьем.

Кофе выпили, водку тоже выпили, закусив парой ломтиков колбасы. Хлеб Микушин принес с собой.

– Хорошее место мы тебе подыскали, скажи, доктор...

Доктор Ахмед до сих пор все еще терялся в этом огромном доме... Не знал, хорошо при его усталых нервах быть одному или напротив... «Чувствуй себя как дома», – сказал ему Микушин, когда привел его сюда. Доктор Ахмед удивился, что десятками стоявшие на полках банки с разнообразными компотами, соками, овощными консервами оставались нетронутыми. Со временем он узнает, что командир или какое другое должностное лицо, будь то азербайджанец или русский, уже устроились в доме получше этого – в армянской деревне Мец Тагер.

Бывали дни, когда за доктором Ахмедом никто не приходил, а случалось – сразу несколько человек заболели в военной части.

Сегодня вызовов еще не было. Весь день один в этом просторном, полном всякого добра особняке.

За те годы, что доктор перешел к обязанностям военного врача, перевидел он и узнал много чего хорошего и плохого. Такого, что в свои тридцать лет и вообразить бы не мог.

Родился и рос он в очень бедной семье в одном из домов на холмах города Урфа. Тот разваливающийся со всех сторон дом, судя по сохранившимся на фасаде трем цифрам – 189... – был построен в конце XIX века. Четвертая по неосторожности стерлась вместе с фамилией хозяина-армянина.

В школе учился так, что учителя постоянно его хвалили, но бедный, жалкий его отец не умел радоваться. Ни одного светлого дня за всю жизнь не видел. Мать, Айше-ханум, подрабатывала прачкой, но с тех пор как в более или менее зажиточных домах появились стиральные машины, работы поубавилось, а неимущим не до прачек было. Кусок черного мыла – и тот они доставали с трудом.

Однажды учитель французского мосье Ефрем Джевед оглу, застал Ахмеда у озера Авраама в тот момент, когда тот, налюбовавшись, как всегда, косяками рыб и спев для одного-двух туристов, засовывал поданный чурек в сшитую матерью потертую уже торбу и проверял карман блузы – не дырявый ли? – чтоб положить туда заработанные пением лиры.

Учитель отвесил Ахмеду звонкую затрещину: «Не смей стоять перед армянами и петь для них! Ты не хромой Мансур!» – «Но хромой Мансур не поет, он попрошайничает», – хотел было ответить ему Ахмед, но смолчал из страха заработать еще одну оплеуху.

В их околотке не было дома, где не родился бы ребенок с каким-нибудь дефектом. Говорили – это проклятие: им не дано так просто, без несчастий, жить в домах армян. Но что поделаешь? Кое-как приспособлялись, все лучше, чем зимой и летом большим семейством под мостами прозябать. В их доме, слава Алла-ху, все дети с руками-ногами родились, вот только Мефарет, самая младшая, самая красивая их сестренка так и не заговорила.

Однако не кто иной, как мосье Ефрем Джевед оглу заметил, что у Ахмеда и по французскому, и по математике, и вообще по всем предметам хорошие отметки. Он и уговорил директора от-

править этого несомненно способного мальчика в Стамбул, в военную школу-интернат получить нормальное образование. Айше-ханум пришлось долго уговаривать: «Он моя правая рука, единственный помощник в семье». Но мосье Ефрем Джевед оглу сумел вселить в нее уверенность, сказав, что всего-то через каких-нибудь десять лет мальчик преуспеет так, что все соседи ему в глаза заглядывать будут и правая рука Айше-ханум тем самым станет еще сильнее.

В интернате, а впоследствии и во время учебы в Москве Ахмед блистал своими способностями, но ощущение себя как человека жалкого не покидало его, засело прочно.

Ходил он по этому лопающемуся от изобилия дому, протирал тряпочкой пыль тут и там, а перед глазами – Айше-ханум и его забитый отец, так и за всю жизнь не научившийся радоваться – даже в дни, когда приходили высланные Ахмедом из Москвы деньги. Часто бросал косые взгляды на Айше, ставшую смешливой по поводу и без повода.

Доктор чуть ли не воочию видел отца на тахте под грушей перебиравшего четки и попыхивавшего сигаркой. Мать... как бы она хозяйничала в этом доме, какие бы пекла пироги!.. Мешки с мукой строем стоят вдоль стены пекарни.

Странная мысль посетила Ахмеда... А что, если бы хозяева этого дома тоже вместе с ними были здесь? Места и еды-то всем хватит с лихвой...

Он снова поднялся в гостиную на втором этаже, где стены были заставлены книгами на армянском, русском, французском... Снова открыл семейный альбом... Он уже догадался, что передвигавшийся в кресле-коляске безногий человек с благородным лицом – хозяин дома... Какая же поразительная душа была у этого в прямом смысле слова получеловека Якова! Хотел поговорить о нем с Микушиным, с этим законченным алкашом – ему поставь пару стопок водки, всю душу тебе выложит, – спросить, что тот знает о Якове... Но ведь и Микушин появился здесь после того, как деревня опустела.

В который уже раз внимание привлекла запись красными буквами на одной из створок книжного шкафа... Очень хотелось

знать, какое важное событие подвигло Якова вывести своей искусной рукой на самом видном месте эти со вкусом орнаментированные буквы. Сфотографировал, отправил в Анкару Арто, своему давнему другу-армянину, попросил перевести. Сейчас уже знает. Это – одна из истин жизни человека: «Кто напуган – наполовину побит». Лишившегося обеих ног во время Первой карабахской, лишившегося этого просторного дома, сада, заложенного его – уже безногого Якова – руками и кто знает куда перебравшегося, чем можно напугать, да так, чтоб он и впрямь испугался? Узнать бы, где они сейчас – семья, дочери, сын...

Рука доктора Ахмеда снова потянулась к семейному альбому... На первой странице – бабушка Якова, молодая, красивая, в руке – свернутый трубочкой лист бумаги. Наверно, диплом. Внизу видна запись на русском: «Шуши, гимназия». Перевернул страницу – группа девушек, в центре – почтенного вида мужчина приятной наружности, в очках, с усами и бородой... Учитель, а может, и директор... Нет, узнать бабушку Якова среди девушек не удастся – изображение мелковато. Попробует как-нибудь в другой раз, чем кроссворды решать. Но сосчитать-то их может: шестьдесят восемь гимназисток, все в одинаковых формах, с белыми кружевными воротничками... Ахмед силится нарисовать в своем воображении класс, подобный этому, в Турции XIX, да пусть даже XX века, где девушки, чудом выскользнув из-под чадры, сфотографировались бы на память для будущих поколений. Не получается.

А вот и свадебная фотография бабушки Якова... Да-а... До чего же красивы эти армянские женщины!.. А новоиспеченный муж! С ним она этой ночью в постель ляжет. Тоже усы-борода на месте, тоже благородных кровей... И у обоих на лице улыбка.

Смотрит Ахмед на руки новобрачной бабушки – такие изящные и белые, покоятся на букете белых хризантем. Она сидит, дед-молодожен стоит у нее за спиной... На следующих страницах их дети, растут и множатся от страницы к странице. На одном из снимков Ахмед насчитал восемь разновозрастных девочек, ставших в круг за уже немолодыми родителями. Самый младший, де-

вятый, избалованный мальчик: согнув ножку, сидит на коленях матери, притулившись к ней. Года три ему. Этот, должно быть, и есть отец Якова?.. А еще говорят, турки много рожают!

Ахмед листает дальше, с нетерпением ищет и находит Якова: грудного, школьника, студента – наверняка сельскохозяйственного института, иначе не мог бы он такое хозяйство создать, такой виноградник правильно разбить... Пускай даже от деда в наследство получил, но ухаживал-то сам... А что ему стоит?! Это человек могучей натуры...

На десяти школьных групповых фотографиях уже с легкостью находил Якова... Узнавал по улыбке. Всюду улыбается... У Ахмеда одна только групповая фотография – из школы в Урфе. Там он серьезен, кажется, еле сдерживает слезы; губы плотно сжал, чтоб не проговориться вдруг о царящей в их хижине несказанно жалкой жизни, о ежечасном страдании и разладе в семье. И ни одной фотографии, где его отец и Айше-ханум были бы вместе.

Ахмед оставил альбом раскрытым на странице, где было последнее фото Якова с классом. По арабской цифре «10» догадался, что тот окончил школу.

В горле пересохло... В каком благоденствии жила семья этого Якова! Когда у них пересыхало в горле, открывали любую из трехлитровых банок невероятно вкусного вишневого либо ежевичного компота и пили сколько душе угодно...

На кухонной сушилке над мойкой – чисто вымытая посуда... Ахмед не дотрагивался до нее. Одна тарелка и одна ложка – ему, вилка, кофейных, чайных чашек и стопок для водки – по две, для него и Микушина... Среди этой повсеместной чистоты, – и от этого защемило сердце Ахмеда, – странно было видеть десять невымытых после кофе чашек... Значит, соседями либо родными, словом – с гостями сидели, пили кофе, а заслышав весть о надвигающемся бедствии, не стали мыть, подумали, наверно, спасемся сейчас от резни и беды, помоем, когда вернемся...

Ахмед выпил большой стакан открытого им недавно ежевичного компота. Почувствовал, что прокис слегка, но жалко было выливать, допил... С бедного детства закрепившаяся привычка не

выбрасывать еду. Мог ведь вылить под розовый куст и открыть новую банку. И подкормка растению была бы... Захотелось водки... Излишне сейчас вспоминать о том, что он мусульманин, да и не пьющий он, однако выстроившиеся в кладовой этого Якова бутылки с вином и водкой как бы бросают вызов: посмотрим, какой ты мужик, после которой ползком пойдешь.

На кухне видел большую жестяную банку с маслинами... Видно, открыли прямо перед уходом. Со стопкой водки в одной руке, другой выложил на тарелку полную горсть маслин. Пил и закусывал вкуснейшими фруктами... Улыбнулся. Вспомнил, что говорила Айше-ханум, когда в их доме появлялись маслины: «Ешьте бережливо, с хлебом, каждую маслину по три раза откусывайте». Случалось, маслины есть, а хлеба нет, или наоборот. А бывало, ни того нет, ни другого. Ложиться спать голодными не привыкать было.

Ахмед одну за другой поедал мясистые маслины, чувствуя, как пары водки прогревают кровеносные сосуды. Подумаешь, по шариату запрещено! Прости, Аллах... Не дает мне покоя история этого Якова... Вчера в альбоме увидел его в форме командира, с оружием в руке, улыбающегося, в кругу солдат своего полка, высокого, стройного. И эта его улыбка...

Прости, Аллах, наверно, именно эта улыбка Якова бережит сердце. Но более всего растревляла его свадебная фотография Якова. Яков сидит на стуле. Безногий, без обеих ног. На груди – медали. Рядом стоит очаровательная девушка в белом. Наверняка самая красивая девушка деревни Мец Тагер выбрала героя войны. Здесь они оба улыбаются. На следующей странице они с грудной девочкой, дальше – улыбчивый мальчик, дальше – эти постепенно взрослеют, появляется еще одна малышка. Ахмед придумывает им имена... Жаль, настоящих имен не узнать. Окрестил именами детей своего армянского друга Арто: Сатеник, Ануш, Григор.

Вот Сатеник в детсадике, а вот Григор с хворостинкой в руке залез под мордочку теленка. Улыбаются. А вот и школьные групповые фотографии. С трудом, но находит и Сатеник, и Ануш, и

Григора: все трое – с неотъемлемой фамильной улыбкой. Их род не уставал улыбаться.

Вот свадебное фото Сатеник... В длинном белом платье... Похоже, здесь же, у них во дворе. Рядом – отец, безногий Яков, держит фату дочери, держит высоко и улыбается, будто не снизу смотрит на счастье дочери, а сверху. А здесь они все вместе: Яков, Сатеник, Ануш, новобрачный, красавица-жена Якова. Григора нет. В армии, должно быть... А через пару недель начнется война... Жена Якова слегка напоминает русскую девушку Олю, которую в Томске вот-вот полюбил бы Ахмед, да переправили его в Азербайджан. Давай жену Якова Олей и назовем.

Из глубокого теплого сна Ахмеда разбудил голос Микушина: «Доктор, вставай, жена нашего Мансурова рождает, тебе принимать роды».

Быстро оделся, застегнул ремень, надел фуражку, уже на выходе Микушин остановил его: «Доктор, надо бы по стаканчику опрокинуть, давай сюда бутылку. Выпьем, чтоб продержаться. Мансуров вида не подает, но в страхе и ужасе. Брат его, что управляющим сейчас в Мец Тагере, пару месяцев назад двойню заимел, так у одного правой руки нет, у другого – левой. Он лучше всех знал, что добра ему не видать. Когда-то ребенка зарезал. Давай, давай налей еще по одной. Этот брат Мансуров в бешенстве приставил пистолет ко лбу роженицы, насилу отвели. А сейчас капитан наш боится, как бы проклятие матери того зарезанного грудничка и его не настигло».

Слава Аллаху, родилась хорошенькая смугленькая девочка, вес и все на месте.

Доставив доктора Ахмеда обратно домой, Микушин намеревался пропустить еще по одной, на этот раз – за благополучное прибытие на этот свет новорожденной, но доктор отказался наотрез.

Подошел к мешкам с ячменем, покормил кур, собрал яйца – пятнадцать штук, снял с подвешенной связки большую гроздь винограда, приготовил кофе и направился куда ноги сами вели: в гостиную, где со страницы открытого альбома улыбалась бабушка Якова. А с чего ей было не улыбаться! Четыре поколения на

снимке: дети, внуки, правнуки – и она в центре, а над головой лавровый венок с числом 80 посередине. Остальное на армянском, но и так все понятно. Яков здесь уже без ног. Улыбается. Очень захотелось увидеть глаза Якова вблизи.

В другом альбоме Яков с любовью и улыбкой смотрит на девочку лет десяти. Как одета красавица! Какое довольное и счастливое лицо у нее!

Вспомнил, что видел где-то флешку. Нашел, вставил в свой компьютер. В той спешке Яков забрал-таки свой, спас. Повезло, файлы озаглавлены на русском. Тоже свадьба дочери, но здесь видеозапись, настроения можно наблюдать «вживую».

Вот Яков, сидя на высоком табурете, поднимает топор и с силой опускает. Дрова колет. Во дворе красиво сложенная поленница под навесом. Значит, Яков нарубил. Григору лет десять, помогает отцу: ставит чурбаки на толстый пень, тот резким точным ударом раскалывает их. Сын только успевает подать следующий. Камера на мгновение выхватывает лицо Якова с близкого расстояния. Ахмед видит его улыбку и глаза. Это то, чего он хотел. Взгляд добрый, открытый, как у его отца. Как он – такой добрый, такой порядочный, такой хозяйственный – стрелял в турка, убивал? Аллах, дай долгих лет жизни таким, как он, пусть даже безногим. Но разве есть на свете еще один такой, как он?

Название следующего файла – «Библиотека». Яков взмывает под самый потолок по веревочной лестнице, выбирает книгу чуть ли не с самой верхней полки, спускается на одной руке, садится за этот вот письменный стол и начинает читать.

Ахмед не может прийти в себя. Скользнув глазами по библиотеке, выхватывает взглядом ту самую лестницу, подходит, пытается взобраться – куда там! Ноги, наверно, мешают.

Зазвонил телефон. Это Микушин: «Жене Мансурова плохо, готовься, еду».

Пришлось отложить альбом. Смотрел на фотографию бабушки Якова, на старую благочестивую женщину в окружении многочисленного, разросшегося, улыбающегося красивого потомства...

Все они – ее, все от нее пошли. А над головой красуется число 111 в лавровом венке. Стало быть, и Яков будет жить долго.

Слава Аллаху...

ШЕВКЕТ

«Сто мин, не меньше, заложили под это чудо-здание, взорвали-таки. Ну скажи, отец твой или дед строили этот дворец, тварь такая?! – бурчал под нос Шевкет, вытирая слезящиеся от пыли и дыма глаза. – Того и жди, велят: “Давай, Шевкет, гони свой бульдозер, сгребай мусор в ущелье”. Мусор! А то я не видел, какое это было здание!.. Перед взрывом повыносили кто что хочет, кто сколько может. Разрешали. Шевкет ни до чего не дотронулся, Аллах свидетель. Знал, боком выйдет».

– Шевкет! Опять его унесло Аллах знает куда! Шевкет! Сюда иди! Держи бульдозер наготове! Бензин от Якушина. А спать этой ночью будешь в том доме. Хозяином был поп, как твой отец имам Мустафа.

– Откуда ты знаешь?

– Мы все знаем. Поп год как преставился, во время блокады. Дети поповские разбрелись по миру. Холодильник был – шаром покати. Говорят, с голоду и загнулся поп. Ну, велели мы Якушину похлопотать, сейчас там еды вдоволь. Ешь сколько влезет, и водки можешь выпить из поповских запасов. Никто знать не будет. А поп, говорят, на голодный желудок водки напился, оттого и помер.

Шевкет скривил лицо, схватился за живот, якобы нездоровится ему, чтоб отстали, дали домой уйти, а Муса, мол, на своем авто привезет завтра с утра пораньше.

– Э нет, – не дали ему схитрить, – знаем тебя, уйдешь – тебя и след простыл. Сейчас топай прямехонько в поповский дом, покупай и ложись спать. Да! Необязательно, но можешь и выкупаться, мы дали горячую воду.

Шевкет вошел в дом попа засветло. Нашел выключатели, зажег свет во всех комнатах, но все равно боязно было. В час намаза опустился на колени. Обратившись к Аллаху, спросил, позволяет ли Всевышний, чтоб он ел, пил, переночевал в этом доме, утром расчистил территорию от развалин того чудесного здания и снес бы этот. А что следующим сровняют с землей дом попа, подсказали ему ехидные искорки в глазах Мустафаева.

Аллах, как обычно, оставил вопросы без ответа, предоставив ему самому сообразить, решить, как быть.

Сел за большой – человек на десять – дубовый стол, поел любимой им копченой колбасы – это поверх водки, добытой из кладовой попа. Вспомнив, однако, что хозяин дома, по слухам, умер оттого, что на голодный желудок водки напился, поел еще, а потом еще, опрокинул напоследок еще стаканчик и побрел в сторону просторной кровати, покрытой одеялом изумительной красоты. Надеялся расслабиться, поспать. На этой кровати спокойно вчетвером можно было улечься. Уж он-то со своими шестерыми детьми точно бы поместился.

Но что это? Померещилось или уже сны видит? На кровати лежал поп, в ризе, с колпаком на голове, и смотрел на него. Может, сказать хочет что-то?.. Присел у попа в ногах, спросил:

– Хочешь, еды принесу, а то и выпить можем на пару. Мой отец тоже, как ты, имамом был и с армянами знался. Все люди как люди.

Вернувшись с хлебом-колбасой и водкой, увидел пустую кровать. Без особой охоты съел-выпил сам, лег, не раздеваясь, на тахту. Невесть откуда взявшаяся было на тахте старуха молча встала, ушла. Заснул Шевкет, но что это был за сон! Тахта сотрясалась так, что щуплое тело Шевкета подбрасывало в воздух. Перебрался на пол. С крыши доносились грохот, смех, перебранка, плач и снова смех, снова перебранка, снова плач... Однако стоило включить свет, громыханье и топот прекратились. Выключил (выяснилось, зря!)

На этот раз эти наверху принялись прыгать-скакать, как будто тысячи летучих мышей пихались, а то и – кто их знает? – впер-

мешку сексом занимались... Топотали, как если бы кого-то одного или нескольких вконец затоптать хотели...

Шевкет подумал: «Выйду-ка я лучше во двор, свежий воздух, гляди, и протрезвит». Э! Да гомон этот, видать, отсюда доносился! Как будто Степанакерт все свои громкоговорители включил... Слились ликование, плач и причитание. Людей нет, только голоса слышны. «Привидения, точно», – решил Шевкет, удивляясь в то же время, что страха-то нет. Почувствовал руку на плече. Кто-то заговорил, оставаясь невидимым:

– Не бойся, Шевкет.

– А я и не боюсь, – ответил Шевкет, будто с родным дядей разговаривал.

– Не думай, что, разрушая построенный армянином дом, делаешь плохое дело. То, что должно быть разрушено, и без тебя разрушится. Не ты, так кто другой разрушит. Утром приходи, убери все это, а через пару дней снеси дом попа своим бульдозером.

Шевкет вглядывался в темень, смотрел на сверкающие в небе звезды и – ну никак не мог уразуметь, что от него требовалось: бунтовать или шею перед начальниками гнуть?

Вернулся в дом, выпил еще из поповских запасов, поел с аппетитом хлеба с сыром и снова вышел во двор, надеясь, что «дядя» объявится вновь и заговорит с ним. Готов был даже звонкую оплеуху от него получить.

А «дядя» как будто и не уходил, разжег небольшой костер, для Шевкета наверно, мурлычет себе песенку под нос. На армянском...

– Сынок, сердце у тебя хорошее, – сказал голос. – Подходи давай, погрейся у моего костерка. Ты не думай, что город этот беззащитен. Нас, привидений армян, так много, мы так крепки, что перед нами ни одна армия не устоит. А если мы перейдем в наступление... О-о-о...

На этом опять такой гвалт поднялся, что Шевкету почудилось, будто шайтаны его в ад волокут. Подрагивая от холода, он подошел к костру, да так близко, чуть было в самый огонь не ступил...

– А живете где, здесь? – как бы между прочим задал Шевкет заведомо бессмысленный вопрос. Узнать хотел, тут ли еще дядя-невидимка.

– Мы не живем. Мы город стережем.

– И не боитесь нас?

Дядя мог бы расхохотаться в ответ, но он заговорил как-то очень по-доброму:

– Ты не ставь себя в один ряд с другими. Знаем вас всех и каждого. Знаем и то, что ты не один такой. В Книгу Господа все заносится, так что заводи ты завтра свой бульдозер, расчисти тут все, а потом и поповский дом снеси. Он, этот дом, считай, разрушился, когда сыновья бросили отца и мать одних, разъехались кто куда...

Шевкет стал озираться, думал, привидения снова галдеть начнут, но было тихо.

– С этим городом твой бульдозер ничего не сделает. Мы охраняем все достойное того, чтоб сохранилось. А достойного, поверь, намного больше, чем недостойного. То, что сносите, вернем на место в лучшем виде. Иди, Шевкет, хлопни еще рюмочку и ложись спать.

Цахкадзор

2024

КОСТАН ЗАРЯН

Я ДАРИЮ ТЕБЕ СЕРДЦЕ

Перевел Гурген Баренц

Костан Зарян (настоящее имя Костандин Егизарянц, 1885–1969) – выдающийся армянский поэт, политический и общественный деятель. Его судьба в значительной степени явилась отражением судьбы армянского народа. Он родился в Шамахе, был очевидцем армянских погромов в Баку, где учился в русской гимназии. Образование продолжил в Париже и Венеции. Обосновался в Константинополе незадолго до Первой мировой войны и геноцида. Жил в европейских городах, учился в Риме, Париже и Брюсселе. В 1917 году по инициативе поэта во Флоренции была создана ассоциация «Pro Armenia». Зарян выступал с публичными лекциями, посвящёнными искусству, истории, литературе и культуре Армении, которые широко освещались в прессе. Добился аудиенции у Папы Римского Бенедикта XII и рассказал ему об ужасах геноцида армян в Османской Турции. В 1922 г. возвратился в Константинополь, надеясь возродить оборвавшиеся литературно-культурные традиции. Однако его ожидало жестокое разочарование. В том же 1922 году поэт перебрался в советизированную Армению, однако то, что происходило в стране, было для него органически чуждо и неприемлемо, и в 1924-ом он переехал в Италию, а еще десять лет спустя в качестве специального корреспондента нескольких итальянских газет обосновался в Испании.

В 1940 году К.Зарян в должности профессора читает в Колумбийском университете и университете Беркли курс лекций по всемирной литературе. Летом 1960 года, после встречи и беседы с Католикосом Всех Армян Вазгеном Первым, состоявшейся в университете Беркли,

писатель принял решение репатриировать в Армению, где и провел последние годы своей жизни.

Литературное наследие Заряна обширно. Это сотни стихотворений, поэмы, романы, новеллы, рассказы, драматические произведения, статьи, письма и эссе.

ЛУНА

Какая ночь!

Луна спустилась, прильнула к снегу,
обняла его сверкающими крыльями –
вонзила в сердце золото меча,
очаровала, напоила грёзами.

Серебряная зима.

Иду, смотрю горящими глазами
на красный город, погружённый
в дым забытых сказок,
погрузившийся в снег.

Покрыты снегом бедные руки дня,
сложены печали на груди,
и по дороге, стелящейся, как пергамент,
мчится конь с агатовой уздечкой.

Постовой на страже у толпы
стучит оледеневшими ногами о землю,
а под его отяжелевшими веками
затаилась память, взгляд устремив на луну.

Из тёмных закоулков усталой улицы
доносится чей-то вздох.

Из какого-то здания
доносятся звуки музыки и тают
в бездне, обнаруженной лучами.

Ночь опрокинулась, упала в озеро.

По бульвару ползёт крик,
и таинственные призраки стаями

преследуют убегающие сны.
Какая ночь!
Серебряная зима.

СЕВАН

Я жажду.

Я по острым камням побережья
бродил босиком и искал хоть немного лазури –
напрасно.

Облака говорят сверху вниз
с разорванными, верблюдоподобными хребтами,
и я не знаю: я ли это,
или, может, не я...

Караван армянской истории
остановился у самого неба,
устало прилёг и жуёт горизонт.

Я ли это, или, может, не я... мой двойник.

В кратере – большой трапезный зал
и светлый вечер,
пир ангелов, убитых в Айриванке,
у пожелтевших, разрушенных стен.

Волны стелют серые ковры,
ветер покусывает мои рёбра –
господа, заседание в озере Севан
объявляется открытым.

Я жажду.

***

Вой, буря, пусть будет адская свистопляска,
жизнь – всего лишь несовершенная
и жестокая игра,
а смерть – обман.

Дарю тебе сердце свое: огонь среди огней,
священные руины среди руин.
Дарю тебе сердце свое, дарю тебе сердце.

Пусть будет чёрною судьба –
факелоносец, наводящий ужас
своей пляской в феерическом вихре,
где всюду мерцает
зловещий, пугающий
свет жизни.

Вой, буря, пусть будет адская свистопляска,
животворящая, создающая солнца
и очищающая мирозданье.
Всё кончено: я бросил сердце в вечность,
о моя жрица багряная,
на твой новый, огненный призыв,
на твой боевой завет.
Вой, буря, вой.

***

Сними кольцо, обнажи грудь.
Все равно –
твоё тело должно стенать
в этот солнечный день,
должно рыдать и страдать
по непостижимой причине.

Твои ресницы говорят о чем-то,
в тебе звучит какая-то горькая песня,

а крылья твои безнадежно опущены,
и рёбра твои слабы.

Сними кольцо. Молчи.

***

Свет, врывающийся в окно,
разводит огонь у меня на лбу.
Я протягиваю руки
вместе с теплом своих губ –
чтобы согреться.

Дорога, которую я потерял,
стремится к горным вершинам
и баюкает мои воспоминания
утесами загадок.

Ах, скорей бы спуститься,
войти в поле,
засеять нивы тоскою
и нарисовать кровью мака
орнамент на лбу.

Одергиваю занавес –
распахиваю день.

***

Дни мои, с зонтиками в руках,
бредут через поля.
Какой-то сверчок поёт.
Ласточки вышли на охоту –
в воздухе веером машут.

солнце свило гнездо в моих волосах,
а сердце шагает – под бой своего барабана.

Вдруг порывистый ветерок,
играя у меня на плечах,
прошептал мне неслышимым голосом
своё пророчество.

Я отдаляюсь от себя
и медленным шагом вхожу
в пределы мироздания.

Все деревья вокруг шелестят.

***

Босой брожу по комнате
и сонными глазами ищу
свои умершие поэмы
в днях, разорванных на клочья.

Прощайте же, прощайте навсегда,
улетевшие на крыльях ласточек
мои золотые видения.
Ваши родовые муки
сожгли мои надежды,
и по извилинам мозга
ворвались в глубину моей души.

Одеваюсь. Закрываю дверь.

***

Сквозь облака молодая луна
вытягивает свой клинок –
медленно зажигаясь бледным пламенем.
Дерево к дереву тянется струнами,
а ветер

на груди вечера
прядет свою мечту.

А я иду, погружаюсь
в эту новую игру,
ту, что демонстрируют стихии,
и вместе с героями своей сказки
вхожу в мир,
преображённый
кривым клинком луны.

Раскрываю сердце,
сворачиваю тоску –
прислушиваюсь.

РУБЕН СЕВАК

ПРОЗА ПОЭТА

Перевел Степан Матевосян

Русскоязычному читателю знакомы стихи западноармянского поэта и врача Рубена Севака в переводах Павла Антокольского, Георгия Кубатьяна, Надежды Кремневой, Аллы Тер-Акопян и других. В №1 журнала «Литературная Армения» за 2025 год уже были опубликованы, впервые на русском языке, несколько рассказов Рубена Севака из цикла «Страницы из дневника врача» в переводах Степана Матевосяна. Позже весь сборник, состоящий из 31 новеллы о медицинской практике, вышел в московском издательстве «Художественная литература». Рассказы из цикла «Ночи студента» в этот сборник не вошли. Два рассказа, подкупающие своей искренностью, нежностью и наивностью, ярко контрастируют с философской глубиной и натурализмом «медицинских историй». Они, безусловно, созданы автором исключительно одарённым, очень юным и чувствительным, что придаёт этим рассказам особую трогательность.

Представляем вниманию читателей рассказы из этого цикла, переведенные на русский язык, а также ранее не опубликованные дневниковые записи: лиричные, преисполненные глубоким осмыслением поэтом событий и своих чувств в разные периоды жизни – студенческие годы и более зрелые, во время службы врачом в Османской армии, куда он был призван сразу по возвращении на родину из Швейцарии.

НОЧИ СТУДЕНТА

Белокурый и брюнет

Снаружи моросил дождь. Сквозь залитое окно просматривалась унылая улица, и только свет редких фонарей придавал ей некую таинственность.

Люди внутри развлекались: играли, пили, веселились. И столько жизни, столько удовольствия было разлито в маленьком зале небольшого кафе, что эта атмосфера беспечной радости затмевала монотонную, печальную мелодию дождя.

– За Рица! Выпьем за Рица! – раздались голоса, когда один из молодых людей закончил свой рассказ.

Студенты подняли бокалы за здоровье приятеля. Они были здесь завсегда: многие ночи подряд толпились они вокруг одного и того же стола с бокалами пива в руках. Беззаботные юные лица, сдвинутые набекрень студенческие кепки из яркого пестрого бархата и надетые через плечо трехцветные ленты. Поэтому, как они сидели, как болтали и смеялись, по частым взрывам хохота было очевидно, что собрались здесь эти юные головы отнюдь не для того, чтобы решать судьбы мира.

Когда бокалы опустели, Жит сказал:

– Теперь прошу тишины! Молчите все, история моя грустная...

Жит относился к той категории студентов, которая, несомненно, составляла самую счастливую часть человечества. Никто из его друзей не помнил, да и не знал, когда именно он начал свою учебу, а уж когда должен завершиться цикл его обучения – этот вопрос мог волновать кого угодно, только не его самого. Красивые светлые голубые глаза, вечно улыбочливое красное лицо и приметное брюшко создавали впечатление довольного всем человека, живущего на удовлетворяющую все его потребности стипендию студента... скажем, философского факультета.

Какова его «философия»? Язычество. О чем можно было легко догадаться по виду усов Жита: солидных, подчеркнуто ухоженных, неизменно обращающих на себя внимание. Так что друзья его ничуть не удивились, когда после такого серьезного вступления Жит пространно и подробно, нежно и ласково заговорил о девушке, – мадемуазель Нине.

– Каждый день ровно в полдень, сразу после занятий, я бежал из нашей аудитории в ее лекционный зал, чтобы поухаживать за ней: подать пальто и сопроводить в столовую. А всё потому, что Нина была девушкой ну очень милой, честной и благородной. Весенними вечерами мы гуляли с ней в тени аллей, и когда под покровом темноты ее прелестная маленькая ручка касалась меня (она нежно брала меня под руку), я в это мгновение, верите или нет, становился доверчивым как агнец и наивным как дитя.

А по ночам, когда ей не спалось, она приходила к моему дому и вызывала меня легким мелодичным свистом. Я одевался в мгновение ока, и мы снова вместе кружили-бродили по городу. Потому что, повторюсь, Нина была очень и очень милой девушкой. Ах, Нина, Нина!..

И вот пришел день, когда мы решили пожениться, как и полагается всем добропорядочным людям... Написали письмо родителям в Москву. Родители благословения не дали. Уговоры, просьбы, увещевания... Безуспешно и безнадежно.

Опечалились мы оба. Однако Нина опечалилась так сильно, что решила отправиться в Париж, чтобы отвлечься и забыть все свои горести и печали. Бедняжка, как безутешна была она на вокзале!

– Как, как я буду жить в Париже без вас, мой милый Жит?! – плакала Нина. – Как я проживу целый месяц без вашей обожаемой белокурой головы?! Нескончаемо долгий месяц!..

И я, как вы знаете, обычно сохраняющий хладнокровие в подобных обстоятельствах, так растрогался, что от волнения не мог найти верных слов, голос мой дрожал:

– Нина... Нина!.. – только и мог шептать я, сжимая ее руку.

Нина уехала и...

– И как, смогла она жить без тебя, «милый Жит», без твоей «обожаемой белокурой головы»? – с нетерпением спросили друзья.

– Она нашла другую «обожаемую белокурую голову» в Париже и вышла за него замуж... – ответил несостоявшийся жених с горькой ироничной улыбкой.

Последние слова Жита утонули в гоготе студентов. И столько непритворного веселья было в смехе молодых людей, что Жит и сам не удержался и захохотал вместе со всеми, безудержно и беззаботно.

– Удивляюсь и одновременно восхищаюсь Житом, – вмешался Грант. – Никогда не смог бы смеяться после такого подлого обмана и предательства. Сколько чистоты, легкости и беспечности в этой любви, – любви «белокурой головы»!..

Произнося эти слова, Грант густо покраснел, и на его побагровевшем лице ясно проступила та самая девственная свежесть его дерзких двадцати лет. Он был дивным, восхитительным брюнетом – из тех прекрасных восточных мужчин, что от природы одарены талантом любить всем пылом и огнем своего горячего сердца.

– А теперь послушайте мою историю, – сказал Грант. – Заурядную историю, незатейливую и очень невинную. Так вот, в те дни, когда Жит кружил по городу свою нежную Нину, я сидел один в комнате и работал. Труд был тогда для меня всем, и, поверьте ли, даже мой голый деревянный стол казался мне исполненным невыразимого очарования... Я читал и читал, а когда уставал – отдохновением для меня было окно. Я наблюдал ночь в ее безграничной и беспредельной неге; глаза мои устремлялись к печальным далям, и снежные горные вершины на горизонте пленяли мое сердце.

Иногда тихо растворялось окно в доме напротив, и я мог видеть в темном проеме неподвижную и загадочную тень. Эту тень я видел каждую ночь, и, не имея представления, кто это, я уже симпатизировал ей. Моя душа испытывала невыразимо глубокое удовольствие, когда мы, каждый у своего окна, неподвижно смотрели друг на друга сквозь сгущающуюся темноту ночи, в то вре-

мя как огоньки города медленно, один за другим, гасли над нашими головами.

Кто же это? Кто бы это мог быть?

Так вот, в один прекрасный день я возвращался домой из университета. Время было после полудня. На противоположной стороне улицы, на тротуаре, я увидел девушку. Она поспешно направилась ко мне. Незнакомка подошла явно смущенная и растерянная, щеки ее пылали. Опустив глаза, она протянула мне руку, и столь искреннее волнение изумило меня. Я поднял руку ей навстречу, она судорожно сжала ее влажными пальцами, и я почувствовал, как кровь кипит в ее венах. Через мгновение она осмелилась поднять глаза и дрожащим голосом произнесла:

– Добрый день, мой друг! И счастливо оставаться!..

В замешательстве я не смог произнести ни слова. И вместо того, чтобы сразу пойти домой, долго еще бродил по улицам с книгами под мышкой.

Вернулся я поздним вечером. У дома меня ждала пожилая женщина.

– Фанни передала вам открытку, – сказала дама, поздоровавшись. – Сегодня она уехала в Германию. Из-за вас. Бедная девочка, такая еще юная, не спала ночами и только стояла у окна. Бедная, бедная Фанни, так сильно и пылко любить!..

Я оторопел. Смущенно поблагодарил даму и стремительно, не помня себя, взлетел на седьмой этаж моего дома. Едва переступив порог своей комнаты, я впервые ощутил холод одиночества и неприкаянности. И под тусклым светом моей лампы прочел: «Мои поцелуи горячему брюнету Востока. Фанни».

В тот же миг я метнулся к окну – там не было знакомой тени. Отчаянный, душераздирающий крик рванулся из моей груди, но захлебнулся, так и не сорвавшись с губ.

Такая вот история. Очень наивная и очень простая. Любовная. Совсем обыкновенная история, однако она настолько сильно меня потрясла, что я, вместо того чтобы смеяться, как Жит, уронил голову на голую доску моего стола и горько заплакал. Поверьте, друзья, я плакал в ту ночь. Впервые плакал из-за любви...

Когда Грант замолчал, ладони его были влажными, а в глазах стояли слёзы.

Предавшись раздумьям и погружившись в собственные грезы, друзья его молча курили, и дым сигар, покачиваясь и извиваясь в воздухе, парил над их головами.

Жит решил прервать воцарившуюся тишину и, подняв бокал с пивом, сияя жизнерадостной улыбкой, весело провозгласил: «За горячего брюнета Востока!»

Все содвинули бокалы, но звон их был далеко не таким радостным, как прежде.

Год спустя

В этот вечер выпускницы консерватории давали великолепный концерт. Многочисленные зрители до краев заполнили большой театральный зал. Вчерашние студентки, в белых шелковых платьях, выходили на сцену и демонстрировали свое вокальное мастерство, не ограниченное пока, не отточенное, но трепетное. И теперь, после концерта, густая толпа вытекала из театра и, разделяясь, расходилась по темным улицам.

Энрикетта победоносно стояла перед большой дверью театра. Стояла под руку с Брантом, и весь ее вид выражал торжество. Как счастлива была она этим вечером! Как бурно зал аплодировал ей! И платье – белое, шелковое – как выигрышно подчеркивало ее тонкую изящную фигуру!

Не переставая моросил мелкий, тягостно-беспросветный дождь. Электрические фонари мерцали и бросали неровный, колеблющийся свет на мокрые стены домов и толпу под черными зонтами, спешно удалявшуюся в темноту улиц.

Перед мысленным взором Энрикетты все еще стояла картина аплодирующей публики, а Брант, опьяненный счастьем, не находил слов, чтобы выразить свое восхищение.

Счастливая пара уже направилась к лестницам, – пора было отправляться домой, как Брант вдруг взволнованно остановился:

– Энрикетта, смотри, это бедняга Саэт!

Сердце Бранта больно сжалось от сострадания к съежившемуся под дождем Саэту, и в памяти его воскресла печальная история, – простая, наивная и вполне обыкновенная, подобно множеству других любовная история. Однако же именно в эту ночь, по непонятной ему самому причине, чужая боль так глубоко тронула Бранта...

Саэт был молодым испанцем; он прибыл в Невшатель изучать литературу. И здесь познакомился с Энрикеттой, очаровательной итальянкой, студенткой консерватории. Три года они любили друг друга, были неразлучны, мечтали о счастливом будущем и, конечно же, целовались, как все влюбленные пары на свете. Но однажды внезапно и без объяснения причин Энрикетта ушла от него к Бранту.

Этот неожиданный удар вверх Сиэта в глубокую печаль. Однако он был волевым, настойчивым и упорным юношей. Конечно, он оплакивал утерянное счастье и, возможно, даже мечтал пустить себе пулю в лоб, маленькую свинцовую пулю, которая положила бы конец его страданиям. Но Саэт не был поэтом и для начала решил попытать удачу... поговорить с любимой, – в эту дождливую ночь он ждал, чтобы увидеть Энрикетту и, быть может, кто знает, вернуть былую любовь...

– Энрикетта, смотри, это бедняга Саэт!

Энрикетта задрожала, еще ниже опустила зонт и еще сильнее сжала руку Бранта.

– Пойдем скорее, – сказала она тихо. – Уже поздно.

***

Брант был сыном бедных родителей; совсем недавно покинул он отцовский дом и приехал в Невшатель, чтобы изучать математику. Тонкие аристократические черты лица и светлые длинные волосы выдавали в нем уроженца Севера, а синие глаза хранили холодное и бесстрастное спокойствие бескрайних просторов его родного края. Он еще не познал жизни, не познал и женщины, и это отражалось и на лице, и в душе этого красивого юноши. Он не знал любви как времяпрепровождения или любви-корысти.

Любить для него значило обрести вечность. Нет, не вечность даже – нечто бесконечно большее. Брант был из тех трепетных душ, что способны плакать от любви. Бедный, как он заблуждался!..

Наивным представлениям юноши о любви был нанесен сокрушительный удар, едва он встретил Энрикетту. Девушка эта частенько прижимала голову Бранта к груди, гладила его по роскошной шевелюре и с упоением, повинуясь загадочной женской природе, рассказывала влюбленному юноше о тех несчастных, что стали жертвами ее чарующих черных очей. Первая история – о бедном Сильвестре, том самом мальчике, что полюбил ее в родной деревне, под синим небом Тосканы. Потом был молодой учитель музыки. Дальше – Альбер, студент-филолог, которого врачи потом отправили в Ниццу из-за болезни легких. И многие-многие другие, пока не настал черед Саэта... Энрикетта в эти мгновения была абсолютно счастлива: все истории ее звучали торжествующе – женщина в ней ликовала. А Брант в это время думал о всех тех страдальцах, что, как и он в это мгновенье, клали голову свою на грудь прелестной Энрикетты. Но стоило ему заикнуться об этом, как она вскидывалась, брала руки Бранта в свои ладони и, потрясая ими, повторяла, почти плача:

– Милый мой! Милый, люби меня, люби!..

Любить?.. А как же бедность?.. А учеба?.. А престарелый отец, что ждет его домой? Брант постоянно размышлял над этим. И частенько зимними ночами, утомленный долгими часами, проведенными над книгами, он, этот влюбленный длинноволосый юноша, зарывался лицом в подушку, съеживался под одеялом, чтобы предаться мыслям об Энрикетте и всласть поплакать от тоски по ней.

Увы, бедный студент не должен любить, но Брант любил! И как!.. Со всей нежностью и пылом, как умеют лишь юнцы.

Год спустя

В это время зимней ночью сад выглядел особенно таинственно. Голые ветви деревьев топорщились в темноте, вдоль сада тя-

нулась городская дорога, пустынная и безмолвная, ниже виднелось озеро, а дальше, на горизонте, – Альпы.

Энрикетта, прислонившись к стволу дерева, долго и пристально смотрела на озеро – дивное Невшатальское озеро, застывшее и безучастное. Рядом, положив голову на плечо девушки, стоял Саэт.

И так неподвижен был замерзший сад, столько спокойствия и умиротворения дарил окутавший землю снег, что, казалось, ветви деревьев склонились в трепетном восторге и восхищении перед этим живым скульптурным изваянием двух влюбленных.

Тишину нарушили приближающиеся неясные звуки. Какое-то бормотание... На пустынной дороге, что вела вдоль сада, возникла тень. Когда она приблизилась, влюбленные смогли различить смутные контуры человека. Его тощее тело пряталось в черном пальто. Шляпа съехала на лоб и скрыла лицо, спутанные длинные волосы косматыми прядями свисали с обеих сторон. С охапкой потрепанных книг под мышкой и бутылкой спиртного в другой руке, шагал он пошатываясь, спотыкаясь на каждом шагу, пьяно бубня себе что-то под нос. И пустынная лента дороги уходила далеко вдаль, тянулась, тянулась, как скорбный крик:

– Энрикетта!.. Энрикетта!..

Вряд ли кто-то смог бы объяснить, что произошло в тот миг с ветреной обманщицей, что пронзило все ее существо. Однако Саэт почувствовал, как похолодевшие пальцы Энрикетты выскользнули из его руки.

А убогий, пошатывающийся и безвольный, будто навечно приговоренный к падению, плачущий и жалкий пьяница тащил свою тщедушную тень по безлюдной мостовой.

И тоскливое безмолвие зимних ночей, и таинственный мрак длинных аллей, и окостеневшие скелеты деревьев в саду, и, кто знает, может даже и окаменевшее сердце Саэта, – всё вторило хриплому и надтреснутому, полному боли и отчаяния голосу пьяного:

– Энрикетта!.. Энрикетта!..

И тень Бранта растворилась в ночи...

1907

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА

*Грустная минута**6 октября, 1906, суббота*

Пишу в субботний вечер. Не знаю, отчего мне так грустно сегодня. Сколько бы ни силился человек забыть свои боли, сколько горячо ни любил бы счастье, сколько бы ни старался не увязнуть в трясине горестей жизни, в сердце все же остается уголок, который временами начинает саднить, болеть и наполняться слезами. Кто знает почему?! Разве не удивительна природа человеческой души и сердца?

Свирепый ураган порою бессилен повалить дерево. А маленький неприметный червь закрадывается в сердцевину ствола, и вчерашний могучий дуб превращается в иссохший дряхлый скелет.

Так и с душой и с сердцем человеческим. Случаются сильные болезненные удары, которые едва ли чувствуешь, а бывает, что незначительные, на первый взгляд, вещи щемят душу. Неловкое движение, разговор, неаккуратное слово или взгляд, и вот – сердце уже кровоточит.

О терзающаяся, о изнемогающая, о отравленная – все это ты, Душа!

Размышляю о тех несчастных, кто страдает: сколько из них пали, поверженные взглядом, скольких ранили стрелой слова, скольких отравили поцелуем!

Размышляю о тех горемыках, кого погубило собственное сердце.

Непонятый и необъяснимый замысел: несокрушимый источник бедствий, благоговейный источник слез – и все это тоже ты, Душа!

И как же сладостен миг, когда душа расцветает! Как ярко пылает в ней счастье, как упоителен его нежный шепот!

Но вот из тенистого мрачного угла черный цветок печали выставляет свой скелет. Искры ликования тут же меркнут, песнь ра-

дости умирает. А боль – необъяснимая, глубокая и отчаянная – растёт и ширится в сердце, подобно осенним туманам, напитанным унынием и безысходностью.

И ты не знаешь, что именно терзает тебя, не понимаешь, что разливается в твоих жилах, не в силах постичь ту бездонную пустоту, что гложет твоё сердце. Знаешь только, что в груди – тоска, необъятная как море, что душа рвется прочь из тела, а глаза застилают слезы. И жизнь невыносимо тяжела...

О Мать горечи! О безрассудное орудие! О загадочный комок мышц – Сердце человеческое!

И ты, бедное сердце моё!

8 марта 1915 года, воскресенье

Уже почти два месяца, как я военный. Новая жизнь моя наполнена таким количеством странностей, что постоянно хочется записывать впечатления. Поэтому мозг мой должен научиться перерабатывать всю информацию за день и сжимать ее до размера маленькой страницы этого дневника. Мое перо должно стать преданным слугой, покоровшимся моей воле, в противовес своенравному жеребцу, каким оно было до нынешних пор. И это основная причина, почему я завел эту тетрадь. До сих пор несговорчивое перо, что я держу в руке в надежде повести его в желаемую сторону, двигалось своенравно и строптиво. Я был его рабом, оно – моим господином. Я слышал множество похвал, но они лишь огорчали меня.

Случается, народ рукоплещет королю, который всего лишь жалкая марионетка в руках своего премьер-министра. Так и я, поэт Серак и врач Чилинкирян, сжимая в руке простую деревянную ручку, был и остаюсь его слугой. Но с завтрашнего дня я намереваюсь стать тем, кем на самом деле являюсь, поскольку, полагаю, мое истинное «я» выше того, что я являю миру внешне.

О, Боги пронциательности, прозорливости и красоты, помогите мне!

9 марта 1915 года, понедельник

Вчера, в воскресное утро, я отправился в церковь. Сейчас время Великого поста, и храм убран в черное. Я испытал огромную радость, увидев, что вся церковь, от входа до алтаря, заполнена нашими военными. И тут же распорядился снять головные уборы. Все повиновались приказу офицера, и только один солдат, погруженный в искреннюю слезную молитву, направился к самому центру храма, к алтарю, и остановился там. Он молился, воздев руки вверх, крестился, рыдал и стонал. И время от времени вскрикивал так иступленно и громко, что до меня доносились обрывки его странной речи. Я не понимал слов, но был уверен: Тот, Кто там, наверху, к Кому обращена эта горячая молитва, точно поймет язык этого страдальца.

И все же, почему этот безусловно набожный и благочестивый человек не захотел снять головной убор? Я повторил приказ. Тогда он подчинился, и моим глазам открылась ужасная картина: вся голова его была изъедена французской болезнью... Сильная дрожь пробежала по моему телу. Человек, с трудом найдя в себе смелость вновь преклонить колени в молитве, осенил себя крестом и покинул храм. А я остался стоять на месте словно пригвожденный.

КОНСТАНТИН ШАКАРЯН

Поэт, переводчик, филолог. Стихи, переводы, статьи о поэзии публиковались в российской и зарубежной периодике, в журналах «Новый мир», «Звезда», «Дружба народов», «Новый журнал» и др. Лауреат премии журналов «Звезда» (2020) и «Новый мир» (2024), международной премии им. К.Леонтьева (2022). Автор книг стихов «Новый день» (М., 2024), «Моя незаживающая птица» (М.–Ер., 2026).

ПРОВОДЫ ВРЕМЕНИ

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Я забыл свою первую строчку...

В. Соколов

Я первой любви не забуду.

Мерцает в душе навсегда

Подобная тихому чуду

Далёкого чувства звезда.

В те дни, как она восходила,

Во мне освещая меня,

Темно на душе моей было,

На небе моём – ни огня.

И сразу – слепяще до боли
Сиянье её раздалось.
От этого голоса, что ли,
Улыбки, и глаз, и волос?..

Не помню о том и об этом,
Но словно бы из ничего
Неведомым внутренним светом
Меня озарило всего.

...Не поймано счастье в ладони,
Загадано всё невпопад.
Давно на моём небосклоне
Иные светила горят.

Те звёзды сияли и слепли,
И солнце всходило в зенит...
Всех прежде судьбою затеплен,
Мне свет её слабый горит.

Горит, обнажая истоки,
В тени занесённых лучей.
Уже незаметный. Далёкий.
Высокий. Бессмертный. Ничей.

* * *

Мы с тобою время проводили
До какой-то станции его:
Память то немеркнущая или
Плотное забвенья вещество?

Не остановилось. Не бежало.
Шло неслышно, словно шум дождя.
...Нас оно, как видно, провожало.
И не оглянулось, уходя.

* * *

К. М.

Хорошо – смирившимся с потерей
Поиску отдаться не спеша.
Как шагами улицу ни меряй
(Ах, была вещица хороша!) –
Знаешь сам: труда не стоит тщиться
Отыскать, вернуть её назад,
Как не стоит самая вещица
Треволнений многих и досад.

Для чего пишу теперь об этом,
Рассужденьям придавая строй?
Что-то потерял, по всем приметам,
Нынче мой лирический герой.
Не ключи от дома – слава Богу,
И не то, что в доме том лежит.
Не любовь, не веру, не дорогу,
Не талант, не совесть и не стыд...

Остальное – поправимо всяко,
Находимо заново – всегда.
Знаю, понимаю... И однако
Всё-таки иду теперь туда,
Где, рассеянный, оставил что-то,
Без чего трудней прожить чуть-чуть.
Красть кому очки мои охота?
Отыскать бы – и в обратный путь!

Путь лежит через огни и блики
Летние, тугие – тут и там,
Где в глаза лучи свои, как пики,
Слепо солнце всаживает нам.
Свыкнешься с потерей небольшою,

И потянет дерзостная страсть —
Глазом безоружным и душою
К небу раскалённому припасть.

В ГЮМРИ

...а так как мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике.

А. Ахматова

А в этом городке одноэтажном,
Где мы вышагиваем с видом важным
(Лишь потому, что выглядит неважно
Народец местный – славный и простой),
Всё хочется запечатлеть отважно,
Чтоб расквитаться с этой красотой.

Да разве же в строку загонишь это
Весною притворившееся лето,
Улыбчивые улочек зигзаги,
Меняющие облик что ни миг?
А так как не хватило мне бумаги,
Я в мейле открываю "черновик"

И что же в нём пишу я сгоряча?
Что город мне доходит до плеча
И то едва-едва. Смешно и грустно.
А мы смеёмся, бродим – благодать!
Любое впечатление изустно
Верней, чем на бумаге, передать.

По городу бродили мы запоем,
Пришёлся он по росту нам обоим,
Пришёлся по душе нам и по вкусу

Не видами – но видом всем своим,
Сродни природе и под стать искусству,
На содержанье/форму неделим.

Весь день шагали мы – и незаметно
(От радости, а может, из-за ветра)
Взлетали и кружились, по Шагалу,
В костёр небес неся земной огонь.
А городок темнел мало-помалу
И к нам с земли просился на ладонь.

* * *

Все мы – раки на безрыбье,
Наши полнятся ряды
Посреди шумливой зыби
Прибывающей воды.

Где-то лебеди и шуки
Проплывают по волнам.
Им – ловить мечты и звуки,
Препираться с ними – нам.

Это было, было, было...
Всё слизнуло без следа.
Наши споры, с жару-с пылу,
Приняла в себя вода.

То не щучье ли веленье,
Не лебяжье ли перо –
Молодые поколения
Не оглянутся – старо.

Все уплыли, улетели,
Задохнулись на земле.

Мы одни с горы свистели
На безрыбье и во мгле.

Свист разносится по водам,
Прошивает окоём.
Но, помилуйте, кого там
Вы зовёте? Мы зовём?..

Где ж вы, лебеди и шуки,
Где вы, рыбы? Ни гу-гу.
С гор срываемся от скуки
И лежим на берегу.

Панцирь наш непробиваем,
Клешни цепкие – тверды.
И живём, не унываем.
Ждём погоды у воды.

* * *

Сна обрывки негаданно всплыли
Среди ночи бессонной – точь-в-точь,
Как они мне показаны были
Перед этим – в прошедшую ночь.

Непонятно, зачем и откуда
Из-под спуда выходят на свет,
Пролетает над миром секунда –
Простывает и след.

Подсознания мгновенная сшивка
Происходит ночью порой:
Острота ощущенья обрывка
Проникает в сознание иглой.

Но игла – далеко не иголка,
И сознание, как видно, не стог,
И обрывки не сходны нисколько
С тем, что видеть когда-то я мог.

Почему же всплывают невольно,
Проникают из памяти в стих,
И едва не становится больно
От виденья внезапного их?..

СКВОЗЬ СОН

1

Птиц ритмический посвист, считающий стопы,
Прозвучавший под утро под самым окном,
Мне подсказывал что-то, наказывал, чтобы
Не смыло мелодию сном.

Я не сплю. Только вслушиваюсь в эти гаммы.
Чистит горлышко музыка вновь поутру.
И расходятся ритмы по утру кругами:
Всё по кругу, по кругу, по кру...

2

Впечатления теснят усталость.
Сна уже, как видно, не осталось
ни в одном глазу. И поделом.
Сколько гула трачено и пыла!
Вновь режим – уже почти что было
восстановленный – идёт на слом.

Вновь не спать. Воспоминаний нити
из клубка распутывать подолгу
и вдевать в острейшую иглоку
совести: колись, душа, колись!..

.....
.....

Впечатлений тяготу и смуту
(сбыту ей не быть, а также – сдугу)
в ступе слова досветла толочь.
Протащить по всем путям-каналам
памяти – и до смерти усталым
провалиться в брезжущую ночь.

День ночует, ночь ли рассветает –
кто на белом свете отгадает,
если свет пока ещё не бел,
если часовыми поясами
стянута земля под небесами,
и петляет, зыблется предел?..

НАИРА ПИРУМЯН

Родилась в селе Агаджур Иджеванского района Армении. Имеет две специальности: фармацевта и психолога, работает с детьми, имеющими физические и умственные проблемы. Автор двух книг: сборника рассказов “Лист” и романа “Агаджур, или Жемчужина двух рек”.

ПОСАДИ ПРУТИК

Мать есть начало мироздания

Перевела Светлана Марданян

Морозное зимнее утро.

– Акоп джан, поставь чайник, пока я сбегаю за хлебом.

– Хорошо, только будь осторожней, скользко очень.

– Не говори, ужас берет, как представлю дорогу туда и обратно. Коммунальщики только и знают, что деньги собирать, а спросить их: за что? Хотя бы зимой убирались во дворах, что ли! И не знаешь, кому на них жаловаться, – досадовала Асмик.

– Мам, ты оставайся, я пойду, – на негодующий голос матери вышел парнишка лет шестнадцати.

– Нет, родной мой, мне еще кое-чего надо купить. Да и холодно ужасно, сынок.

– Ну-у, мам, опять ты начинаешь?..

«Мам» уже не слышала его, спускалась по лестнице.

А на улице действительно было морозно. Казалось, отхвати кому-нибудь нос, он не то что не почувствует, но и ни капли крови не прольется. Пронизывающий студеный ветер, с одной стороны, обледенелый асфальт – с другой, сильно затрудняли передвижение. «Не хватало только упасть. Разобьюсь так, что костей не соберёшь», – бормотала Асмик себе под нос, а когда представила эти самые разбросанные кости, смешно стало.

Обмотав голову маминой старенькой, но очень теплой шерстяной шалью, мелкими шажками добралась до магазина. Еще издали заметила две женские фигуры, стоящие у входа. Уже в дверях, искоса взглянув, отметила про себя их возраст: одна примерно одних с ней лет, а другая, с младенцем на руках, совсем молодая.

Вошла в привычный для 90-х полупустой магазин. Шла война за Арцах. Люди притерпелись без света, без газа, считай, и без хлеба. Купив хлеба на оставшиеся талоны и кое-какую мелочь по хозяйству, Асмик вышла. Женщины все еще стояли там. Такая жалость взяла: в этакий-то мороз чего, интересно, ждут не дождутся? Приправленное любопытством сочувствие подтолкнуло ее к ним.

– Извините, не могу не спросить: что стоите на таком морозе? Ждете кого?

– Ох, сестричка, человек один прийти должен за нами, продрогли совсем, – грустно, чуть не плача, ответила та, что в летах. Судя по диалекту, они либо из Баку, либо из Арцаха.

– А как же... – прорезавший воздух крик младенца не дал договорить, как будто напоминал, что трое их продрогших, одеяльце-то вон какое тоненькое...

Мать принялась всюю раскачивать малютку – из стороны в сторону, вверх-вниз, но плач не прекращался.

Какая-то необъяснимая сила пригвоздила Асмик к асфальту. Вытянув шею к кричащему свертку, она произнесла:

– Ой, мерзнет, наверно...

– А как не мерзнуть-то... – беря ребенка из рук дочери, проговорила женщина.

Асмик взглянула на молодую маму: страх неизвестности и болезненное ощущение холода читались на ее худом бледном лице. Полный тревоги взгляд скользнул по лицу матери, подошедшей незнакомки и устремился туда, откуда должна была прийти помощь.

– Как я погляжу, ваш знакомый сильно опаздывает, – Асмик хотела было сказать, обманул он вас, но пожалела бедняжек и предложила решительным тоном: – Пошли ко мне!..

– А? – не расслышала или не поверила ушам старшая.

– Никаких «а»! Пошли!

Женщина передала сверточек дочери, сама взяла в руки знававшие лучшие времена два чемодана из натуральной кожи, и они последовали за Асмик. Скрючившиеся от холода, неопределенности, да и голода тоже, они готовы были пойти куда бы и кто бы их ни позвал. Пожилая вдруг остановилась и грустно спросила дочь:

– А вдруг Коля придет, а нас нет...

– Если бы ваш Коля хотел, давно был бы здесь. Давайте не будем об этом. Идем ко мне. Пообедаем чем бог послал, отогреетесь. Ребенок-то, небось, в насквозь промокших пеленках лежит, продрог безбожно. Поменяешь, покормишь... – Асмик улыбнулась молодой маме. Та лишь безрадостно кивнула.

– Разносолов не обещаю, но стол пустым не будет, – снова улыбнулась Асмик.

– Сестра, для нас сейчас и черствый хлеб в горячей воде – царский обед.

– Вот, пришли, – объявила «сестра», – первый подъезд, второй этаж. Только будьте осторожны, у входа сплошной лед.

Акоп открыл дверь и увидел за спиной жены две понурившиеся фигуры. Асмик поспешила внести ясность:

– У нас гости, с крохотным ребеночком, – бодрым голосом объявила она.

Ашот и Гаяне тоже вышли в прихожую на голос матери – посмотреть на неожиданных гостей. Поздоровались, познакомились. Дети молча наблюдали за засуетившейся мамой: одной рукой она накрывала на стол, другой подогревала воду для малыша, попутно давала мужу указания. Тот, не оправившись от удивления, молча их выполнял. Она таки улучила момент и отвела его в сторонку:

– Акоп джан, они издалека, мать и дочь, да еще младенец с ними. Остались на улице. У магазина встретила, такая жалость взяла, ну и привела с собой. Потом разберемся, как быть.

Зная жену, ее готовность безо всякой корысти бросаться на помощь людям, ее способность переживать чужую боль как свою, Акоп только и сказал, пожав плечами:

– Раз уж так находишь... Пусть будет по-твоему.

– Ох, Акоп джан, вот за это твое понимание и поддержку я тебя и люблю.

Акоп молча улыбнулся. А что ему оставалось делать?

Малютка в воде дрыгал ручками и ножками, гулил, улыбался... Заплакал, когда вытащили из воды. Завернутый в голубенькое с дельфинами одеяльце Ашота (кое-какие детские вещи Асмик сохранила в дальнем углу шкафа), он стал жадно сосать молоко и вскоре мирно засопел, так и не выпуская грудь матери.

– Ой, заснул! – с умилением проговорила Асмик, не сводившая глаз с младенца.

Было довольно поздно, когда взрослые собрались за вечерним чаем. Маленький Айк сладко спал, Ашот с Гаянэ ушли к себе – как предполагалось, лечь спать.

– Из Баку* мы. Еле спаслись, дочка в те дни только-только родила. Чего мы не навиделись, каких страхов не натерпелись... Мужа турки убили, зять пропал без вести. Искали, как могли, нет его – и все тут. Остаться там никакой возможности не было. Из

---

* Неделю длились армянские погромы в Баку – с 13-го по 20-е января 1990 года, спустя два года после сумгаитской трагедии в конце февраля 1988 года. Действия погромщиков отличались изощренной жестокостью: армян выбрасывали с балконов верхних этажей, толпы азербайджанцев нападали и забивали их до смерти. (Примечание переводчика).

Баку на пароме перебросили нас до Астрахани, а оттуда уже поездом добрались до Еревана. Насмотрелись мы на пароме ужасов: у кого культя висит, кто без носа и ушей... Ире моей так плохо стало, что ребенка не могла на руках удержать... – рассказывала Маро, бабушка малютки, но и ее ненадолго хватило: голос дрогнул, приумолкла.

Асмик, сама прослезившись, молча коснулась пальцев Маро. Взяв себя в руки, та продолжила:

– Кое-как доехали до Еревана, остановились у дальнего родственника, два месяца побыли у них, да оказалось, продают они свой дом, в Минск переезжают. А Коля обещал нам дом найти, где мы могли бы пожить ... Но тебя, Асмик джан, Бог раньше Коли нам прислал.

– Сколько всего вам пережить-то пришлось!.. – посочувствовала хозяйка, утирая слезы.

– Я завтра пойду к магазину, постою, может, Коля появится.

– Маро джан, чего тебе здесь не хватает? Кто знает, что он вам предложит... – запротестовала Асмик.

– Ох, спасители вы наши... – Женщина снова прослезилась. – Мы собирались пожить, где Коля нас устроит, до весны, а потом уехать в Москву. Там у меня подруга, учились вместе, зовет она нас.

– Поступайте, как ваше сердце подскажет.

Походила Маро с неделю к магазину, неизвестный Коля так и не объявился. А перестала, только когда прослышала, что в аварию он попал, лежит в коме в больнице. Ситуация сложилась непростая, полосни ножом по сердцу Маро, ни капли крови не пролилось бы.

Асмик как могла успокаивала ее. Главное, говорила она, что они с малышом живы-здоровы, а там, глядишь, и забрезжит свет в конце тоннеля.

Приютившая семья стала для Маро и Иры родной. Хозяева выделили им спальню детей; те охотно перебрались на обжитую веранду.

Дни шли, наслаиваясь в месяцы. Асмик тем временем нашла для Маро работу. Приятельница одна искала русскоязычную ня-

ню для малолетних внуков, а у Маро был такой опыт: в Баку она работала воспитательницей в детском саду.

Немалый груз взвалила Асмик на свои плечи, уставала очень, но в доме, как всегда, царили мир и порядок. Только вот среди родственников пересуды пошли:

– И зачем ты взвалила на плечи столько забот?

– Себя пожалей, и так хлопот было невпроворот...

– Эти и не уйдут. Сегодня им комнату предоставь, а завтра квартиру подавай.

– Уж больно терпелив твой Акоп, мой «Акоп» и двух дней не выдержал бы.

– День, неделю – куда ни шло, а они уже вон сколько месяцев у вас.

Асмик устала оправдываться, объяснять, почему эти люди у них оказались. Никак не хотели понять, что нет у них никого, одни они на всем белом свете. Был бы у них свой угол, оставались бы разве у чужих? Хлебнули несчастные горя и ужасов сполна... Интересно, как поступили бы эти «вразумляющие», встретить они бездомных, переживших столько бед и напастей одиноких женщин? Со стороны-то судить легко.

Однажды Асмик все-таки заткнула одной из них рот: «Какие они чужие? Нас, армян, так мало, что стоит слегка копнуть, как окажемся родственниками либо с отцовской, либо с материнской стороны». «Сочувствующая» женщина вытаращила на Асмик лягушечьи глаза и замолкла. Акоп в эти разговоры не вмешивался, все больше молчал. Знал по опыту: жена дурного не скажет и не сделает.

Справиться с жизненными перипетиями помогал маленький Айк, ставший всеобщим любимцем. Он уже держал спину, просился на руки. Ашот и Гаянэ в свободное от уроков время любили играть с ним, а с наступлением весны брали на прогулку – свежим воздухом подышать. Для Иры это были самые благодные минуты... А какой радостью он переполнял сердце Асмик! Проснувшись утром от его плача, накидывала она халат и:

– Акоп, пойду взгляну, почему наш ангелочек плачет.

Брала на руки, осыпала поцелуями, вдыхала нежный запах младенца, приговаривая:

– Чей это вкусный мальчик!

Сама удивлялась, как сильно привязалась к Айку. Он ей напоминал о детстве собственных детей: такой же умненький, хорошенький и пахнет так же... Впрочем, младенчество своих как будто мимо нее прошло: дом, работа, свекор со свекровью, дед, муж... Сколько себя помнит в этом доме, все в бегах и хлопотах: это успеть, то не забыть. И вечерами не до забав с ними было: спешила выкупать и уложить, чтоб под ногами не путались. А они возьми да и – раз! – уже подростки. Осознала упущенное с появлением в доме Айка... Кстати, привязанность у них была обоюдной: малыш тянулся к ней даже из рук матери и плакал, когда она уходила из дому.

– Ира джан, ты только Айком занимайся, по дому ничего делать не надо. Поверь мне, это твое самое сладкое время. Мне никто этого не говорил... – увещевала Асмик.

Ира лишь слушала с отрешенным выражением лица и, похоже, не вникала в суть ее слов. Молодая слишком...

Любовь Маро тоже выражалась как-то странно: возьмет малыша на руки, потискает, да и отдаст дочери. Для нее на первом месте была Ира: что бы та ни сказала, соглашалась с ней. Не хотела лишней раз расстраивать, берeditь ее душу...

Асмик порой ловила себя на крамольной мысли, что она любит мальчика больше матери и больше бабушки. «Э-э, глупо так думать, просто они не выказывают своих чувств, любят, конечно, но как-то по-своему». Вспомнились слова Маро: «Дочку против воли замуж выдали, не хотела так рано, восемнадцать ей было. Но родился Аик, сложилась хорошая семья, жить бы им да жить... Да вот, пожил...»

Прошло четыре месяца. Однажды за вечерним чаем Маро взглянула на Асмик и говорит:

– Асмик джан, ты же знаешь, как я тебе благодарна...

Асмик не дала ей продолжить:

– Маро? К чему такие разговоры?

– Нет, дай сказать. Что бы я ни сделала для вас, все будет мало. Жизни не хватит... Но пришло время расстаться.

– Что ты? Когда? Как?

– Московская подруга прислала денег, я добавила из того, что заработала. Уже можем уехать.

– Маро джан, будь по-вашему. Счастливо вам доехать, устроиться, найти работу. Нам, конечно, будет вас не хватать. Айка особенно, привыкли к ангелочку, – с грустью созналась она.

Маро помолчала, взглянула на дочь.

– Маро? – от этой ее паузы и этого взгляда в душу Асмик вкрались подозрения.

– Асмик джан, от Бога скрою, но от тебя мне не скрыть...

– Что такое? – уже не подозрения, а тревога звучала в ее голосе.

– Ира хочет малыша в детский дом отдать. Я ходила туда, договорилась. Через два дня сдадим, – поспешно договорила и понурила голову.

– Это ты серьезно, Маро?! – вскочил с места обычно молчавший Акоп.

– В детский дом?.. Это что, шутка такая? – переводя взгляд с матери на дочь, Асмик тщетно пыталась улыбнуться.

– Не до шуток нам...

– Послушайте, о чем это вы?! Какой еще детский дом?! С ума сошли, что ли?! Шесть месяцев растить – и в детский дом?! Совесть у вас есть? Ира, и твое сердце выдержит такое? – взорвалась «Асмик джан».

– Теть Асмик, я не смогу поднять этого ребенка, не смогу...

– Ира, доченька, твоя мать рядом. Здесь, в Ереване, мы тоже можем чем-то помочь. Сама видишь, как Ашот и Гаянэ привязались к Айку, и они не остались бы в стороне. Обо мне и говорить нечего, поддержала бы, как могла. Не в укор говорю, но ты ведь и не заметила, как эти четыре месяца пролетели. Все мы так и норовили освободиться от своих дел, чтоб с малышом повозиться. Вот пойдет своими ножками, и тебе полегчает, а уж когда лопотать начнет – столько радости будет, с ума сойти!

– Не смогу я, боязно мне... – произнесла Ира и заплакала.

– А ты думала, быть мамой легко? Скажи спасибо, что Бог послал тебе эту радость. Не всем она дается. И потом... А вдруг отец этого ребенка появится? Что ты ему скажешь? – Асмик посмотрела на Маро полными слез глазами. Та сидела с окаменевшим лицом. «Господи, это ж ее рук дело! Это она хочет избавиться от ребенка, отдать в детский дом и – айда налегке в Москву эту».

Возвращаясь на следующий день с работы, Асмик еще на лестнице услышала плач Айка. «Почему малыш плачет? Что они с ним делают? Купали или нет?..» В другой раз такими вопросами не задавалась бы: знала, что смех и слезы у малышей быстро сменяют друг друга. Но плач не прекращался, надрывал душу.

– Не пойму, почему доводите ребенка до слез? – с порога возмущенно окликнула она.

– Теть Асмик, ногти стригу, не дается, – оправдалась Ира.

Асмик так и подмывало сказать: ага, ноготки стрижете, чтоб в детский дом чистеньким сдать... Прикусила язык, да так сильно, что во рту почувствовала вкус крови...

Девять месяцев носить под сердцем, родить, шесть месяцев прижимать к сердцу, чтоб потом – в детский дом?! И после этого сможешь тихо-мирно положить голову на подушку и заснуть? Ира, доченька, наверняка и ты слышала, сколько обеспеченных и известных людей многое бы дали, лишь бы в их доме раздавались смех и плач новорожденного. Бог дал тебе здорового, красивого, смышленного малыша, и ты «не смогу» говоришь? Маро, а ты чего в рот воды набрала? Через такие страхи и беды прошла, а теперь хочешь единственного своего внука со спокойной совестью отдать в детский дом? Чтоб был ничейный, никому не нужный?..

Вечером Асмик снова заговорила с Маро о детдоме. Та слушала ее с непроницаемым лицом.

– Что ж, я человек посторонний, вам решать. Извини, – сказала, ушла на кухню, открыла кран и невидящим взглядом уставилась на струю воды...

Легла спать. Вошли дети, – они слышали эти разговоры, – опустили на колени рядом с ее кроватью и стали осypать вопросами:

– Мам? Ира правда хочет отдать Айка в детдом?

– Мам? А как он будет жить среди чужих?

– Он что, не внук бабушки Маро, почему она хочет его оставить?

И все в том же духе...

– Родные мои, идите к себе, сама ничего не понимаю, сама задаю себе эти же вопросы...

«Не укладывается в голове все это. Как будто в доме бомба взорвалась... Ладно, решили уехать, ну и езжайте, а малыш-то чем вам мешает? Столько трудностей преодолели!.. Хотя бы отец объявился, что ли, или другие бабушка с дедушкой дали б о себе знать... Бедный ребенок, не нужен он никому... Как жесток мир! Люди даже к собственному ребенку равнодушными стали... О-ох, пускай делают что хотят...» – тяжело вздохнув, Асмик повернулась на бок. Впала в полузабытье. Очнулась... подушка была вся мокрая.

Пообещала себе не вмешиваться, но внутри все клокотало... «Когда припоминаю отдельные моменты – непонятные переглядывания матери с дочерью, странноватое порой поведение Иры, ее опухшие глаза, начинаю понимать, что они давно приняли это решение. И решила Маро, бабушка... Вспоминается ее тихий и в то же время жесткий голос. Ира ты Ира, а сердце твое не будет болеть за сделанное, не пожалеешь о содеянном зле? Девять месяцев вынашивала в утробе, чувствовала, как заиграл, родила на свет божий и вдруг – в детский дом?!»

На следующее утро Асмик раньше обычного ушла на работу. По словам Маро, в тот день должны были «сдать» ребенка. Сердце так щемило, что не смогла себя заставить пойти посмотреть на малыша на прощание. Ей казалось, это она предает Айка, позволив, чтоб его отнесли в другой, незнакомый, возможно и не совсем приветливый мир.

Как ей быть, как не допустить этого?..

После работы зашла к матери.

– Мам, голова что-то разболелась, посплю с полчаса.

Несмотря на бессонную ночь, поспать не удалось. «Ну почему я их встретила, к себе привела, к малышу так привязалась?! Узнай кто, в сумасшедшие запишут, скажут, тебе-то что за дело?!»

И вдруг ее осенило. Вскочила, прибежала к маме на кухню.

– Мам, Ануш с мужем ведь хотели ребенка...

Бедная женщина вздрогнула от неожиданности, медленно опустилась на старенький, с облупившейся краской табурет.

– Да, а как же, хотят конечно, особенно твоя сестра, умирает как хочет... – печально произнесла старушка.

– Мам, послушай. Ты видела тех женщин, что у нас живут, и малыша видела, – при слове «малыш» у Асмик дрогнул голос. – Эти мать и дочь решили уехать в Москву, но отказываются от ребенка, сдают в детский дом. Да-да, не смотри на меня так... Мам, Ануш с мужем не усыновили бы его? Здоровый, красивый, улыбочивый мальчик, мечта, а не ребенок...

Оторопелая женщина стала причитать:

– Столько лет сестра твоя страдает, лечится, всякое перепробовала – ничего не помогает. А этой девушке Бог дал ребенка, и она отказывается?!

– Мам, ты мне только одно скажи: поговорить мне с Ануш? Она же видела ребенка, а однажды, когда он при ней заплакал, взяла на руки, приласкала, – грустно улыбнулась Асмик.

– Поговори, доченька, глядишь, и согласятся, и будет им счастье.

Асмик пришла домой, молча прошла в свою спальню. Давящая, гнетущая тишина подсказала, что ребенка уже нет в доме.

«Завтра же пойду к Ануш, скажу, пока не поздно, пойдите договоритесь и заберите ребенка, а то – долго ли? – другим достанется, – подумала, и сердце сжалось. – До чего дошла, говорю так, будто вещь какую-то надо в магазине перехватить».

Каково же было отчаяние и гнев Асмик, как больно было ей слышать сестру, когда та, вся в слезах, сказала, что муж категорически против брать чужого ребенка. «Очень мне нужен чей-то ребенок... кто знает, под каким кустом родился...»

– Твой муж спятил?! Не стыдно ему?! Он же знает, что это законный ребенок законных родителей. Отец пропал без вести во время бакинских погромов, неизвестно, жив ли бедный. Деда

убили, мать и дочь с младенцем еле добрались до Еревана... Говорит так, будто сам он голубых кровей...

Старая мать, услышав, что зять против, расстроилась.

– Мам, не надо плакать, они и без ребенка душа в душу живут. Нельзя людей винить в том, что не хотят чужого. Хотя, мам, чужих детей ведь не бывает, особенно у нас, армян. Я раньше вряд ли сказала бы так, а сейчас говорю – нет чужих детей, есть ребенок.

Айка уже не было в доме, но все так же переговаривались шепотом, старались ходить бесшумно – как будто он спит в своей комнате. Один-единственный раз до Асмик донеслись всхлипывания Иры, но очень недолго. «Э-э, доченька, долго еще плакать будешь, локти себе кусать, это только начало...»

Примерно через неделю Маро объявила, что на следующий день они уезжают.

– Сколько бы я тебя ни благодарила, все мало будет... – заговорила она и заплакала, – не вини нас, Асмик джан, это был для нас черный год. Сначала муж, потом зять... Сейчас вот собрались, едем, а куда, на что, один бог знает. Может, все сложится так, что Ира приедет за ребенком...

– Ребенок в детдоме долго не задержится. Очень скоро найдутся добрые люди, усыновят. И потом, что значит «приедет за ребенком»? Детдом не детский сад: отвел, привел... – Голос Асмик звучал холодно, отчужденно.

Неожиданно для всех громко, навзрыд заплакала Ира.

– Хочу своего ребенка!.. Мам, что ты наделала? Не нужна мне твоя Москва!.. Я бы здесь улицы подметала, милостыню просила, но была бы со своим малышом... Думаешь, в Москве меня женихи заждались, да? Хочешь меня без обузы туда взять... Какая я мать! Как только я послушалась тебя!.. Как ты меня заколдовала!.. Лучше помереть, чем жить так!..

* * *

– Мам, ну дай поддержать... Вечно своему Ашоту даешь, а я? – возмущалась Гаянэ.

– Милые вы мои, превратили ребенка в мягкую игрушку. Оставьте его, пускай поползает, на ножки попробует встать. Нельзя все время на руках держать, – возмутилась в свою очередь Асмик.

– Ага, ну конечно, как только очередь доходит до меня, ему надо научиться на ножки встать... Иди ко мне, сладенький мой, – невзирая на протест матери, Гаяне протянула любящие руки к Айку. Тот, стоя на неуверенных ножках, вцепившись ладошками в диван, повернулся улыбающимся личиком к девочке и спустя минуту уютно устроился в ее объятиях.

– Чей это вкусенький маленький братик? – ласково промурлыкала Гаянэ, осыпая щечки малыша поцелуями.

– Господи, покоя от них нет ребенку! – раздался из кухни любовно журящий возглас Асмик.

– Мам? Как бы мы жили без Айка? Как вспомню те дни, когда его забрали туда... А вдруг отказали бы тебе с папой, – поделилась Гаянэ своими запоздалыми переживаниями, что есть силы прижимая к себе Айка.

– Как это «отказали бы»? Я бы до президента дошла, – выпалила Асмик, убежденная, что так и поступила бы, и только потом, про себя, засомневалась: «А ведь могли бы».

После отъезда Маро и Иры, зная уже, что и сестра не собирается усыновлять малыша, кинулась она во все тяжкие. Начала с того, что, не говоря никому, пошла в детдом проведать Айка. Не позволили. Как на нее подействовали стены этого заведения! Как заныло в груди! Решение, что, пока не поздно, Айка необходимо забрать оттуда, созрело мгновенно. Вернувшись домой, собрала семейный совет, высказала свое мнение, спросила:

– Что скажете?

Гаяне на радостях вскочила и захлопала в ладоши:

– Ой, мамочка, это самое лучшее, что ты и папа можете сделать! Не думай, мы с Ашотом поможем ухаживать за ним.

Ашот был сдержаннее:

– Мам, я тоже не против, но... они могут сказать, что ты уже не в том возрасте.

– Мы с папой пойдем, все расскажем, как есть. Если возраст не помеха, сделаем все, чтоб ребенок вернулся к нам.

Спустя пару дней супруги были уже у директора, рассказали все – от встречи в дверях магазина до сдачи ребенка в детский дом – и заверили, что намерены усыновить его. Директор произвела впечатление рассудительной и понятливой женщины.

– Я не против, – сказала она. – Если, пока вы занимаетесь бумагами, отец или другой родственник не объявятся, можете забирать ребенка.

На улаживание бумажных дел ушел не один месяц. Все это время Асмик ходила в детдом, навещала малыша. К его одиннадцати месяцам документы были готовы. А к приходу ребенка домой отремонтировали его комнату, заказали деревянную кроватку. Анаит, подруга Асмик, в первый раз посмотреть на ребенка пришла с голубенькой мальчиковой коляской:

– Таких больше не делают, – пошутила она и продолжила: – Асджан, моя добрая, моя потрясающая Асмик, растить чужого ребенка – все равно что построить храм. На таких Бог другими глазами смотрит. С твоим Айком на ваш дом сошло благословение.

– Так-то оно так, но... Айк для меня ведь и чужим-то никогда не был. С самого первого дня полюбила как родного. А сейчас – надо ли говорить? – возьму на руки, прижму к груди – и все! Он мой!

– Но такие решения нелегко принимаются. Твой Акоп – золото. Не захоти он, ничего бы у тебя не получилось.

– Поэтому-то я и люблю так своего мужа. Когда я в очередной раз завелась, мол, а вдруг отец ребенка объявится, что делать будем, знаешь, что он сказал? Косо так улыбнулся и говорит: «Дорогая моя, дай бог, чтоб объявился живой-здоровый, чтоб не я, а родной отец заключил ребенка в свои объятия...», у меня слезы так и полились... Мне такое в голову не приходило. И правда, дай бог, чтоб нашелся... Когда документами занимались, я Иру и Маро бранила на чем свет стоит. Ох, насмотрелась я в детдоме... Сердце щемило, все думала: были бы помоложе, взяли бы еще одного. Представляешь, как изранены души этих детей? Нет в них веры в людей. Ох как тяжело им будет во взрослой жизни преодолеть это неверие! Без семьи, без любящих и понимающих

родных... Кто им поможет? Слава богу, в нашем случае все обошлось как нельзя лучше – малыш у нас, наш третий ребенок. Раньше душа моя подпитывалась из двух родников, а теперь вот третий родничок появился...

Ее счастливое лицо вдруг омрачилось.

– Пришла я однажды в детдом, вижу, какая-то девчущка, плача, ходит туда-сюда, как заблудший ягненок. Подошла, чтоб взять на руки, и вдруг слышу окрик:

– Не трогайте! – Толстая такая женщина стоит, сверлит меня взглядом.

Я оторопела:

– Плачет ведь.

– Вы возьмете на руки, другой посетитель возьмет, а потом нам, что ли, с ней носиться? На всех рук не хватит...

Так взгрустнулось от этих слов... Не послушалась, взяла все-таки малышку, вытерла слезы, поцеловала в щечку. Девчущка была лет трех, хорошенькая такая.

– А женщина эта что? – спросила Анаит.

– Смолчала, но видела бы ты ее глаза! Окликнула кого-то, велела отвести ребенка в ее группу. Потом я узнала, что это была старшая воспитательница. О директоре, кстати, у нас совсем другое мнение сложилось. И это был не единственный случай. Детки, даже только-только научившиеся ходить, подходили, тянулись, просясь на руки. И ты бессильна что-либо сделать, не знаешь, куда деваться... Получается, они так и растут, мечтая о том, чтоб кто-нибудь приласкал их?.. Потом удивляемся, откуда столько злости в подростках... Эти мои походы в детский дом на многое мне глаза раскрыли. А то жила я в своем маленьком мирке... Вот говорят, люди изменились, стали более человеколюбивыми. Если так, почему бросают детей, почему так мало усыновляющих? Не имеем мы права оставлять их одних, незащищенных. В чем я убедилась раз и навсегда: не должно у нас быть детдомов, не должно у нас быть неродных детей. Ох, столько всего нахлынуло за эти месяцы... С такими думами недолго и с ума сойти...

Ее прервал детский плач.

– Гаянэ, доченька, посмотри, в чем дело, почему он плачет? Неси его к нам, родная моя.

– Айк джан, какой ты стал большой, – взяв мальчика на руки, воскликнула Анаит и, увидев, как малыш тянется к Асмик, тут же передала ей. – Знаешь, Асмик, от тебя такое тепло исходит, столько в тебе любви и доброты, что... – она засмеялась, – аж через край переливается...

* * *

– Мам, я тебя очень люблю.

– Да ну... А вроде папу больше любил, – прильнув к лежащей на ее плече руке сына, сказала Асмик с улыбкой.

– Мам? – обняв мать за плечи, Айк наклонился и поцеловал Асмик в серебристую макушку, – я люблю вас обоих, очень-очень.

Глядя с балкона на удаляющуюся молодую пару с кудрявеньким малышом, Асмик вспомнила слова своей мамы:

– У одних деревьев корни неглубокие, стелются близ поверхности. Такие деревья живут недолго. А бывает, посадишь тоненький прутик, и он пустит корни в глубь земли, окрепнет, и вырастет в могучее ветвистое дерево. Таким тоненьким прутиком был для вас Айк, доченька.

АЛЕКСАНДР КУЛЕБЯКИН

И ЗВЕРЬ ВОШЕЛ В ПУСТЫЕ ГОРОДА...

Александр Парфентьевич Кулебякин (1870—не ранее 1923) был казаком станицы Червлённой Терского казачьего войска, с 1889 г. служил в Собственном Его Императорского Величества Конвое. Назначен высочайшим приказом от 13 июля 1916 года командиром 2-й Кавказской дивизии. В 1917 году произведён в генерал-лейтенанты русской армии. После 1918 года по приглашению О. Туманяна руководил военно-историческим отделом «Бюро по установлению потерь армянского народа от всемирной войны», работал над историческим трудом «Участие армянского народа в Первой мировой войне 1914-1918 гг.».

За этими блистательными анкетными данными стояла личность поэта, человека тонкой души и большого сердца. А. Кулебякин одним из первых русских поэтов откликнулся сердцем на трагедию армянского народа, посвятив «армянской теме» свою единственную книгу стихов «Дверь Мехера. Отзвуки Вана», выпущенную Армянским Комитетом «Верашинутюн» в 1917 году.

«Лучшим генералом среди поэтов» называли Кулебякина современники. «Поэтом не казачьим, а антологическим» назван он уже в наше время одним из лучших знатоков русской поэзии XX века Евгением Витковским. Настоящая публикация является своего рода антологической выжимкой из известного на данный момент наследия поэта. Мы предлагаем вниманию читателей стихи А. Кулебякина, написанные в 1910-х – начале 1920-х годов.

* * *

Как золотистый апельсин
В хрустальной чаше с влагой винной,
Сверкая всплывшей половиной,
Оно вставало из пучин.

И кто-то радостен и пьян,
Его румяной дланью вынул
И чашу света опрокинул,
А небо вылил в океан.

ДЕРВИШ

Я безмолвно сажу у порога,
Созерцая незримого Бога
И вдали, и вблизи, и в себе,
А в душе многострунная лира
Говорит о величии мира,
О владеющей миром судьбе.

В этом мире я только пылинка,
Окрыленная ветром былинка,
Озаренная солнцем струя,
Я – пустынного ветра дыханье,
Океанской волны колыханье,
Тихий лепет лесного ручья.

Я бедняк и богач в то же время:
Я – вождя золоченое стремя,
Я – его одеяния ткань,
Я – алмаз в драгоценной короне,
И я сам – повелитель на троне,
Принимающий славу и дань.

НА ВАНСКОМ ОЗЕРЕ

Взгляни на озеро, когда за облаками
Нырять солнышко, то прячься, то светя,
И волны пенятся, вскипая гребешками,
И ветер гонит их, вздымая и катя.

Оттенки синие, зелёные отливы
И змейки золота, и вспышки огоньков,
И глуби призрачной живые переливы,
И отражения бегущих облаков.
Пучины ропшущей глухое бормотанье,
И шумы берега, где падает прибой,
И звуков смешанных в пространстве нарастанье, –
Всё слуху кажется какою-то борьбой.

Послушай озеро, когда под ураганом
В глубокой тьме оно бунтует и шумит.
Как хор, поддержанный невидимым органом,
Оно аккордами таинственно гремит.
Валы на гравии размеренно грохочут,
Как будто бурю волнуем ближний лес,
И злые демоны загадочно хохочут
В зловещей музыке встревоженных небес.
Удары, хлопанье, стенания глухие,
И вздохи струнные, как арфы перебор, –
Как будто с бездною незримая стихия
Ведёт внушительный и грозный разговор.

Взгляни на озеро, когда в нём опрокинут
Лазурно блестящий бездонный небосвод,
И берег в воздухе как будто бы придвинут
Над гладью светлую синеющихся вод.
Стальные полосы поверхности зеркальной
И мгла подводная с зелёной глубиной,
Цветные камешки под влагою хрустальной,
И вздохи берега, прибитого волной,
И горы жёлтые за водною пустыней
В блестящем озере до пят повторены.
И солнце жаркое в молчаньи тверди синей
С землёй беседует словами тишины.

Июль, 1915 г.

АРАКС

Играющий Аракс в разливе красных вод
Течёт глубоким коридором.
Вверху уступы скал – граниты всех пород,
И мох ползёт по ним узором.

И сводчатой дугой коричневый карниз
Навис, как слой руды железной,
И вереска кусты из трещин смотрят вниз,
И гнёзда птиц видны над бездной.

Шумит, шумит река, кричат, зовут орлы
И плавно в воздухе кружатся,
От солнечных лучей на смутном фоне мглы
Косые отсветы ложатся.

Немолчный гул воды, неясный полусвет
И ветра замкнутого вздохи, –
На всем угрюмый тон, оттенок бездны лет,
Печать таинственной эпохи.

Из сумрака времён события встают,
Немые тени оживают,
И кажется порой, что камни вопиют,
А волны кровь переливают.

ВАН

Яркий день.
Свет и тень.
В тучках небеса.
Берег. Сад.
В нём звучат
Птичьи голоса.

Группа ив –
На обрыв.
Плещет синий Ван.
Глубь видна,
Даль ясна.
Дымчатый Сипан.

Лепет волн
Ласки полн.
Песня их легка.
Но... взгляни:
Камни... пни...
Мёртвая рука...

Плещет Ван...
Пень. Платан.
Аист над гнездом.
Стены. Двор.
Гарь и сор:
Разорённый дом.

Кровли нет...
Тень и свет.
Пусто... Тишина...
Жизнь была.
Жизнь ушла...
.....
Это ты, Война!!!

* * *

Как бровь над омутом зрачка,
Концами арки лег на скалы
Высокий мост: под ним река
Стеклит зеленые провалы.

Виляют рыбы в глубине,
Местами дно пятнит белёсо.
А в небе вечер, и в огне
Зеркальность розового плёса.
Двух дуг разрезанный овал
И в нем запавшее глубоко,
За дымкой алых покрывал
Бездонно пристальное Око.

ОВАННЕСУ ТУМАНЯНУ.
20 февраля 1919 года

Сонет-акrostих

О чём грустишь, задумчивый поэт?
В твоих глазах мы видим тень укора.
Армянский бард! Ты грустен, что не скоро
Народам Бог пошлёт покой от бед.

Но это будет: стихнут волны спора,
Едва в сердцах забрезжит новый свет –
Святой огонь... Уже полсотни лет
Тоска о нём твои туманит взоры.

Уныл наш мир, как тёмный, жуткий лес,
Могила грёз, святилище обмана.
А все ж и в нём сквозит лазурь небес.

Нет! Не померкнет солнце Айастана! –
Яснее даль: ты видишь, Ованнес?..
Не умолкай: нам нужно Туманяна!

* * *

Я видел сон: ушли в туман года.
Весь род людской истаял понемногу,
Изжив себя и опостылев Богу,
И зверь вошел в пустые города.

Дремучий лес все спрятал без следа.
В обломках стен медведь нашел берлогу,
И лев с семьёю вышел на дорогу,
И океан не колыхал суда.

Сливали зори сумрак, тьму и свет,
Рои существ сменялись чередою,
Всемирный Разум вёл их в вихре лет,

И, рдея жизнью вечно молодою,
Земля без нас мирам иных планет
Сияла той же светлою звездой.

АРМЕН САРКИСОВ

Родился в 1946 г. в городе Кировабаде. Учился и живет в Москве. Врач, кандидат медицинских наук. В 1972–1993 гг. – служба в Советской Армии. Преподавал в медицинских вузах Москвы. В настоящее время – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник НИИ общественного здоровья им. Н.Семашко. В “Литературной Армении” печатается с 1970-х годов.

НЕРАЗЛУЧНОЕ

В глухом российском краю судьба свела деревенского жителя Михалыча и карабахского скитальца Артавазда, который потерял во время войны на родной земле и семью, и кров. Крестьяне беззлобно прозвали Артавазда так, как сподручно русскому слуху, – Толян. О нем мне поведал Михалыч, когда мы коротали время в дороге, а мне лишь осталось донести его слово до читателя.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Не думал я, что год спустя доведётся мне вновь побывать в том краю, где судьба свела меня с Михалычем. Теперь я и сам поспешал: не шёл из души Толян, Михалыч не шёл...

Порасспросив, отыскал деревушку на отшибе, постучался во двор к Михалычу. Дверь открыла женщина в седых годах, и на мой вопрос поникла:

– Нету... Помер Михалыч. Овдовела я...

Уже в доме, пригласив передохнуть с дороги и напоив чаем, рассказала, что Михалыч, хоть и старался виду не показывать, маялся грудью и, будто ушибленную, всё ладонью её растирал.

– погоди! – вдруг спохватилась она. – Чуть не забыла! Он папку велел тебе передать.

– Какую папку?

– Не знаю. Ночами, когда боль не могла донимать, писал чего-то и в ту папку складывал...

– Так может, не мне?

– Тебе, тебе, не сомневайся! Я сначала тоже всполошилась. Говорил, мол, человек придёт, ты ему папку-то передай. «Какой человек? – спрашиваю. – А как не придёт? Да и узнаю ли?» «Узнаешь! Сам объявится. Главное, папку сбереги!»

Она провела рукой по полке, нашарила канцелярскую папку с тесёмками и передала мне.

– На вот, держи. Твоя она теперь.

К вечеру вышла проводить меня. Я потоптался на крыльце, чтобы напоследок оглядеть ставшую памятной мне деревушку. В соседнем дворе – щербатый дом, ветхая ставенка на единственной целой петле, разбитый улей... Недобрый предчувствием выстудило спину:

– А там кто живёт?

Вдова внимательно посмотрела на меня:

– Туда не ходи! Не примет тебя Верка. Никого не принимает...

И, отведя глаза в сторону, глухо обронила:

– Спиралась она...

Уже в поезде, позабыв всё на свете, я нетерпеливо ворвался в папку. Поверх вороха бумаг и записок лежала ученическая тетрадка. Её и открыл.

«Здравствуй, мил-человек»...

Точно, Михалыч! Я будто услышал его голос и даже поднял голову, чтобы взглянуть на долгожданного собеседника...

«Здравствуй, мил-человек, – писал Михалыч крупным почерком труженика, не привыкшего к регулярному письму. – Помнишь, ты мне советовал, чтобы сердце сберечь, чтоб в груди не пекло, отпускать свои мысли, делиться ими или хотя бы записывать? Я ещё тогда посмеялся: с кем делиться-то, куда отпускать? <...>

А тут, не знаю, с чего вдруг, забрёл на одичалый двор, прошёлся по школьному коридору, заглянул в классы. <...> Подобрал зачем-то вот эту пустую тетрадку. Нашёл картонку из-под ботинок с огрызками цветных карандашей, – и её прихватил. <...>

У нас в районе какой-то дурень, видать из начальства, надумал для экономии по деревням электричество в десять вечера до рассвета вырубать – до первой дойки. Так вот я при лучине в тетрадку тем карандашом пишу, который рука из коробки ухватит. Вот и получают цветные страницы – и синие, и красные, и зелёные. <...>» («Цветные мысли!» – подумал я.)

«<...> не суди строго – писал, как умею <...>

Здесь найдёшь и бумажки, которые от Толяна остались. Я их у Верки выпросил. Есть записки на русском, а другие – не иначе, с его родными, армянскими буквами. Те, армянские, сам понимаешь, читать я не мог, но всё равно сберёг. Может, тебе или кому другому понадобятся <...>

<...> может, тем и засчитается жизнь моя <...>

<...> А ведь ты прав оказался: когда пишу, в груди-то вроде и впрямь отпускает. <...>»

Так вот почему Михалыч записками Толяна, тетрадкой своей дорожил! Вот о чём, оказывается, радел: какое доброе зёрнышко останется после них с Толяном и, может, даже взрастёт и продолжится в будущем народе!

Оба они, Толян с Михалычем, – собиратели народа.

Дерево корнями цепко удерживает землю – чтобы не превратилась в песок, не рассыпалась, не разбежалась земля. Вот так и Толян с Михалычем несли в себе особый дар – сберечь, сплотить, чтобы не рухнул, народ. Именно сплотить – обшить, одеть плотью народ, приспособить его тело к тому, чтобы смогло оно вмес-

тить необъятную душу. Ведь народ, человек без души, что дом без хозяина, не жилец. Как верили древние, остерегаясь скверны, – в пустое тело могла закрасться любая губительница-нечисть.

Навряд ли люди, свыкшиеся в обиходе с Толяном и Михалычем, различали в них этот дар. Едва ли и сами Толян с Михалычем знали за собой эту умелость. Но от таких людей народ начинается.

...Я дал себе слово: во что бы то ни стало, разобрать, подготовить, как представляю, и передать содержимое папки в журнал.

И вот настал день, когда решился я, наконец, отнести свою работу в редакцию местного издания. Одиноким хозяином тесного кабинета, воспрянувший было при появлении нежданного посетителя, незадолго пролистнул распечатку и вновь поскуучнел:

– Одной рукой писано!

Прав, прав был журнальный человек! Перебирая набело выверенное мною, я уже не мог различить, что записал Толян, что пересказал Михалыч, а где я и сам им чем-то поддакнул. Я лишь убеждался в том, что всё – правда, всё было так, как в папке нашёл. Да ладно бы это! – Вглядываясь в историю другого, армянского народа, я узнавал, возвращался к своим, русским истокам.

Вот потому-то и утвердился наверняка: рано папку Михалыча сдавать в архив! Негоже помыслам собирателей народа пылиться в тёмных запасниках. («Ещё сгодится!») – едва ли не вслух пообещал я Михалычу, продолжая прерванный с ним разговор.)

Дойдёт черёд до сказов и былей из заветной папки. Но прежде – запишу историю, которую поведал мне Михалыч в нашу единственную встречу. Тогда, застигнутый врасплох и оглушённый откровением о самом крепком, самом надёжном обереге – о родовой памяти, я, на свою беду, слышал её урывками, будто сквозь порывы ветра. И всё же, покуда доносится голос Михалыча и отзывается во мне, начну с его слова.

...Где-то в своей тетрадке, сейчас не припомню, по какому поводу, Михалыч обмолвился:

«А ежели кто скривится, мол, какого хрена перед всяким армянском шапку ломаешь, отвечу: “Кто ж тебя так уделал? Какая обида тебя гложет, с чего завидки берут? Ты к себе воротись, осмотришь

в себе, – глядишь, такую добротность сыщешь, которую не зазорно и на люди предъявить!”»

Что к этому добавить? Вслед за Михалычем, повторю:

– Обернись на себя!

ЛАВАШ

Вот беда так беда взъярилась в доме Егоровны! Настоящая – такую не высквозишь! Двери повышибала, лютой метлой углы переворошила, вынесла сор из избы, на весь белый свет ославила!

Мало того, что Нюрка, шестнадцатилетняя дочь Егоровны невесть от какого раздолбая понесла, так ещё докторá в районе и даже известная подпольщица Власиха, – все, как один, наотрез отказались плод травить: поздно, мол! А у самой Нюрки, – чем только свой позор ни морила! – ничего не вышло. Вот и родила неведомо кого, – весь в зелёных струпьях, в оре заходится, кулачки не разжимает, глаза закатывает. Ко всему ещё и молоко у Нюрки пропало.

...А всё же жаль мальчика, как-никак, кровинушка рода Егоровны!

– К Толян унеси, – надоумили товарки. – Без мути мужик, греха на нём нет. Худого не посоветует.

– Помоги, Христа ради! – кинулась к Толян Егоровна.

– Я-то чем помогу? – обомлел Толян.

– Смилуйся... батюшка! – вдруг вспомнив, как попов жалобить, не попад ляпнула Егоровна. – Помрёт ведь! Вот-вот дух испустит!

– Да ведь я же не доктор, не целитель какой! – вконец растерялся Толян.

– Да ты глянь, глянь поначалу-то! – засуетилась Егоровна, учуяв его слабинку. – Чего ревёшь?! – оборвала она дочь. – Раздевай давай, распелёнывай!

Нюрка пелёнки с мальчика сбросила, – по дому смрадом потянуло. Верка из-за плеча Толяна выглянула и отшатнулась.

– Тебя люди просят, – сказала. – Коли можешь, помоги!

– Ты-то хоть помолчи! – в сердцах зыкнул на неё Толян. Чуток понурился и решительно обернулся ко мне:

– Мне мука нужна, Михалыч! Лучшая!

– Ты, часом, не спятил, Толян? – спрашиваю. – Чего надумал? Чего в этом деле сечёшь?

– Иди, говорю, за мукой!

Сам из дому вышел, по сторонам во дворе осмотрелся, место приметил и взял в руки лопату. Примерился, землю копнул.

– Ты чего затеял? – спрашиваю.

– Печь здесь устрою, – отвечает. – Тонир называется.

«Рехнулся Толян! – подумал я про себя. – Посадят его за детоубийство. И меня с ним... за сообщество!»

– Ты ещё здесь?! – прикрикнул на меня Толян. А сам уже всю лопатой орудует.

И всё сам – никому не доверил, ни у кого помощи не попросил. Сам глубокую яму, почитай по плечи, вырыл, сам её стены чистой, отборной глиной промазал, пару дней времени дал надёжно просохнуть. На дне костёр запалил, яму протопил, закалил. Снова, где неровно, глиной покрыл, рукой пригладил – так, чтоб ни морщиночки не было, опять протопил да закалил. Пока работал, всё про себя заклинал да приговаривал: «Потерпи, малец, чуток! Поживи ещё!»

Промажет, просушит, обожжёт. Ещё чего-то подправит, опять обожжёт. На совесть работал!

– Ты чего, Толян, гробишься? – говорю. – Дом так не кладут, как ты эту яму обхаживаешь!

– Потому, – буркнул, – и живём не по-людски, что даже яму сикось-накось роем!

Потом, видать, вспомнил чего-то, разогнулся, пот с лица отёр, на меня глянул:

– Говорю ж тебе – тонир, очаг здесь будет! У нас исстари вокруг очага дом ставили. Знали: коли есть кому за огнём приглядывать, никакая погань в дом не сунется!

Ну, не знаю – кажись, дней в пять уложился.

За муку, мною добытую, взялся. Просеял её, тесто замесил, колбков налепил.

– Чего это, Толян?

– Хлеб буду печь. Наш, армянский. Лаваш!

Раскатал колбки в широкие тонкие пласты, – такими, умывшись, хоть лицо вместо полотенца обсушивай! Каждый лист расправит, разгладит, с руки на руку перекинет, вверх подбросит. Взлетит пласт, воспарит на миг крылом и снова в толяновы руки даётся. Тоньше становится, чем раньше был, – насквозь светится!

Толян аж крякнул от радости:

– Не забыл, не забыл наше древнее умение! То-то отменный лаваш будет!

А печь-то, тони́р тот, уже красным жаром пышет! Прогорел хворост, которым Толян огонь запалил, раскалённые уголья своего часа ждут.

Достал Толян подогнанную под хлебный пласт фанерку, которую толстой шерстянкой проложил и в натяг полотняным чехлом одел. И когда только умудрился запастись, заготовить её, – поди, ночью? На фанерку, будто на упругую ладонь, пласт теста уложил и в печь, в нутро – туда, где, Толян сказывал, солнце в земле обитает. Припечатанный, пласт влитую к стене тони́ра приник. Пару минут, пока хлеб выпекался, выждал Толян, дозревший пласт крюком подцепил и наружу вытянул. От хлеба сытный дух пошёл!

А Толян, знай, пласты в тони́р закладывает, лаваш принимает, в стопы укладывает. И всё спорно – не налюбуйешься!

– Получилось! – просиял Толян. – Славный лаваш! Подлинно наш, армянский!

К листу лаваша в разведённых руках склонился, бережно поднёс его к губам и поцеловал.

Глядя на то, я вмиг припомнил, к чему сызмальства приучен: и у нас на Руси нельзя было хлеб резать, – нельзя его ножом сквернить! И знаешь, чего ещё подумал: народ-хлебопашец сразу ви-

дать! У того народа, который за хлеб жизнь кладёт, он всегда в чести.

– Лаваш, хлеб наш родимый! Теперь не подведи! Выручай невинную жизнь! – услышал я, как прошептал Толян и, приметив меня, уже вслух заговорил: – Успел, управился! Зови Егоровну!

Принял от Нюрки голосащего дитёнка, обмыл его влажной губкой, пушистой фланелькой обтёр. Тёплый ещё лист испечённого хлеба постелил на стол и запеленал в лаваш кожу да кости, – всё, что от мальчика теперь оставалось.

Едва спеленал, угомонился малец, перестал надрываться и пуп криком рвать.

– Чего это он? – тут же насторожилась Егоровна.

– Кажись, затих, – подала голос Верка. – Ишь как сделалось!..

– Как?!

– Тишину слышать стало – вот как!

Остался Толян один за мальцом приглядывать. Глаз не сомкнул, за ночь несколько раз хлебную пелёнку менял.

Поутру отправил Верку за Егоровной. Передал Нюрке мальчика:

– А ну, глянь!

Егоровна живо кулёк перехватила и, чутко вслушиваясь, качнула, – дышит ли? Распахнула настежь лаваш, руками всплеснула и обомлела: чистое розовое тельце, будто после доброй баньки, на свет божий показалось!

– Спасибо! – утирая слезы, всхлипнула Нюрка.

Малец сладко зевнул и потянулся со сна, причмокнул – есть запросил. Нюрка тут же припасённую бутылочку с соской ему протянула.

– Погоди-ка! – спохватился Толян.

Вынес банку прозрачного мёда.

– Ешь на здоровье! Глядишь, молоко и воротится!

– Спасибо! – снова едва слышно только и могла прошептать Нюрка.

– Да не меня, – заулыбался Толян, тоже за мальчика довольный, – тониру благодари! Хлеб наш армянский, священный, – лаваш благодари!

ТЕРЕМОК

Объезжал свою епархию новый епископ, да увяз его внедорожник в нашей грязи. И движок надорвался, не осилив топкую колею, заглох намертво.

Пока собравшиеся ротозеи охали да руками разводили, пока додумались гонца за трактором отрядить, чтобы вытянуть «джип» на дорогу, пока водитель движок прочищал!.. Словом, пригласил я батюшку в дом обсушиться да обогреться, чайку попить. Ну не прозябать же, в самом деле, сановнику на обочине!

А дома меня как раз Толян дождался.

Вот сидим за столом, чаёвничаем. Батюшка, как и положено по чину, держался с достоинством, но был доброхотным, говорил с нами на равных, в наши немудрёные рассуждения вслушивался. Обмолвился ненароком, что обращаться к нему следует не так, как мы когда-то подхватили и привыкли, а по церковному обряду, то есть «ваше преосвященство» или, если попроще, – «владыко».

Не знаю, как Толян, а я со священником впервые рядышком сидел. В нашем селе церковь ещё к тридцатым годам порушили. Но и Толяну, похоже, негде было поднатореть, и, как мы ни старались, – всё на батюшку сбивались.

А батюшка, догадываюсь, нашу промашку подмечал, но виду не показывал. И уж совсем не до того стало, когда о прихожанах заговорил, – всерьёз за дело своё переживал.

– Ослабела вера! Позабыли люди пастырское слово! Рассеялась паства! – сокрушался. – Заново народ собирать надо. Вот с этого, со слова пастырского и начну службу в здешних краях!

Ушёл в себя, призадумался.

– Одного слова маловато, пожалуй, будет, – взвесив сомненье, осторожно вставил Толян.

– Как же маловато?! – встрепенулся батюшка. – Со слова всё начинается! Издревле заведено: слово народ собирает!

– Собирает, верно, – гнул своё Толян. – Вон и колокол народ созывает. Только удержит ли? Чтобы народ удержать, сила нужна!

– А слово-то чем не сила?

– Вы же сами сказали, что забыли люди слово! Власть нужна, воля!

Батюшка на Толяне взгляд задержал, внимательней в него взгляделся.

– А хотите, я вам сказку расскажу? – вдруг вспомнил Толян.

– Какую сказку?

– Про теремок.

– Кто ж эту сказку не знает! – улыбнулся батюшка.

– Сказка известная, – кивнул головой Толян. – Да вот дед мой по-своему её рассказывал. Хотите послушать?

– Что ж, – согласился батюшка и посмотрел на меня. – Охотно послушаем, правда?

А мне и самому интересно было.

И Толян стал рассказывать.

* * *

Жили-были старик со старухой. Долго и ладно жили. Но прошло время, овдовел старик. Один остался.

Дети разъехались: сыновьям, как водится, нехоженые тропы удачу сулят, дочерям достойные мужья опорой стали. Правда, звали с собой:

– Поедем, отец, с нами!

Но старик упёрся:

– Никуда не поеду! За домом приглядывать буду. А родные могилы кому поручу, на кого их оставлю?

Всё бы ничего, да опостылело жить дичком. Некому слово молвить, за стол усадить некого: перевелись гости желанные. Крошит старик хлеб в миску с крупяной похлёбкой, а сам горько тужит: «Только моя старуха мастерица была так хаш варить, чтоб ни один волосок в него не попал!» А ведь хаша, известно, без шерстинки не бывает!

Совсем было руки опустил старик. А тут собака мимо бежала. Свистнул старик просто так, со скуки, – пёс преданно к его ногам и приник.

Повеселел старик. Задрал голову, углядел в небе пару голубков, поманил:

– Слетайте ко мне во двор, вместе жить будем!

Выпросил у соседа хворого ягнёнка, – всё равно не жилец! – выходил. Славная овечка получилась!

На кизилковый побег из своего сада петуха выменял.

Тут и мышка в амбаре снова захлопотала.

А хитрый кот смекнул, что у старика ему сытно будет, – сам в дом напросился. Своего не упустит!

Вот такой теремок собрался.

Поначалу всё славно шло. Только считанное время спустя уж и не припомнить, кто кому первый дорогу заступил. То ли кот собаке, то ли петух мышке. То ли овца вдруг возгордилась, что от неё одной достаток в доме: и молоко для сыра, и шерсть на одеяло.

Все меж собой перецапались. Чего не поделили, и сами в толк не возьмут, но схлестнулись всерьёз, от их ора даже солнечный луч в ясный день коробило!

Совсем покой потерял старик! Просил, увещевал по-доброму, – нет на них управы! Устал совестить, да и всякому терпению есть предел. Взял в сердцах палку, разогнал всех по своим углам, порядок навёл. Каждому занятие нашёл, к делу приставил. Тут уж не до гама, – к вечерней заре поспеть бы с работой!

С той поры мир в доме воцарился. Старик, правда, палку на виду держал, – мол, живи с оглядкой! – но без надобности: не было в теремке нерадивых, перевелись ленивцы. Крепко-накрепко помнили: безделье – всякого раздора исток.

Из голубей, между прочим, славные почтари получились, наладились старику от детей весточки доставлять. А кот-балагур мастак оказался байками всех потешить, старика сказками баюкать.

* * *

Замолчал Толян, на нас с бабушкой посмотрел. А мы молчали. Вникали.

Наконец бабушка обронил:

– Занятно!

Головой покачал:

– Вон, стало быть, как сказка обернулась!

Тут шофёр постучался, сказал, что можно отправляться дальше.

Батюшка поднялся, поблагодарил за хлеб-соль, простился, осенил нас крестом. На пороге замешкался, обернулся на Толяна, будто вспомнил что, но осёкся и лишь повторил:

– Занятно!

А мне верным представилось свои суждения и поступки со сказкой сверять. Ведь на каждый случай сказка сложена и припасена. Для всякой надобности сыщется.

ЭЙЛА КИВИККАХО

АРАРАТ

Перевел с финского Эдуард Шустер

Эйла Кивиккахо – литературный псевдоним известной финской поэтессы Эйлы Сильвии Ламберг (1921-2004).

Она родилась в деревне Ваккосалми в семье сапожника Юхо Ламберга и швеи Иды Лаукканен. Впечатлительная, с детства тонко чувствовавшая красоту природы, Эйла Ламберг росла среди музыки и поэтического слова. Отец девочки часто музицировал и учил ее играть на скрипке, мать прививала любовь к книгам, читала вслух стихи. Удивительные образы северных озер, лесов и рек пробуждали воображение. Истоки поэтики творчества Эйлы Кивиккахо – в умении чутко воспринимать и лирически связывать движения человеческой души и природы.

Будущая поэтесса закончила школу в Сортавале, но из-за войны ее семья была вынуждена переехать сначала в Пори, потом в Хельсинки. Эйла работала библиотекарем, редактировала детский журнал, писала стихи. Уже в 1942 году увидел свет ее первый поэтический сборник «Синяя скала», за ним последовали и другие книги.

Поэтесса одухотворяла окружающий мир, пыталась осмыслить и передать особенности состояний камней и деревьев, птиц, чередований времен года. Человек и природа в ее стихах страдают и радуются, размышляют, чувствуют, живут и умирают, чтобы вновь возродиться. Горы занимают особенное место в творчестве Кивиккахо: она воспела серые неприступные скалы родного Севера, ледяные вершины прекрасных Альп, овеванные библейской древностью легендарные склоны Арарата.

В современном литературоведении Кивиккахо называют смелым новатором, рискнувшим привнести необычные ритмические формы

в традиционное финское стихосложение. Она стремилась максимально достоверно выразить первозданные чувства через обращение к «потокам сознания», выходя за рамки строгих рифм, знаков препинания. Стихотворения Эйлы Кивиккахо обладают особой музыкальностью, неожиданным звучанием и метрическим строем. Многие из них стали песнями.

Нельзя оставить в стороне и другую значимую часть творческой работы Эйлы Кивиккахо. Она перевела на финский язык произведения Астрид Линдгрен, Мариш Грипе, Эльзы Бесков, Турбьёрна Эгнера, Осипа Мандельштама, Беллы Ахмадулиной... Но главная, на мой взгляд, творческая заслуга поэтессы – оригинальная философская лирика о бесконечной гармонии мироздания, вечный гимн нерукотворному совершенству природы, звучное слово о единстве человека и всего, что его окружает.

Наталья Лайдинен

1.

Певучей стеной поднимаются воды
по расселинам склонов нету
горы огромнее Арарата

Во все глаза они смотрят
на то что сметает живое прочь
на то что в конце концов остается
Арарат
без склонов
без пастырей и без стад
только берег
остров в осаде Арарат
тарара тарара

Но с верхушки последней оливы
разве ты не отдал последнюю ветвь
птице

направлявшей к тебе
еще один осажденный остров

Не просто чтоб сблизиться вам
но чтобы ты знал...

2

Спасайте все что вам нужно
собирайте все что осталось
но я не желаю видеть как море
на склонах моих дома расплющит

Пусть моря шатер не скользит у меня под ногами
будто зыблемый пол
над которым как черные люстры
руины селений

Хотя мир понемногу становится
прежним он быть не сумеет прежним
Щербатые стены мои наполнятся ветром
(а ведь придется слушать
как бьются в закутах изб
рыбы в смертельном танце)
значит на этих же склонах опять
займется убийством морская пучина

Хватит того кошмара
я не хочу другого стать не хочу могилой
для кораблей которые перевернутся
и лягут мне на бока
Ведь все-таки я - вулкан по рождению
я сады выжигал и богатые урожаи
и сносил никчемные хижины

Это море мое – дела чужеземных туч
Они пришли от какой-то другой горы

погасить очаги погубить пастухов
Они населили мои деревни
косяками плавучих тварей
и канули в жерле моем молчком

А те заглянули в колодец похожий на рыбий глаз
откуда как фимиам поднималась
пока подъем не прервался питьевая вода
выпучив круглый глаз
в мазанках плавают сиги
а с полусорванных крыш отлетают
ласточки на плавниках
напоминая знакомые мне картины

Если вода уйдет пусть не буду я просто горой
пусть снова буду вулканом пусть уничтожу
склоны с живыми следами потопа
Но я готов быть и бездной
Только пусть с высотой моею сравнится
ее глубина
в которой домам не будет места
где не будет ни стад ни пастбищ
где никто никогда не погибнет

ЕЛЕНА ШУБАЕВА

Родилась в России, в Волгоградской области. Автор нескольких книг (поэзия, проза, публицистика). Печаталась во многих журналах («Дружба народов», «Знамя», «Нева», «Аврора» и др.), лауреат международных литературных конкурсов. Живет в Ереване.

СТАРЬЕВЩИК

Вспомнила странную ночь... Лёжа в спальном мешке в кратере осеннего Арагаца и ощущая, как пронизывающий холод проникает в каждую клеточку моего тела, я прокручивала в памяти страницы детства. Почему-то именно сейчас, среди этих ледяных вершин и безбрежного космоса вокруг, в голове всплыл один старичок. Он был жалким и понурым, как старые деревья в заброшенном Варькином саду. Да, был у нас такой сад на краю села. Саму Варьку я никогда не видела – она умерла до моего рождения, но её сад-садище и дом с просевшей крышей остались будто памятью о ней.

Каждый день старьёвщик проезжал по нашей деревне на скрипучей телеге, которую тянула измождённая лошадёнка. Мне всегда казалось, что человек и эта кляча однажды умрут в один день – так неразрывно они были связаны, будто вросли друг в друга и дышали одним усталым дыханием.

Я никогда не видела старьёвщика на земле – только на телеге. Он словно и не умел ходить: не спускался с неё, не шагал. Всё время сидел, покачиваясь вместе с телегой, и, причмокивая, ласково подгонял свою лошадейку – не кнутом, а голосом, как разговаривают с единственным живым существом, которое ещё держит тебя на этом свете.

Этот странный человек был волшебником в своём роде. Он возил с собой особенный ящичек, полный маленьких чудес: леденцы в виде петушков и свистульки, которые казались мне чем-то фантастическим.

Я помню, с каким нетерпением ждала его появления, когда в клубящейся пыли на бездорожье вырисовывалась его колымага. В тот миг меня наполняла какая-то глубокая, необъяснимая радость. Я бросалась во двор и кричала:

– Мама, мама! Собирай тряпьё!

Мама – всегда спокойная и понимающая – протягивала мне охапку старой одежды, и я бежала к старику, чтобы получить за тряпьё тот самый подарок: свистульку – простую планку от разобранного баяна. Но даже эта планка умела звучать.

И эти звуки я до сих пор слышу – где-то в голове, в памяти. И вот сейчас – в горах.

Помню, как сталь начинала петь, едва я касалась её губами. Это было то редкое мгновение, когда что-то простое казалось волшебством, а мир становился большим и ярким, как детская радость.

Старик вымученно улыбался, и в глазах его было сожаление, что он не может разделить эту радость и чистоту, которые скользили в каждом моём жесте, в каждом взгляде. Конечно, он и сам когда-то был таким... Конечно, в его прошлом тоже бывали светлые мгновения. Теперь же, старея, он лишь наблюдал за ними издали, как за чем-то безвозвратно утраченным. Как бы ему хотелось вернуться в те дни: когда он был молод, когда всё казалось возможным и полным надежд!

Для меня подлинная история старьёвщика началась в тот день, когда мама, взволнованная и немного растерянная, собрала боль-

шой мешок хорошей, почти не ношеной одежды и тихо произнесла странную фразу:

– Это для погорельцев.

Я не совсем понимала, что это значит, но в этих словах было что-то такое, от чего на душе у меня стало тревожно и по-взрослому серьёзно – будто где-то рядом случилось несчастье и мир стал другим.

Кто такие погорельцы? Слово было для меня незнакомым, чужим. Оно звучало грозно, как предупреждение, как беда, которая может постучаться в любую дверь. И я стояла рядом, слушала – и вдруг впервые почувствовала: не всё на свете про конфеты и свистульки.

И отец своим неизменно спокойным голосом добавил:

– Такое с каждым может случиться.

Эти слова навсегда засели в моей памяти, они словно стали неким указателем – напоминанием о том, насколько мир вокруг нас хрупок и непредсказуем.

Отец поведал историю этого старика-старьёвщика. Оказалось, и он когда-то был погорельцем: его хата-мазанка с соломенной крышей сгорела дотла, и в том огне он потерял жену и ребёнка. С тех пор жизнь словно разделилась надвое: одна её часть – боль и то, чего уже не вернёшь; другая – то, что ещё можно сделать... доброе – для других.

Теперь он ездит по дворам, собирает одежду – не «тряпье», я уже начала понимать, как несправедливо и жестоко это слово звучит, – и раздаёт тем, кому она действительно нужна. И чем больше я об этом думала, тем яснее становилось: он не просто собирает вещи. Он собирает чью-то возможность не замёрзнуть, чью-то надежду, что он не одинок в этом жестоком мире, чью-то маленькую опору в то мгновенье, когда кажется, что ты летишь в бездну.

Помню, я, стоя во дворе, размышляла про себя: пожар отнял у него всё, что обычно называют жизнью, – дом, близких, привычный мир. Но в душе оставил что-то упрямое и тёплое, не позволившее ему ожесточиться, озлобиться. И мне, ребёнку, вдруг подумалось: а что, если он и есть тот самый добрый дедушка-Бог,

который появляется на своей колыхаге из пыли как помощь, как тихое возвращение человеческого из рук в руки, от сердца к сердцу.

И я поймала себя на неожиданно серьёзной мысли: не всегда люди могут выбрать, кем стать после беды. Но этот старьёвщик наверняка выбрал – стал тем, кто приходит на помощь, когда у других уже всё сгорело.

Тогда на меня сошло откровение: старик с колыхагой и его маленькие «чудеса» из деревянного ящика были частью большого горя и великого добра одновременно – того великодушия, которое связывает людей и вещи, проверяет нас на милосердие и прочность.

Я так долго стояла, погружённая в свои мысли, что не заметила, как мать с отцом уже занялись другими делами. Они заперли дом на замок и ушли за огород, к реке – сгребать сено.

Вечер незаметно оседал на землю. Травы вокруг вытянулись, потемнели, стали змеистыми, будто нарочно путали ноги. Я опомнилась и опрометью бросилась к родителям – спотыкаясь, цепляясь за стебли, вырываясь из их цепкой хватки.

И тут где-то вдалеке тонко и отчаянно закричал ребёнок:
– Ма-ма-а-а!

Меня будто пронзило холодом. Я испугалась и подумала: вот уже один потерялся в этом большом мире! И для меня стало жизненно важно – скорее к своим, скорее быть рядом с ними, держаться за них, как за единственный спасательный круг на земле.

И вот сейчас, лёжа на холодной земле в кратере горы Арагац и глядя в звёздное небо, я вдруг поняла: те маленькие эпизоды детства – свистулька, жёлтый пыльный вихрь над дорогой, радость и первое узнавание беды – были нитями, которые связали меня с казалось бы исчезнувшим, но на деле навсегда оставшимся во мне миром.

Ночь в горах выдалась особенно холодной, но мне было тепло от этих воспоминаний – от образа старьёвщика, словно самого доброго дедушки-Бога, и от собственных детских чувств. Казалось, он стоит рядом и бережно укрывает меня той самой одеждой, которую я когда-то носила ему охапками, чтобы получить свистульку.

А ветер на Арагаце свистел этой ночью так, будто тонкая планка от разобранного баяна снова запела – тихо и печально, и эта мелодия уносила меня в те далёкие, почти волшебные времена.

Я засыпала, убаюканная ветром и странной, заботливой теплотой посреди ледяного кратера, и вдруг сквозь дрему услышала отчаянный детский крик:

– Ма-ма-а-а!

Наверное, кто-то потерялся в этом мире. А может... это кричала я сама – та маленькая девочка, что бежала в змеистых травах и дорожной пыли, громко называя самое надёжное имя на свете.

НОЧЬ НА ОКРАИНЕ МАРТУНИ

Мы ехали из Степанакерта в Мартуни не по прямой – та дорога ещё хранила в себе мины и незажившие раны войны. Нас повела старая, почти забытая: объездная, длинная, выющаяся серпантинном, словно нарочно оттягивающая встречу. Она уводила не только в глубь гор, но и в глубь памяти – туда, где всё ещё больно и где тишина даётся дорогой ценой.

Дорога была красива. Вдали поднимался горный утёс, густо укутанный лесом. Он смотрел на нас молча и строго, как старец, переживший слишком многое и потому не нуждающийся в словах. Местами в его камнях проступали черты старческого лица, испещрённого морщинами, похожими на линии арцахской судьбы: следы боли, терпения и упрямой, негибаемой воли.

Ни машин, ни людей. Только мы и тишина. Тишина, которая звенит в ушах, давит на грудь и одновременно успокаивает. Иногда дорогу перебежали лисички — рыжие, быстрые, настороженные. Взлетали встревоженные птицы, ещё недавно гложущие от разрывов и грохота войны, а теперь удивлённые тем, что чья-то машина осмелилась нарушить их хрупкий, выстраданный покой.

После сорокачетырёхдневной войны Арцах ещё не успел перевести дух: прошло всего несколько месяцев. Он был ранен и ис-

тощён, но удивительным образом спокоен и сдержан. Будто знал: суэта бессмысленна, слова излишни, остаётся одно – выстоять. Выдержать. Молча. Стиснув зубы.

Мартунинский район – один из самых больших в Арцахе. Земля, на которой мужество было образом жизни. Здесь сражались до последнего – в первую карабахскую войну, во вторую, в месяцы блокады и в последующих столкновениях с врагом, многократно превосходившим силы Армии обороны и вооружённым самым современным оружием. И всё же мартунийцы сражались, бились до последнего дыхания.

Не зря Мартуни называли Монтеабердом. «Берд» по-армянски означает крепость. Здесь жил дух героя освободительного движения Монте Мелконяна – не в памятниках и табличках, а в людях, в их прямых спинах, в сдержанном достоинстве, с которым они принимали вызовы судьбы.

Я ехала к Жанне. В Мартуни.

Мы познакомились в сентябре 2020-го, в самые первые дни войны, когда Азербайджан обрушил массированную атаку на маленький кусочек рая – Нагорный Карабах. Тогда Жанна с дочерью оказалась в Ереване. Её сыновья, братья, муж были на фронте.

Моя квартира в Ереване превратилась в склад – одежды, еды, матрасов. Мы, небольшая группа энтузиастов – русские, армяне, иранцы, украинцы, – составляли списки: около двух тысяч человек, беженцев из Арцаха. В основном это были женщины, дети и старики. Мужчины и совсем молодые парни оставались там – защищать свой край, свою родину.

Кто-то приходил за помощью, кто-то находил у меня временный приют. День и ночь сливались в одном бесконечном усилии – не сойти с ума, не дать отчаянию победить.

Жанна приходила почти каждый день – сортировала вещи, раздавала их, записывала имена тех, кому было особенно тяжело. В ней была сила и удивительное, почти непоколебимое спокойствие. Но иногда глаза выдавали волнение. Сообщения с фронта приносили плохие вести: погиб отец невестки, погиб сын знакомой... И не было никакой возможности что-то выяснить, узнать

подробности, удостовериться в том, что это, увы, не ошибка, а самая горькая правда.

В декабре 2020 года она сказала: «Я еду домой. В Мартуни». Это был смелый шаг: сорокачетырёхдневная война только что отгремела, эхо её ещё витало в воздухе. Но каждый день Жанна мечтала о возвращении, тосковала и во что бы то ни стало хотела встретить Новый год в родных стенах, а это означает, что беды и невзгоды остались позади и впредь всё будет хорошо. Дочери-студентки остались в Ереване; Жанна понимала, что не может рисковать ими.

Город был разрушен: восемьдесят процентов зданий повреждены или стёрты с лица земли. Но Жанна хотела вернуться в свой дом – уютный, построенный собственными руками, дом, в котором выросли её дети. Она хотела вернуться, взяв с собой баулы с вещами, медикаменты, шприцы и лекарства для больницы, продукты, чтобы раздать их нуждающимся в Мартуни. И это желание было непреодолимо...

В феврале 2021 года мы с друзьями загрузили машину вещами, продуктами, матрасами, одеялами, подушками и отправились в путь: Степанакерт, Мартуни, Чартар, Мачкалашен, Амарас...

Мне хотелось обязательно попасть к Жанне. Я помнила, с какой любовью она в Ереване рассказывала о своём доме – словно он был живым существом, дышал вместе с нею и ждал её возвращения. Мне хотелось узнать, как она там. Иногда, когда была связь, мы созванивались или переписывались.

У въезда в Мартуни из земли торчал огромный осколок снаряда, наверное, пущенного из самолёта. На стадионе зияла глубокая воронка от взрыва. В центре городка стоял Дворец культуры, построенный по проекту знаменитого архитектора Александра Таманяна, автора Ереванского театра оперы и балета. Здание, как и в столице, имело величественный вид, но теперь его стены были изуродованы, окна выбиты...

Мы зашли внутрь. Наши шаги отдавались эхом в опустевшем помещении. На стенах – детские рисунки: голуби, мамы, слово «мир». И среди них – одна картина, которая словно замерла во

времени: кладбище, хачкары, хачкары, хачкары... Женщина сидит на снегу у могильной плиты, склонив голову к портретам отца, мужа и сыновей. От картины было невозможно оторваться, и в этом молчании чувствовалась вся глубина и невосполнимость утрат.

Из одной комнаты доносилась музыка. Фортепиано. Мы пошли на звук. Учительница занималась с учеником – в холодном, разбомбленном здании. Она сказала просто:

– Музыка должна звучать.

Февраль был мягким, почти ласковым. Воздух пах хвоей, будто море где-то рядом. На дорогах лежали мешки с песком – из них строили оборону. И всё равно – было спокойно. Непостижимо спокойно.

Дом Жанны мы нашли не сразу. Он оказался самым крайним, почти отрезанным от всех; за ним пустырь, а дальше – горы и лес.

Она встретила нас как родных. Радость была такой, словно вокруг не было разрушений, не было войны и смертей.

Мы разгружали вещи во дворе под навесом, к нам присоединились соседки и знакомые. Работа перемежалась рассказами – о похоронах, о поиске и опознании останков. Одна женщина, узнав о своей смертельной болезни, чтобы облегчить участь семьи, сожгла себя, когда дети ушли в школу – трагедия, что не уместится в словах, останется в памяти навсегда.

Жанна заранее предупредила знакомых, когда привезут вещи. Женщины приходили с детьми и разбирали то, что им нужно. Некоторые вещи откладывали, объясняя, вдруг пригодится этой или той семье: «У них мальчик, у них девочка, это подходящий размер». Каждое действие было наполнено заботой и вниманием – простое распределение вещей становилось проявлением человечности посреди разрухи.

На ночь мы остались у Жанны – ехать в темноте было слишком опасно. Новые границы, неясные дороги, и даже привычные маршруты внезапно менялись: едешь, едешь – и какой-то кусок земли вдруг оказывается уже на чужой стороне, а через несколь-

ко километров снова армянская территория. В лесах скрывались враги, случались перестрелки, люди пропадали без следа.

Рассказы о коровах, которые по привычке шли на свои пастбища и оказывались на оккупированной земле, казались абсурдными, но они подтверждали всю зыбкость жизни здесь, всю противоестественность происходящего. Каждый шаг, каждая деталь напоминали о том, что привычное – это привилегия. И в этой тревоге, среди неопределённости и страха, особенно остро понималась ценность простого человеческого общения – тёплого дома, встречи с близкими, возможности просто быть рядом друг с другом.

Жанна показала подвал – ряды банок с вареньем, компотами, закрутками. Их было много, аккуратно расставленных, словно дом готовился к долгой и счастливой жизни и даже мог поделиться заготовками с родными и знакомыми. Так и получилось: в дороге Жанна снабдила нас разными вкусностями, компотами и сладостями, словно передавая частицу домашнего тепла и заботы.

Она рассказала, что когда они уехали, в доме кто-то жил – вероятно, солдаты. Подвал стал их временным убежищем. Мы спустились туда и сразу ощутили особую тишину – густой запах камня, земли и закрытых банок с вареньем и компотами. Солдаты ночевали здесь, ели продукты, тихо и аккуратно передвигались между рядами закруток, но многое оставили нетронутым. Это было свидетельством их чуткости, их понимания того, что они защищают не просто дом на окраине городка, а весь край.

Крайний дом в городке давал солдатам возможность следить за передвижениями врага, и каждое мгновение здесь было на вес золота. Подвал дышал одновременно напряжением и жизнью – маленькая крепость, где человеческая стойкость сочеталась с заботой и вниманием к хозяевам, которые обязательно вернуться. Люди, оказавшиеся посреди войны и разрухи, продолжали заботиться, сохранять порядок и готовить пространство для тех, кто вернётся. Дом, даже полузаброшенный, всё ещё был защитой и теплом.

– Ничего, – сказала Жанна. – Это же наши солдатики. Наши мальчики.

Жанна накрыла стол от всей души. Сыновья и её брат жарили во дворе шашлык, аромат которого заполнил весь двор. Домашний хлеб, соленья, компоты – айвовый, вишнёвый, всё из собственного сада – казались самыми вкусными вещами на свете. Было тепло. По-настоящему тепло. Уютно. Каждое движение, каждый жест, каждая мелочь на столе говорили о человечности, о заботе, о том, что несмотря на разрушения вокруг, здесь всё ещё властвует жизнь.

Но самое главное случилось ночью.

В комнате растопили печь. Запах дров был дурманящий, родной. Жанна постелила постель: тяжёлый шерстяной матрас, шерстяное одеяло, подушка, набитая шерстью.

Я легла в холодную постель – и сначала вздрогнула. А потом шерсть начала впитывать тепло, медленно, щедро, как живая. Печка потрескивала. За окном скулили шакалы – их вой напоминал то женский крик, то детский плач.

И я уснула.

Я не спала так крепко, так сладко с детства. И вот сплю – в разбомбленном городе, в доме на самом краю Мартуни. Там, куда мир ещё не пришёл. Где хоронят и оплакивают, где находят останки бойцов, где впереди были блокада, голод, потеря родины и путь скитаний. И всё же я спала сном младенца.

Да, той ночью было спокойно.

Так спокойно, будто сам Арцах держал это спокойствие на своих плечах – ради всех нас. Будто шептал: «Спи. Всё будет хорошо. Когда-нибудь. И везде».

И я поверила.

МАРИНА ВАРДАНЯН

Родилась в Ереване. Окончила с отличием ЕГУ по специальности «биофизика». Защитила кандидатскую диссертацию. Публиковалась в коллективных изданиях, включая проект «Библиотека современной поэзии», Литера, «Антология армянской поэзии», сборник современной драматургии, журнал Восток-Запад. Автор книг «Мысли вспять» и «Возвращение к себе».

ПОЗНАНИЕ

Короткие рассказы

АККОРДЕОНИСТ

Я сидела у постели умирающей мамы уже вторые сутки. И вдруг в тишине раздалась музыка – та самая, из её детства.

Из окна открывался вид на одно из самых старых зданий города. Под деревянным балконом сидел одинокий старик и играл на аккордеоне. Балкон, музыка, аккордеонист и неподвижная мама переплелись в странной, почти мистической гармонии, и в этот тяжёлый для каждого человека момент мне вдруг стало легче.

Тишина комнаты, красивое здание напротив и виртуозная игра старика – так запомнились мне последние мамины дни...

Я вышла на улицу – хотелось хоть немного пройтись. Перешла дорогу, подошла к старику, собираясь положить деньги, но он поднял голову и пронзительным взглядом своих грустных голубых глаз пресек мой порыв. Длинный шрам от брови до рта подчёркивал трагизм лица. На секунду в его взгляде мелькнула вспышка, будто он передал мне тайное послание. И тут же, опустив голову, он с почти бешеной силой продолжил играть.

Меня охватило отчаянное желание вернуться к маме. Бежать к ней, обнять, почувствовать её тепло, заглянуть в глаза... Я понимала, как мало минут остаётся. Хотелось пережить с ней каждую.

В сердце вспыхнула благодарность старику за то, что его музыка разбудила во мне это чувство и смягчила боль её ухода.

После похорон я перебирала старые фотографии. На одной – школьный класс моих родителей. И там, в углу, стоял мальчик с длинным шрамом от брови до рта.

Старик больше не появлялся.

Я так и не узнала, почему он играл именно под нашими окнами в те дни. Может быть, он любил одноклассницу, вышедшую замуж за другого, и пронёс эту любовь через всю жизнь. А может, всё это лишь моё воображение. Но тихая, печальная музыка последних маминых дней осталась со мной навсегда.

САД

Смбат был садовником почти тридцать лет. Здесь же когда-то работал его отец, и мальчиком он часто приходил сюда вместе с ним. Ему ужасно хотелось бегать по аллеям и играть с друзьями, но сад был закрыт: гулять в нём могли только депутаты, которым, казалось, вовсе не было дела до его красоты.

А Смбат разговаривал со всеми деревьями, и с аккуратно подстриженными кустами, и с цветами, но больше всего он любил большой дуб. Отец предпочитал стройные тисы, а Смбата притягивала сила и спокойствие дуба.

Годы шли, Смбат перенял дело отца. Когда его не стало, он делился с тисами своими воспоминаниями, а с дубом говорил о детстве и о своей мечте: что когда-нибудь детские голоса наполнят этот сад.

По ту сторону решётки часто собирались люди. У них были свои беды, и стояли они там часами в жару, под палящим солнцем. Смбат думал, что дуб и он сам могли бы подарить им тень и прохладу, если бы сад был открыт.

Постепенно он стал все больше переживать о том, что происходило за пределами сада. Жена его недовольства не понимала.

– Ты должен работать. Остальное – не твоё дело, – говорила она.

«Жаль, – думал он, – что она не понимает, как хочется принести людям радость».

– А зачем? Чтобы тебя хвалили? – спрашивала она.

– Просто хочу чувствовать, что я полезен. Особенно детям.

– Ты и так полезен. Ведь твои деревья обогащают воздух кислородом, разве этого мало? – не унималась она.

– Ты права... но пользы могло быть больше.

И однажды сад открыли.

Радость Смбата была безграничной. Он понял: всё эти годы он не зря трудился, не теряя надежды. Теперь его детские воспоминания оживали – их могли разделить и другие дети. Значит, в стране что-то изменилось.

– Наивный ребёнок, – бурчала жена.

Смбат стал задерживаться на работе: ему нравилось наблюдать за играющими детьми, гуляющими родителями и беседующими дедушками и бабушками. Он тайком прятал под дубом маленькие игрушки и радовался, когда дети их находили, порой даже больше самих детей.

Но однажды утром его встретила тишина. Главные ворота для посетителей были закрыты.

– Что происходит? – не поверил своим глазам Смбат.

– Всё возвращается на круги своя, – усмехнулся охранник.

– И надолго?

– Пока не сменится власть... А там кто его знает...

Смбат медленно пошёл к дубу. Под ним он нашёл забытый кем-то мячик. Глаза наполнились слезами. Он понял, что не сможет работать в закрытом саду.

«Прости меня, мой дуб», – подумал он.

Он вернулся с большим листом бумаги, написал, что вернётся только тогда, когда сад снова откроют, и прикрепил своё обращение к стволу любимого дерева.

СТАРЫЕ ЕРЕВАНЦЫ

Около пяти лет назад кто-то из друзей пригласил Саака в группу «Старые ереванцы». Правила вступления были просты: родиться в Ереване до 1961 года, прожить в городе не менее двадцати одного года и получить рекомендацию действующего члена. Почему именно эти числа, никто толком не знал, но менять их никто не собирался. Казалось, создателю группы нравилось, чтобы всё заканчивалось на единицу. Да и любил он Ереван, говорят, исключительной любовью.

Саак соответствовал всем трём критериям и был принят в группу без проволочек. Обязанностей не было, только одна традиция: раз в год они съезжались со всех концов мира, фотографировались у памятника Таманяну на Каскаде и поднимались по ступенькам как можно выше, чтобы в кадр непременно попал Арарат. Таково было желание основателя. После – ужин в ресторане и небольшие пожертвования какой-нибудь ереванской школе. Собирались в последнюю неделю сентября, день выбирали по погоде и видимости Горы, ведь многие прилетали издалека.

Саак давно переехал в Штаты, и первая встреча «Старых ереванцев» стала для него почти откровением: столько знакомых лиц! Одноклассники, бывшие одногруппники, соседи, просто люди из детства. Вот, к примеру, человек в шляпе – тогдашняя подруга Саака так его и называла. У него и правда были шляпы на

все времена года. И теперь, постаревший, он снова был в шляпе, что придавало его фигуре какую-то трогательную неизменность.

«Интересно, где теперь та девушка?» – думал Саак, прислушиваясь к разговору рядом.

– Его мать обожала его автопортрет в шляпе, – рассказывал один из «старых», – с тех пор он ходит в них всегда.

– Наверное, просто рано облысел, – хмыкнул Саак.

В позапрошлом году встреча была особенно шумной и радостной. Фотографировались, гуляли, сидели в ресторане, спорили обо всём на свете, но тема Северного проспекта звучала неизменно. Проект Таманяна был для них почти святыней.

– Как же исказили его анфиладу трёх-четырёхэтажных зданий! – возмущался знакомый архитектор. – Арарат должен был виден с любой точки. Да и грунт ереванский не для высоток...

– Мы – нет, а Таманян, конечно, понимал, – подшучивал Саак.

Он всегда любил Ереван, его старые дома в центре, которых становилось всё меньше. Но дух города всё ещё жил. И понял он это только после переезда в Нью-Йорк. Сначала думал, что скоро вернётся. Но потом – жена, дети, школа... Годы шли, уменьшая шанс, что он снова окажется дома.

Вернулся он лишь спустя двадцать лет. В ушах звенели слова песни: «Люблю эту землю, люблю эту воду».

Первые дни он почти не спал – бродил по ночному городу, вдыхал знакомые запахи, вспоминал каждый улочку. А потом его официально причислили к «Старым ереванцам». Жена восприняла это почти как награждение мужа званием почётного гражданина города и без возражений отпускала его каждый год в далёкий и непонятный для неё Ереван.

На прошлогодней фотографии у всех были грустные лица – Азербайджан только что развязал войну.

Прошёл год. Саак снова летел на встречу. И лица снова были грустными.

О Таманяне больше не спорили. Красота отступила на второй план. Хотя после Нью-Йорка трудно было не заметить чистоту центра. «Наверное, потому, что мэр сам ереванец», – усмехнулся Саак.

Он гулял по городу, прошёл от Таманяна к памятникам Хачатуряну, Спендиарову, Туманяну, Бабаджаняну. Впервые за долгие месяцы ему стало легко. Арарат возвышался над городом, словно оберегая его. Саак вдруг почти физически ощутил тихое возрождение, начавшееся, казалось бы, просто с чистоты улиц.

«Наш город переживёт правление несостоявшихся элит, агрессивность соседей и равнодушие мира. У нас есть наши великие предки. И наш Арарат», – подумал Саак и вдруг понял, почему числа у «Старых ереванцев» заканчиваются на единицу. Потому что единица — это единство: начало, к которому всё возвращается.

Он долго смотрел на Гору. И ему показалось, что она улыбается в ответ

КУРИЦА

В компанию по борьбе с коррупцией случайно попал Ованес, укравший курицу у соседа. Не то чтобы злонамеренно, просто он подумал, что это его курица. Но оказалось, эта самая курица была с особым знаком. И сосед, который давно таил злобу на Ованеса, сразу узнал свою курицу и заявил в полицию. И не успел Ованес опомниться, как следователь уже допрашивал его.

– Я случайно, – пытался оправдаться Ованес.

– Случайных краж не бывает, – строго ответил следователь. – Всё начинается с курицы.

– Что всё?! – удивлённо спросил Ованес.

– Всё! Сегодня курицу украл, а завтра страну украдёшь.

– Как я могу страну украсть? – поразился Ованес.

– Ты его знаешь? – Следователь наклонился к уху Ованеса и прошептал имя.

– Конечно! Слышал... – испуганно промямлил Ованес.

– Так вот, он начинал с курицы, а теперь миллиардер, и за счёт кого?!

– Не знаю, – вздохнув, ответил Ованес.

– За счёт нас, потому что мы его не остановили, когда он курицу крал.

Ованес задумался: «Неужели и у меня могут быть такие возможности? Впрочем, вряд ли... – загрустил он, – я же в действительности не крал эту курицу, а просто перепутал».

Поскольку дело Ованеса, как мы уже отметили, совпало с антикоррупционной кампанией, то был устроен показательный суд. Прокурор выступил с пламенной речью. Несчастный Ованес не мог поверить, что это всё он – правда, не сейчас, а в будущем. Защита пыталась вернуть прокурора и судью в настоящее, но безуспешно: курица уже никого не интересовала. Их беспокоило будущее страны. И это беспокойство обернулось для Ованеса пятью годами лишения свободы.

– За что? – крикнул несчастный.

– За родину, – ответила судья с чувством выполненного долга.

ТО, ЧТО МОЛЧАЛО

В последнее время мысли всё чаще возвращались в прошлое – будто прожитого оказалось больше, чем того, что впереди. Да и времени теперь стало больше. Тридцать лет они с мужем работали с утра до вечера. Переехав из Стамбула в Нью-Йорк, начали с небольшого лотка по продаже фруктов. А недавно продали бизнес – несколько магазинов – и решили отдохнуть. Наверное, поэтому воспоминания и нахлынули: когда появляется пауза, прошлое тут же заполняет её.

Мать всю жизнь твердила, что она непослушная. И это было правдой – во многом дочь с ней не соглашалась. Мать часто её раздражала, но при этом... наверное, она всё же любила её. Теперь уже трудно понять.

А потом был Вазген. Они встретились – и будто током ударило. Мать, узнав об их отношениях, начала в своём стиле давить: турчанка и армянин – это невозможно, прошлое всегда будет сто-

ять между вами. При чём тут прошлое? Мы живём в настоящем. Но разве мать переубедишь?.. А отца она не знала.

Сейчас, спустя годы, это казалось почти смешным: в Нью-Йорке подобные слова звучат странно, словно отголосок жизни, от которой она давно уехала, но которая так и не отпустила.

У неё теперь были друзья – армянская семья. Иногда вместе готовили долму, пахлаву, а потом отправлялись в Центральный парк на пикник. Но тогда... тогда мать стояла против этого брака насмерть и в конце концов добилась своего.

Как она могла уступить? Наверное, сработала детская обида: на мать – и вот в самом главном она решила, наконец, быть послушной.

Сукру стал для Айтан хорошим мужем. Надёжным. Но любви с её стороны так и не было. Назло матери она убедила его уехать в Америку.

Они много работали, потом появились дети – времени на себя почти не было. Теперь они с Сукру остались вдвоём, и говорить им было особенно не о чем. Айтан любила читать, слушать музыку. Он был простым, трудолюбивым человеком и всегда поддерживал её. За это она была ему благодарна.

Скоро свадьба внука, а она всё ещё не выбрала платье. Его называли Сукру – в честь деда. Сегодня он пригласил её на ланч. Такое случалось нечасто, и поэтому с утра она была необычно радостной, вспоминая о предстоящей встрече.

Они встретились на углу 49-й улицы и Шестой авеню. Каждый раз она невольно улыбалась, видя его стройную фигуру и красивые глаза.

– Бабуль, тут есть приятный маленький ресторанчик, – сказал он. – Можно спокойно пообщаться.

Он выглядел слегка взволнованным.

После обычных «как ты?», «как готовитесь к свадьбе?» он неожиданно сменил тему разговора:

– Я сделал ДНК-анализ. Ты знаешь, сейчас это модно. И оказалось, что я примерно на двадцать пять процентов армянин. Как ты думаешь, откуда это?

– Нет-нет, – машинально ответила она и подумала: я родила через два года после расставания с Вазгеном, а вслух сказала: – Может, от твоей мамы...

– Может... но я никогда ничего такого от неё не слышал.

– А это так важно? – спросила Айтан.

– Мне просто интересно. Я знаю всю эту историю между турками и армянами. Здесь мы далеко от этого, но всё равно... интересно.

Ей вдруг захотелось подыграть внуку.

– А давай, в виде исключения, я тоже сделаю этот твой чёртов ДНК-анализ.

– Бабуль, если бы ты знала, как я тебя люблю!

– Ну ладно, не подлизывайся, — улыбнулась она.

Когда пришёл результат, Айтан оцепенела. Она перечитала письмо несколько раз, будто надеясь, что цифры изменятся.

Сто процентов!

Она закрыла ноутбук и долго сидела молча. Перед глазами всплыли лицо матери, Вазген – молодой, упрямый, влюблённый. И вдруг она подумала: мать, возможно, боролась не столько с этим браком, сколько с собственным страхом – с тем, что она сама скрывала.

Айтан решила, что на свадьбу внука наденет армянский национальный головной убор – такой, какой она видела однажды в доме у своих знакомых армян. Просто как знак того, что больше не нужно молчать.

ЗОЛОТИСТЫЙ ДУБ

Лилит кинула кое-как собранные вещи в машину, оставила на работе короткую записку: едет в заповедник ознакомиться с ситуацией на месте и будет работать онлайн.

Она любила дорогу – когда без пробок. В такие минуты ритм работы мотора успокаивал, словно медитация. После вчерашней

конференции она не могла прийти в себя. Проверив услышанную информацию у искусственного интеллекта, убедилась – всё верно: азербайджанцы распиливают деревья в захваченной части Шикаоха, строят дорогу.

Власти молчали. Хотя специалисты вчера ясно говорили об этой беде.

Она вспомнила мать – её походы по горам, вечные тетради с латинскими названиями растений. Ученица Тахтаджяна*, она считала, что любовь к природе – это тоже форма молитвы. Тахтаджян когда-то говорил им в экспедиции: «Здесь земля молится через растения. Слушайте её». И мать слушала всю жизнь, радуясь, что один из лучших ботаников мира – её учитель.

По иронии судьбы во время последнего приезда Тахтаджяна в Армению они вместе ездили именно в Шикаох. После того визита мать часто повторяла его слова: «Это один из самых богатых уголков земли – здесь дыхание творения ещё не осквернено».

– Мама, я еду туда. Если твоя душа меня слышит... – тихо сказала Лилит.

На заправке молодой парень, наливая бензин, спросил, куда она держит путь.

– В Сюник, – ответила Лилит.

– Будьте осторожны... – сказал он и замялся.

– Почему? – улыбнулась она.

– Не знаю. Вы какая-то... взволнованная.

«Интересно, как он это почувствовал?» – подумала Лилит.

– Я еду ради мамы, – сказала она вслух. – Её дух меня защитит.

Она остановилась в небольшой гостинице недалеко от заповедника.

– Как найти лесничего или кого-нибудь, кто проведёт меня по заповеднику? – спросила она хозяина.

– Вы знаете, часть территории оккупирована, туда нельзя – опасно.

---

* Армен Леонович Тахтаджян – всемирно известный ботаник, флорист и систематик растений.

– Я хочу в рощу золотистых дубов. Хочу хотя бы издали увидеть ту часть, что разрушают.

– Девочка, пожалей себя.

– Ничего не будет, не беспокойтесь, – мягко ответила Лилит.

Вечером хозяин сказал, что один из лесничих согласился проводить её. но только до рощи золотистых дубов.

– И на том спасибо, – сказала Лилит.

Рано утром они отправились в путь. Лесничий был угрюм и молчалив.

– Можно ли хотя бы издали увидеть оккупированные участки? – спросила она.

– Нет, – коротко ответил он, потом, будто смягчившись, добавил: – Подожди. Бог всё вернёт – тогда и увидишь, и сфотографируешь.

– Далеко ли до рощи?

– Я веду короткой дорогой. Ещё часа два. Там оставлю тебя минут на сорок, потом вернусь – чтобы приехать в гостиницу до темноты.

Заповедник был неописуемо красив, но роща золотистых дубов – особое чудо. Она села под один из дубов и вдруг ощутила, как из неё вытекает тревога и в душу нисходит умиротворение.

Ветер шелестел листвой, и ей показалось, что она слышит древние голоса – словно шёпот Упанишад*, говорящий, что познание начинается с тишины.

А в свете, струившемся сквозь золотистые листья, ей почудились строки из древних армянских рукописей – инициалы на пергаменте, где буквы дышали молитвой земли и красоты.

Прошлое, будущее, Азербайджан – всё потеряло смысл. На неё снизошло всепрощение.

В сознании остались только дуб, ветер и дыхание вечности, живущее в каждом листе.

---

* *Чхандогья-упанишада* – древнеиндийский философский текст, утверждающий, что познание начинается в тишине.

АРЦВИ БАХЧИНЯН

АРМЯНКА, ПЕРЕВОДИВШАЯ С КХМЕРСКОГО НА ШВЕДСКИЙ

Моя давняя подруга, журналист, преподаватель и переводчица Лаура Даун-Минасян принадлежит к числу людей, которых я особенно ценю: тёплых, добрых, артистичных, многоязычных, проживших насыщенную жизнь, открытых миру, но при этом верных своим корням и стране. С ней, а также с её мужем – известным шведским этнологом Оке Дауном (1936–2017), мы познакомились в 1996 году в Швеции. Уже тогда меня особенно впечатлил тот факт, что Лаура, будучи переводчицей с русского и армянского на шведский, в своё время также работала с кхмерским – языком Камбоджи! С тех пор мы регулярно встречались, особенно в Ереване – городе, который она называет своим домом. Эту любовь к Армении она передала и своим сыновьям – Давиду и Араму.

Детство и юность в Баку

– Дорогая Лаура, много лет назад по просьбе младшего сына вы записали историю вашей жизни для своих детей. И хотя вы никогда не придавали особого значения своей личности и деятельности, я уверен, что ваша судьба интересна и достойна внимания. Давайте начнем с самого начала. Вы родились в Баку. Как ваши предки оказались в этом городе?

– Да, так получилось, что я родилась в Баку. Там встретились мои родители, уроженцы двух разных провинций Армении. Мой

отец Седрак Минасян родился в селе Цахкунк Севанского района, пришел пешком в Баку шестнадцатилетним мальчиком в поисках своего отца, пропавшего во время резни армян 1918 года в Баку. На нефтяные прииски тогда вербовали молодую рабочую силу по армянским деревням, таким образом мой дедушка оказался там, но не вернулся. Подросший сын отказывался верить в гибель отца и был уверен, что найдёт его. Своего родного отца он, конечно, не нашёл, но встретил замечательного человека, который стал ему почти отцом, а нам, детям, добрым заботливым Дедо.

Георгий Михайлов был айсором (ассирийцем) по национальности, ровесник и земляк Сталина, оба родились в Гори. Во время Первой мировой войны был ранен в пах, оказался в плену у немцев. В Гори его ждала невеста, но из-за своего увечья он предпочёл «исчезнуть», не возвращаться в родные края. Он говорил на нескольких языках, даже на армянском, ненавидел советскую власть и лично Сталина и не очень скрывал это. Мои родители беспокоились, как бы кто не настучал на него за его антисоветские высказывания. В Баку он славился как искусный маляр, его приглашали на ремонтные работы в богатые дома, в посольства. Он взял Седрака к себе в подмастерья и обучил его профессии.

Когда я родилась, Дедо был уже довольно пожилым человеком, он передал все дела моему отцу и вёл праздный образ жизни. Он был высокий, ширококостный, его объятия казались мне надежной пещерой. Дедо был моим ангелом-хранителем, утешал и оберегал меня в детстве. Было от чего: я была задиристой, играла только с мальчишками, вступала в драки, и мне часто доставалось от родителей после жалоб соседей. Только мой айсоро-грузинский дедушка считал моё упрямство положительной чертой характера...

Моя мать Анаит Восканян родом из села Чапни недалеко от Капана Зангезурской области. В Баку она приехала с тайной мечтой стать актрисой. Там жила её строгая старшая сестра, и мама долго боялась рассказать ей о том, что каждое утро она бежит не на занятия в бухгалтерской школе, а в театральное училище и учится не на бухгалтера, как думали все родственники, а на артистку.

Моя мама так и осталась загадкой для меня, до сих пор не могу понять, откуда у девочки из глухой армянской деревни мечта стать актрисой – в 30-е годы прошлого века.

Тогда в Баку ещё существовал армянский театр. Но его закрыли почти в то самое время, когда после окончания театрального училища мама поступила туда на работу. Война, замужество, рождение сына – мечтам Анаит не суждено было сбыться. Всё, что у меня осталось от этого периода жизни моей матери, – это две её фотографии в гриме в двух ролях. Первая – в роли Ануш. На другом фото я даже не узнала маму под гримом: суровая седовласая пожилая женщина в чёрном стоит, скрестив руки на груди. Ей было в ту пору восемнадцать лет.

Я хотела знать больше, пыталась задавать вопросы, но маме тяжело было вспоминать и тем более говорить об этом периоде её жизни.

– Каким было ваше бакинское детство в советское время?

– Жили мы в Манташевском доме в самом центре города на улице Низами. В этом роскошном четырехэтажном здании с башенками, парадной лестницей, красивыми балконами, огромным двором и шикарным лифтом жило множество семей разных национальностей.

Только в нашем отсеке на третьем этаже кроме нас жила русская семья горьких пьяниц с овчаркой Джулькой. В этой семье было трое детей. Дальше был длинный коридор с двумя комнатами: в одной жила семья русского военного из трёх человек, в другой – одинокая загадочная пожилая дама, эстонка Зинаида Карловна. За стеной селилась азербайджанская семья из четырех человек, разжалованный за растрату директор дядя Афис и его жена с соблазнительными формами Рубаба ханум. Кстати, на всех жильцов был один туалет. Ну и мы, наша армянская семья в пять человек. На каждую семью полагалось по одной комнате, невзирая на количество обитателей. Жили мы тесно в нашей шестнадцатиметровой комнате. Папа отделил два квадратных метра, провёл газ и соорудил кухню. Кроме того, он провёл водопровод в коридор к нашей комнате, и у нас была своя вода. А ещё у нас были очень высокие потолки.

В детстве мне казалось, что мы живем в колодце. Там не было даже окон! Но мой отец, мастер на все руки, прорубил небольшое окно. Правда, оно выходило не в Европу, а на крышу соседнего дома.

Несмотря на тесноту и пестроту обитателей нашего дома, жили все довольно мирно, никаких конфликтов на национальной почве я не помню. Если были какие-то скандалы, то в основном семейные, и тогда соседи бросались разнимать родственников. Все всё знали друг о друге. Белье вывешивалось во внутреннем дворе, и все знали даже расцветки трусов соседа. Общались все между собой на ужасном русском языке, каждый со своим акцентом, коверкая слова.

В первый раз я столкнулась с национальным вопросом, когда решила научиться плавать. Мне было лет десять. Единственный бассейн, где можно было этому научиться, находился в Чёрном Городе, где я никогда не была. Отец мне запретил даже думать об этом. Даже мой купальник спрятали – я нашла. Потом его изрезали на кусочки – я подкопила денег, купила другой. Меня наказывали. И так несколько раз. Тогда отец объяснил честно, что он попросту боится за меня, что Чёрный Город – страшное место, там живут бандиты, в основном мусульмане, и никогда не знаешь, что может случиться. Я упрямылась.

В конце концов, несмотря на сильную занятость на работе, он решил поехать со мной туда в первый раз. Это был долгий путь на трамвае, и когда мы въехали в Чёрный Город, мне тоже стало страшно. Огромные черные вышки, трубы, цистерны нависали над маленьким трамваем, даже дома были словно обмазаны сажей. Чумазые, заляпанные нефтью люди сновали по улицам. Это был район города, где строились нефтеперерабатывающие заводы, потому всё казалось угрожающе чёрным. И тошнотворный запах, вернее вонь нефти! Трамвай остановился прямо рядом с бассейном, и это как-то успокоило отца...

Учиться в школе мне было скучно и неинтересно, и училась я плохо. Всё изменилось, когда учительница русского языка повела наш класс в библиотеку и сотрудница объяснила нам, что такое

библиотека и что можно брать книжки на дом. Я взяла что-то просто так, не особо понимая весь процесс этого великого таинства. Помню только, что книжка была про лес и зверей. Я пришла домой, села в уголок и не заметила, как проглотила её всю. Книжка закончилась, а мне хотелось ещё! С тех пор у меня появился смысл жизни. Не раз учителя заставляли меня за чтением во время уроков и вытаскивали из-под парты не детскую литературу, а – о ужас! – «Милый друг» или «Жизнь» Мопассана. Тогда вызывали родителей, жаловались, что я читаю книги для взрослых, поэтому плохо учусь. Мама в этом вопросе меня понимала лучше и не особо ругала. Она сама читала запоем, но по-армянски, армянскую классику, и очень эмоционально: цокала, качала головой, то смеялась, то всхлипывала. Иногда по моей просьбе она пересказывала мне прочитанное, но я слишком мало знала об армянской истории, чтобы понять.

Вспоминая школу, я вдруг сейчас подумала, что у нас не было ни одного преподавателя азербайджанца. Учителя по всем предметам были русские, евреи, армяне, греки. Азербайджанцы в школах работали директорами или уборщиками, а если учителями, то только азербайджанского языка.

В моё время изучение азербайджанского было добровольным, и я была освобождена от этих уроков с письменного согласия родителей. Хотя сейчас жалею об этом. Языки нужно знать, чем больше – тем лучше, особенно язык недруга.

Каникулы в Армении

– В советском Баку армянское население, вследствие политики интернационализма, а точнее – денационализации, постепенно утрачивало свою идентичность. Тем не менее, у вас сохранилась тяга к Армении и армянской культуре. Как это произошло?

– В советском Баку было несколько районов, густо заселённых армянами: Эрменикенд, Завокзальный район, Баилово и другие,

но я помню только те, где жили наши родственники. В основном это были родственники мамы. Каждое воскресенье к нам кто-то приходил в гости или мы куда-то ходили. Говорили родственники по-армянски, в основном на зангезурском диалекте, так что этот язык я понимала хорошо и довольно бойко говорила на нём.

Все летние каникулы мы проводили у любимой бабули Зумрут в деревне Чапни, недалеко от города Капана. Это было моим самым любимым временем в году! У тёти, маминой сестры, было пятеро детей, и нас трое. Бабушкин дом был построен моим дедом Саркисом, но он умер, когда я была совсем маленькой. Дом был двухэтажный, во дворе много места занимал хлев, там помещалось хозяйство бабули: корова Нахшун, две овцы, две козы и куры. И ещё очень умный ослик Кярабали, главный помощник бабули, когда она оставалась одна. Мы, дети, спали на полу огромной веранды, и я помню, как, засыпая после всех впечатлений дня, я слышала, как вздыхает Нахшун, как возятся другие обитатели двора, затихая на ночь.

Я носилась по горам с деревенскими мальчишками, делая всё новые открытия. То мы находили старую разрушенную церковь, то источники с газированной водой (деревенские называли их тэ-то джур – кислая вода). Там был довольно глубокий водоем в форме ванны, и мы часто бегали туда поплавать и попить вкусной водички. В какие-то дни это нам запрещали, так как туда приезжали на отдых и лечебные процедуры азербайджанцы из соседних сёл со своими семьями.

Уже взрослой я узнала, что азеры почитали моего деда, так как он был их **кирва**. То есть благодаря ему много новорожденных азербайджанских детей выживали, а не умирали при рождении. Я никогда не слышала колких комментариев или смешков в адрес соседей. Самое обычное дело: соседи пришли к источнику, пусть получают удовольствие, а нашим детям нечего путаться у них под ногами, пока они там. Но при этом у односельчан чувствовалась сдержанная осторожность.

Дни в деревне были насыщенными ещё и потому, что мы работали на колхоз, зарабатывая таким образом **ашхоры**, то есть тру-

додни для бабули. Благодаря этим трудодням бабушка была обеспечена зимой необходимыми продуктами. Мы пасли деревенский скот, когда очередь доходила до бабушкиного дома. Пасты скот мы любили больше всего, это было весело, вольно и интересно. Бабушка давала нам с собой еды, благословляла нас, и мы бежали к новым приключениям. Мы шли наверх, в сторону гор, и было интересно смотреть, как из каждого двора, мыча и блея, выходили животные и присоединялись к стаду. Нам ничего не надо было делать, но для пущей важности мы покрикивали и подгоняли их, как заправские пастухи.

А ещё мы собирали листья табака с полей, нанизывали на большие иглы, затем на крепкие нити и развешивали табак сушиться. Это я делала вместе с мамой и тётей. Мне нравилось сидеть на соломе вместе другими деревенскими женщинами, работать, как они, и слушать разные сплетни. Они много смеялись, мама смеялась и шутила. Меня это радовало – в Баку я никогда не видела её такой – настоящей, что ли...

В деревне Чапни была и культурная жизнь. Иногда приезжали артисты, мне больше нравились и запомнились кяндырбазы (канаходцы). Позже стали привозить фильмы раз в месяц, и тогда вся деревня приносила свои стулья к сельскому клубу, где уже висела белая простыня, и все смотрели кино под открытым небом.

Это мои лучшие воспоминания детства и юности. Я довольно хорошо говорила на деревенском диалекте и, разумеется, была уверена, что говорю на чистом армянском...

Иногда мы ездили к папиной родне в Севан. Там жила моя бабка со своим вторым мужем и шестью дочерьми. Эта родня говорила на другом диалекте, я его понимала, но отвечала на зангезурском и удивлялась, когда надо мной посмеивались. Папа показывал дом в деревне Цахкунк, где он родился, с окошком в потолке и тоном в центре большой общей комнаты. Это было в середине 1950-х, Севанский полуостров был тогда островом, и я помню, как мы добирались к нему на лодке, чтобы посетить севанские монастыри. Эти путешествия к острову на лодках тоже были незабываемы и остались в памяти на всю жизнь.

Так что армянского во мне было много с детства, но как-то неосознанно, хаотично.

Мои родители разошлись в начале 60-х годов, и отец вернулся в Армению. Несмотря на то, что ему было трудно начинать с нуля в Севане после тридцати лет жизни в Баку, я видела, как он изменился к лучшему, стал спокойнее, веселее. Он был просто счастлив вернуться на родину, жить среди своих, говорить на родном языке. Я не узнавала своего отца, когда приезжала к нему в гости. Если можно сказать так о мужчине среднего возраста, он просто расцвёл. Тогда я впервые узнала о геноциде... Решение после окончания школы ехать поступать в Ереван пришло само. Папа был этому очень рад и поддерживал меня.

После отъезда отца из Баку я перевелась в вечернюю школу и пошла работать. Мне было пятнадцать лет. Сначала мама устроила меня на работу в книжном магазине в Пассаже. Но там быстро поняли, что от меня толку как от работника не так уж много. Пустили козла в огород: если меня посылали за какой-нибудь книгой на склад, я могла застрять там на несколько часов, зачитываясь новинками и забывая обо всём на свете. Тогда меня устроили в типографию «Красный Восток», в переплётный цех, а там была строгая дисциплина и довольно опасная работа на станках – не зазеваешься... Какое-то время я проработала даже помощником корректора в газете «Бакинский рабочий».

Школа стала наконец-то интересной благодаря той самой вечерней молодёжи, учившейся в ней. В нашем классе учились трое неразлучных друзей: Вова Д., армянин, Ровшан Б., азербайджанец и Олег Р., полурусский-полуазербайджанец. Это были очень талантливые, артистичные ребята. Мы крепко подружились, но после окончания школы, к сожалению, потеряли друг друга. Контакты у меня сохранились только с Олегом, мы переписывались. Он уехал в Ленинград и поступил на китайское отделение Ленинградского университета. Уговаривал и меня поступить так же, но я была непреклонна в своём решении ехать в Ереван.

Ереван, 1960-70-е годы

Жизнь в Ереване оказалась не такой радужной, как я себе представляла. У меня ведь там никого не было, кроме тётки на улице Киевян, у которой и так было четверо детей. Ей пришлось кряхтя приютить меня, и я чувствовала себя неуютно.

Я подала документы в Брюсовский институт иностранных языков и с треском провалила вступительные экзамены. Я сама чувствовала, что была плохо подготовлена, особенно по английскому языку (в школе нам немного преподавали французский, английский я учила сама), но родственники и новые знакомые, которые стали у меня появляться, утверждали, что для поступления в вуз в Ереване, особенно в престижный Брюсовский, нужны влиятельные связи, родственники или взятки. Ничего этого у меня не было. Кроме всего прочего, мне намекнули также, что я, вообще-то, неправильная, неполноценная армянка, «шур твац хай» («ненастоящий армянин») – это выражение я услышала тогда в первый раз. То есть я была виновата уже в том, что родилась не в Армении, говорила не на литературном языке, плохо знала традиции «настоящих армян» и потому вела себя немного раскованнее, не как местные армянские девушки.

Какое-то время я была в ступоре и не знала, как быть дальше. Потом решила не сдаваться, пошла на вечерние подготовительные курсы в Брюсовском институте и стала искать работу. Мне очень повезло встретить прекрасного журналиста и очень порядочного человека Костю Акопяна.

Костя очень серьёзно отнёсся к моей ситуации, а так как был коренным ереванцем и видел все подводные камни, то разработал целую программу действий. Он решил, что мне нужно попробовать себя в журналистике, и представил меня главному редактору газеты «Комсомолец» Эмме Канановой. После беседы со мной она согласилась взять меня внештатным корреспондентом и дала первое задание – написать о новом молодёжном театре «Аршалуйс» при Русском драматическом театре. Я была совершенно не

готова к такому повороту событий. Смогу ли я? Без опыта и высшего образования! Писать статьи, печататься в газете?! «Конечно сможешь, – уверенно сказал Костя, – ты всё сможешь. Главное – не бойся и верь в себя».

Так я пришла в Русский драмтеатр, представилась, попросила разрешения посидеть на репетициях, а затем взять интервью у художника Александра Григоряна и тогда ещё совсем молодых актёров Владимира Мсряна, загадочной Сусанны Габриэлян, Грача Казаряна, Рафика Котанджяна. Там же был писатель и драматург Перч Зейтунцян, чья пьеса «Чудо-ребёнок» ставилась в новом театре. Парни встречали меня с усмешкой, когда я приходила на репетиции по утрам, и я старалась казаться старше, чтобы они, не дай бог, не догадались, что я вчерашняя школьница.

Статья про «Аршалуйс» была моей первой публикацией в газете «Комсомолец». Как ни странно, она не стала «первым блином», скорее наоборот – к моему удивлению, была одобрена всеми, кто имел к ней отношение.

Какое-то время я делала для газеты обзор культурной жизни Еревана. Мне очень нравилось ходить на концерты и спектакли, копаться в фактах, писать об этом. Я училась, приобретала опыт и стала подумывать о факультете журналистики.

Камбоджа в её жизни

– И всё же вас влекли неизведанные горизонты. Учить такой редкий язык, как кхмерский! Наверняка многие недоумевали. Что дало молодой армянке знание кхмерского? И, наверное, удивление ещё возросло, когда, несмотря на это образование, вы решили вернуться в Армению?

– Наступило время вступительных экзаменов, и на этот раз я послушалась Олега, не стала рисковать и поехала поступать в Ленинградский университет. Но не на журналистику, а на факультет восточных языков. Знание языков можно удачно комбинировать с журналистикой, – резонно решили мы.

На восточном факультете изучались разные интересные языки, но при китайской кафедре открыли новое отделение языков Юго-Восточной Азии. Кхмерское отделение объявляло набор студентов на следующий курс обучения. Единственное, что мне удалось выяснить до подачи документов, – что на этом языке говорят в королевстве Камбоджа где-то в Азии. Только потом я побежала в библиотеку читать про эту сказочную страну.

Мне не хватило одного балла, но меня взяли вольнослушателем в кхмерскую группу. То есть без статуса студента я не имела права на стипендию и проживание в студенческом общежитии в течение первого года. Потом узнала, что с восточного факультета после первого курса отсеивалось много первокурсников, которым трудно давались языки. А набор проводился только раз в пять лет. Так что на первом курсе мне предстояло что-то вроде испытательного срока.

Друзья устроили меня на работу – кочегаром в котельную, а с работой мне автоматически дали прописку в Ленинграде и предоставили комнатуху в восемь квадратных метров в двухкомнатной квартире. Так что первый год учёбы был очень трудным: по ночам дежурство в котельной, где спать было опасно и я старалась заниматься. Утром бежать на занятия, потом недолгий отдых и сон – и снова на работу, занятия и т.д. Но зато у меня была крыша над головой, работа, я получала зарплату, и были очень интересные занятия в лучшем университете страны.

В нашей группе было со мной шесть человек – два парня и четыре девушки. Один из парней был уйгуром, я армянка, остальные все русские. Через год одна из девушек вылетела за неуспеваемость, и моя ситуация сразу изменилась. Я была официально зачислена студенткой, что обеспечивало прописку на время учёбы, стипендию, общежитие ближе к университету. Появилось больше времени на занятия, общение с другими студентами.

На факультете было несколько армян: две девочки из Еревана учились одна на семитологии, другая на ассириологии, Нико Геворков из Тбилиси – на персидском отделении. Всех нас, армянских студентов, опекал Карен Никитич Юзбашян, известный ис-

торик, последний ученик Иосифа Орбели и просто замечательный человек, к которому мы могли всегда обратиться за помощью. Все мы ходили на уроки грабара (древнеармянского) к Карену Никитичу в Институт востоковедения. Интересно, что инициатором изучения древнеармянского языка стал Улдис Берзиньш, латышский поэт и полиглот с турецкого отделения. Параллельно он самостоятельно изучал армянский язык и подгонял нас, армян, родившихся вне Армении, изучать родной язык. Ярый антисоветчик, он умудрялся получать Ленинскую стипендию, сдавая все экзамены на отлично.

Учиться было очень интересно. Нашим главным преподавателем и единственным кхмеристом на кафедре был удивительный Дмитрий Иванович Еловков, пришедший к Камбодже через Индию и Бирму. Он очень отличался от других советских преподавателей, на лекциях он часто делал отступления, рассказывал о повседневной жизни кхмеров. Он же вёл занятия по санскриту и языку пали. Пали был литературным языком для передачи учения Будды после его смерти. На уроках мы читали и разбирали тексты с изречениями Будды. Кроме Камбоджи мы изучали и другие страны региона, с которыми Камбоджа (особенно в период Кхмерской империи, IX–XV вв.) имела тесные политические, культурные и религиозные связи: Индию, Вьетнам, Таиланд.

Камбоджа конца 60-х выглядела как экзотическое «тихое» королевство под управлением эксцентричного, харизматичного принца Народома Сианука, пытавшегося проводить политику нейтралитета в условиях Вьетнамской войны, балансируя между США, Северным Вьетнамом и Китаем. Но больше всего Сианук любил снимать фильмы, снимался в них сам и писал к ним музыку. Ничто не предвещало каких-то серьёзных потрясений в стране.

Уже ко второму курсу у меня появился интерес к фольклору Камбоджи, я выбрала темой моей первой курсовой работы сказки. Надо сказать, что учебных материалов было очень мало, читать или переводить кхмерские буквы с особой системой гласных было очень трудно. Разговорный кхмерский мы могли только слушать в лингафонных кабинетах с сомнительным качеством

звука и нечеткостью произношения. Было нелегко, но интересно. Нам катастрофически не хватало общения с живыми кхмерами – носителями языка.

К началу третьего курса Еловков велел нам – мне и уйгуру Эрику Утееву – собирать необходимые документы для поездки в Камбоджу на учебу в университете Пномпеня. К сожалению, практике в университете Пномпеня не суждено было сбыться. В марте 1970 года в Камбодже произошёл военный переворот, принц Народом Сианук был отстранён от власти, монархия упразднена, Камбоджа была провозглашена республикой, а к власти в стране при поддержке США пришёл генерал Лон Нол. Новые власти страны вели проамериканскую политику, и советским студентам пришлось надолго забыть про учебу в Камбодже. Последующее кошмарное развитие истории Камбоджи – захват власти красными кхмерами, геноцид собственного народа – это отдельная тема. Но все эти события остановили развитие этой прекрасной страны на десятилетия...

Мои курсовые и дипломная работы по кхмерскому фольклору были одними из первых попыток научного анализа и классификации на русском языке этого интересного материала. Много лет спустя Дмитрий Иванович рассказывал, что следующие после нашего выпуска поколения студентов изучали фольклор Камбоджи по моим курсовым работам и дипломной. Так что мои труды не пропали даром...

В апреле 1978 года в Осло было организовано Слушание о ситуации в Камбодже. Новости оттуда поступали очень редко, ходили слухи о зверствах красных кхмеров, массовых убийствах мирного населения.

Я реагировала на всё услышанное очень эмоционально. Для меня Камбоджа давно стала родной и близкой страной. Ещё в студенческие годы, изучая историю этой страны, я удивлялась, насколько похожи истории Камбоджи и Армении. Обе древние и развитые цивилизации с богатыми традициями, архитектурными шедеврами. Великая Армения и Кхмерская империя пережили Золотой век, оставив после себя наследие, поражающее вообра-

жение. Обе страны из-за геополитического положения и давления извне пережили войны, набеги, потерю независимости и, как результат, внешнее вмешательство в управление. Наконец, обе страны подверглись геноциду, и в Армении, и в Камбодже целые поколения оказались уничтожены физически.

Завершая тему Камбоджи в моей жизни, скажу только, что интенсивные события семейной и профессиональной жизни отодвинули её на задний план, но я всё равно переводила в свободное время кхмерские сказки и надеялась собрать мои переводы в один сборник. Некоторые из них печатались в различных шведских журналах...

Однако годы взяли своё: язык подзабылся, энтузиазм пропал, и потом мне долго было страшно ехать в страну, куда я мечтала попасть. Странно было ехать туда туристкой, ибо я уже не смогла бы общаться с людьми напрямую. Страшно было столкнуться воочию с последствиями режима красных кхмеров. И всё-таки я решилась, поехала и пережила всё восхищение и всю ту боль, которую так ясно себе представляла.

...Здесь я должна сделать отступление и в завершение моей учёбы в ЛГУ рассказать об одном эпизоде.

В начале третьего курса Улдис познакомился с четырьмя американскими студентами, изучавшими русский язык, и сразу познакомил и меня с ними. Мэйди, Лиз, Эстер и рыжий обаятельный Пит. Мы сразу подружились, часто встречались и много разговаривали. Это было естественно, нас тянуло друг к другу, мы ведь ничего не знали о них, а они – о нас. Нам и в голову не приходило, что мы делаем что-то не так. Нико предложил устроить армянский вечер и угостить их толмой. Мы сварили самую большую кастрюлю толмы, пригласили ещё нескольких студентов с нашего курса и накрыли большой стол в моей комнате в общежитии. Вечер удался на славу! Было весело и очень интересно. Американцы были счастливы – их ещё никто не приглашал к себе.

Но как же без стукачей в ЛГУ?! Кто-то доложил коменданту общежития, комендант пожаловался в деканат. Причём в донесе-

ниях фигурировало только одно имя – Лаура Минасян. Это она всё устроила, и это в её комнате собирались американские и советские студенты!

Сразу вмешалась комсомольская организация Восточного факультета. На комсомольском собрании секретарь организации Стабурова с пеной у рта требовала моего отчисления из университета. Таким, как Лаура Минасян, не место среди советских студентов! Завкафедры и декан факультета не соглашались на такие крайние меры и уговаривали меня «раскаяться» и попросить прощения, но я совершенно искренне не понимала, в чём я провинилась, за что должна просить прощения и какая разница между американскими и болгарскими студентами... Кончилось дело тем, что меня лишили стипендии на месяц.

Потом меня оставили в покое, и вся эта история, казалось, забылась. Но я продолжала встречаться с Эстер, когда она приезжала с новыми группами студентов. (Мы дружим, кстати, до сих пор...)

Через два с половиной года, после защиты дипломной работы, оставалась только торжественная церемония для новоиспеченных востоковедов. По традиции дипломы вручал академик, историк-востоковед, археолог, исследователь античной урартской цивилизации Борис Борисович Пиотровский.

В праздничном настроении я отправилась в университет, но в актовЫй зал меня не пустили. Мне было велено пойти в деканат – там меня ждала особая церемония вручения диплома. Однако в деканате не было никого, кроме странного безликого молодого человека, подчёркнуто вежливого, льстивого в комплиментах по поводу моего праздничного вида. Он даже представился странно, как бы в тряпочку, из чего я разобрала только: «комитет госбезопасности». Ага, кагебешник, значит.

Он начал издали, употребляя местоимения во множественном числе (мы, нам), выразил обеспокоенность моей дальнейшей судьбой из-за моего поведения. Держусь я обособленно, избегаю коллектива. Ну, например, как так получилось, что за пять лет учёбы в Ленинграде у меня не появилось ни одной русской подруги? Зато есть американская!

Я попыталась возразить, что друзей, вроде, особо не выбирают, так само получается... Общие интересы, например.

– Ну что у вас может быть общего с американской студенткой?! – пошёл он в атаку. – Вчера вы гуляли три часа с вашей подружкой Эстер Райдер.

Он пододвинул мне чистый лист и ручку:

– Вот о чём вы говорили целых три часа? Нам это очень интересно. Мы хотим, чтобы вы изложили это в письменном виде.

Я рассмеялась и отодвинула листок с ручкой.

– Эстер рассказывала мне битых два часа о своей новой очень умной собачке. Вряд ли это будет вам интересно.

Это была сущая правда. Но человек взорвался:

– Вы ещё издеваетесь?! Вы не совсем понимаете серьёзность вашего положения. Если вы не будете сотрудничать с нами, мы перекроем вам все возможности выезда за границу, работа за рубежом будет для вас недоступна. Подумайте, это важные аспекты в вашей профессии.

Я беспечно пожала плечами:

– Мне как-то всё равно. Я уезжаю в Армению.

На что он злорадно прошипел:

– Вы забываете, что Армения – это тоже СССР. Ещё пожалеете...

Он открыл ящик письменного стола декана, достал и швырнул мне мой диплом. Я взяла его и вышла, громко хлопнув дверью.

Чувство гадливости не покидало меня, будто я прикоснулась к какой-то липкой мерзости. Больше всего меня злило, что из-за этой бессмыслицы меня лишили удовольствия получить мой заслуженный диплом из рук самого Бориса Пиотровского...

Эта фигура кажется мне олицетворением тех человечков, которые управляли (или пытались управлять) миллионами жизней молодых людей в СССР...

Снова Ереван

После окончания университета мне предлагали остаться в аспирантуре в Ленинграде, но я после получения диплома стала со-

бираться в Армению. Карен Юзбашян пытался отговорить меня, резонно вопрошая: «Ахчи джан, что ты будешь делать в Ереване со своим кхмерским языком?» Убедившись, что отговорить меня невозможно, он подключил свои ереванские связи в научных кругах и устроил меня на работу в Академию наук Армянской ССР. Официально оформлена я была на работу в Институт востоковедения старшим лаборантом, но работать должна была ассистентом очень уважаемого академика. Выяснилось, что академик – историк, специалист по братской дружбе народов Закавказья и работает, на мою беду, как раз над очереднымopusом на эту тему. Постепенно мой шеф стал втягивать меня в процесс написания очередного тома... Меня это страшно тяготило, на работу ходить было скучно и неинтересно, но другого выбора у меня не было. Зато было много бытовых проблем. После оплаты съёмной квартиры (вернее комнаты) маленькой зарплатой хватало ненадолго. В Академии помочь с жильём не могли, советовали встать на очередь, но предупредили, что квартиру смогут дать только лет через двадцать пять. Из-за всего этого я всё ещё материально зависела от моих севанских старичков, что меня очень удручало.

Одно утешение – мои замечательные друзья. Мы часто собирались в мастерской прекрасной Алис Меликян. Алис, скульптор, репатриантка из Франции, приехала в Армению уже взрослой девушкой с радужными мечтами о Родине, ничего не зная о Советской власти, и попала в ловушку, как и тысячи других репатриантов. У всей семьи отобрали их французские паспорта, выдали советские... Хорошо ещё не сослали в Сибирь! Благодаря профессии Алис нашла своё место в обществе, но её родители так и остались *ахпарами* для советских армян. К нашему кругу друзей принадлежал замечательный художник Варос Шахмурадян, молодой кинорежиссёр Давид Давтян, часто приезжали разные гости, такие как латыш Модрис Тенисон, художественный руководитель Каунасского театра пантомимы со своими артистами. Мы совершали путешествия по Армении, ходили по горам, и Модрис и его прекрасные артисты тоже влюбились в Армению.

Швеция

– А затем следующий этап – совершенно другой мир: Швеция! В советские годы выйти замуж за гражданина капиталистической страны было крайне непросто. Как отреагировали власти и ваши близкие?

– Своего армянского принца я так и не встретила, зато совершенно неожиданно появился шведский. Наша случайная встреча (это другая история, полная случайностей) оказалась судьбоносной, и в этом молодой человек убеждал меня около года. Уезжать из Армении я не планировала, поэтому долго не могла принять окончательного решения. Мои друзья были очарованы шведом, советовали принять его ухаживания и выходить за него замуж. Когда мы всё-таки решили пожениться, все мои родственники отреагировали негативно. Сложнее всего было с отцом. Он был так счастлив, что дочь, отучившись в Ленинградском университете, вернулась в Армению, работала в Академии наук Армянской ССР. Худо-бедно, но была под боком... Он не хотел даже слышать о браке с иностранцем и какое-то время отказывался встречаться или разговаривать со мной. Но когда я всё-таки привезла (нелегально) жениха в Севан, отец тоже не смог устоять перед обаятельным и очень доброжелательным парнем.

Выходить замуж за иностранца в середине 70-х годов было сложно. Официально власти не препятствовали заключению нашего брака, но устраивали мелкие пакости, унижения и затягивали процесс. Расчёт был на то, что иностранцу вся эта бюрократия надоест и покажется слишком накладной. Мой упрямый швед выдержал все испытания, и в марте 1975 года мы поженились. Алис устроила нам свадебный ужин в своей мастерской, и мы скромно, но весело отметили это событие в нашем дружеском кругу.

Мои бакинские родственники заклеямили меня «предательницей родины», а мама была просто в ужасе от такого дерзкого шага. Провожали меня Алис и Варос.

К сожалению, это была наша последняя встреча. Варос Шахмурадян трагически погиб через два года в горах Сюника во вре-

мя летней экспедиции со своими студентами. После смерти Вароса Алис уехала во Францию, а потом в Калифорнию.

В 2021 году на перекрестке «Одеон» в районе Сен-Жермен-де-Пре в Париже, где прошло детство легендарного певца Шарля Азнавура, была установлена его скульптура работы Алис Меликян. Чудесная Алис по сей день живёт в Голливуде, мы общаемся с ней по фейсбуку, созваниваемся и часами говорим по мессенджеру. Она всё и всех помнит и по-прежнему даёт мне практические советы. В 2026 году ей исполнится 100 лет!

...В Швецию я приехала летом 1975 года. Никого в этой стране не знала, кроме мужа, поэтому очень удивилась, когда довольно скоро у нас зазвонил телефон и муж протянул мне трубку: «Проглянь тебя». Мужской голос сказал по-армянски: «Дочка, ты моя однофамилица, и я не мог не позвонить тебе, чтобы сказать: добро пожаловать в Швецию!». Это был добрейший Эмиль Минасян, один из основателей армянского землячества, созданного годом раньше в Стокгольме.

В то время армян в Швеции было очень мало, от силы около тысячи. В основном это были беженцы с Ближнего Востока: из Ливана, Сирии, Ирана, Турции. Для сравнения: сегодня в армянской церкви Швеции зарегистрировано 5002 человека, но там считают, что число армян, проживающих в этой стране, как минимум вдвое больше. География стран, откуда прибывают армяне, стала много шире: Арцах, Армения, Россия, Беларусь, Украина, Эстония, Чехия, Сирия, Ливан, Иордания, Ирак, Турция, Египет, Иран, Эфиопия, Франция, Кипр и Греция.

Армянские землячества есть сейчас не только в Стокгольме, но и в других городах: в Упсале, Орбру. Сейчас в Швеции действует чёткая программа по приему беженцев и других иностранцев, приезжающих на постоянное жительство. В моё время всего этого не было, иностранцев в стране было мало, к ним был какой-то интерес, скорее любопытство обычных граждан, но не более. Всё надо было разузнавать и делать самим.

Муж записал меня на курсы шведского языка, но через пару месяцев мне стало скучно из-за медленного темпа обучения, и я

стала учить шведский самостоятельно, читая газеты, слушая радио и смотря телевизор. На курсах я познакомилась с поляком, который повёл меня в городскую библиотеку Стокгольма и подвёл к разделу литературы на русском языке. У меня разбежались глаза – там была вся недозволенная в СССР литература! В бюро по трудоустройству сотрудница, изучив мои документы, диплом ЛГУ и трудовую книжку, только развела руками, не понимая, в какую нишу меня можно впихнуть. Несмотря на это я начала работать уже спустя два месяца после приезда в Швецию. Мне позвонила Роза Минасян, жена Эмиля, и спросила, не хочу ли я взять курс русского языка для шведов. Тогда было очень популярно всё русское и много шведов изучали русский язык. Я засомневалась в своём знании шведского, достаточно ли я владею им, чтобы преподавать на нём? «Конечно сможешь!», – безапелляционно заявила тётя Роза. «Главное начать».

Это был очень важный опыт: начало трудовой жизни в новой стране.

Радиоинтервью у знаменитостей

– Вы вели беседы с известными русскими для Шведского радио...

– Мой репортаж из Осло приняли с интересом в русской редакции Шведского радио и предложили работать с ними и дальше. Это сотрудничество продолжалось тринадцать лет, пока не появились новые русские после распада Союза со своими методами работы – стукачеством и интригами. В то же время меня пригласили работать в шведский МИД, и я с удовольствием приняла это приглашение.

Работая на радио, я успела сделать много программ о Швеции, о Скандинавии, которые, судя по всему, были интересны советским слушателям. Их письма и благодарные отзывы помогли мне в выборе тем. Были интересные встречи, интервью. Советские деятели сторонились западного радио, нашими гостями бы-

ли в основном диссиденты или невозвращенцы, такие как Александр Галич, Виктор Некрасов, Владимир Буковский, Рудольф Нуреев и многие другие.

В период перестройки стали приезжать и без боязни приходиться к нам гости из СССР. Были встречи и беседы с Александром Сокуровым, Юрием Ильенко, Роланом Быковым, Тенгизом Абуладзе, Сергеем Соловьевым и другими.

Одно из самых последних интервью у меня было с Иосифом Бродским. Он любил Швецию, природа напоминала ему родные края. Я смогла связаться с ним через его переводчика. Он сам позвонил мне в студию, и мы записали замечательное интервью.

Первое время моей жизни в Швеции я пыталась найти работу по специальности, то есть связанную с Камбоджей и с кхмерским языком. Выяснилось, что на восточном факультете Стокгольмского университета изучали китайский, японский, но не языки стран Юго-Восточной Азии. Зато в Дании, в Копенгагене, существовал Скандинавский центр исследований стран Азии. Я написала в этот центр, очень быстро пришёл ответ о выдаче мне контактной стипендии, покрывающей расходы на дорогу и проживание в гостинице Копенгагена до двух недель, чтобы я смогла приехать и лично ознакомиться с работой центра. Бу Ютас, научный руководитель центра, иранист с особым интересом к советскому востоковедению, рассказывал мне потом, что комиссия по распределению стипендий остановила свой выбор на мне, заинтригованная моей историей: армянка, изучавшая фольклор Камбоджи в Ленинградском университете! «Нам захотелось встретиться и познакомиться с вами из чистого любопытства», – заключил он. Побывав в этом замечательном центре, посетив все отделы и поговорив с людьми, я смогла ознакомиться с его деятельностью и просто влюбилась в энтузиазм сотрудников и его рабочую атмосферу.

Отдел Юго-Восточной Азии был довольно новый, пока в нём изучали только Таиланд. Но какие специалисты! Большинство из них учились в Таиланде, подолгу жили в этой стране, прекрасно владели языком и работали напрямую с людьми. Глядя, как уве-

ренно чувствовали себя норвежско-датские востоковеды, я остро ощущала ущербность советского образования: много теории, мало практики.

Поездка в Копенгаген была очень интересной и познавательной, заманчивым было и предложение переехать в Данию и открыть в центре отделение исследования Камбоджи. Я согласилась бы с радостью переехать в Копенгаген, если бы меня ничего не связывало. Но это было просто невозможно тогда, весной 1977 года. Дома меня ждали муж и маленький сын, я только начала привыкать к новой стране, языку. Даже подумать было страшно о новом переезде и перспективе начать всё сначала, даже если бы муж был не против.

Вернувшись в Швецию, я всё-таки, по совету одного шведского фольклориста, обратилась в Институт этнологии. Ректор института, тоже фольклорист, профессор Матс Ренберг, побеседовав со мной полчаса, пролистав мои курсовые и дипломную работы на русском языке (читал он в основном ссылки на иностранную научную литературу на французском и английском языках, на которую я опиралась в своих исследованиях), распорядился, чтобы меня приняли в аспирантуру в тот же день. Занятия и семинары в аспирантуре я комбинировала с преподавательской и переводческой деятельностью. У меня вдруг появилось много работы, и я еле успевала со всеми делами.

Замужем за «гуру шведского характера»

– Вы супруга известного шведского этнолога Оке Дауна, которого называют «гуру шведского характера». Благодаря вам он занимался армянским вопросом, добивался признания геноцида армян в Швеции, писал статьи, посвящённые армянам и геноциду, за что вам обоим низкий поклон.

– Оке Даун действительно внес значительный вклад в развитие современной этнологии в Швеции. Он сыграл ключевую роль в

переходе дисциплины от традиционного изучения народной культуры к анализу современных социальных явлений и менталитета. Его исследования стали примером новаторского применения этнографических методов при решении современных социальных проблем. Это было настолько необычно, что его исследования вначале подверглись жёсткой критике. Когда вышла его книга «Шведский менталитет: сравнительная перспектива», на него обрушилась волна обвинений. Его упрекали даже в расизме, что было полным абсурдом.

Но книга Оке Дауна была о другом. Автора интересовало, к примеру, какие бытуют стереотипы о шведском национальном характере и насколько они соответствуют действительности. Почему шведы воспринимаются разными иностранцами одинаково: скучные, холодные, закрытые, сдержанные, стремятся к уединению, избегают конфликтов, стеснительные, молчаливые, мрачные, но пунктуальные, обязательные, с высокой трудовой дисциплиной. Какие факторы повседневной жизни повлияли на формирование шведского менталитета: география, климат, суровость быта. Какие качества менталитета шведов способствовали тому, что Швеция за 150 лет из очень бедной сельскохозяйственной страны превратилась в богатую индустриальную державу с одним из самых высоких уровней жизни в мире. И как иностранцы, прибывающие в Швецию, влияют на изменение шведского менталитета.

После того как книга была переведена на английский язык, издана в США и стала там бестселлером, она очень скоро стала популярной и в Швеции. Сейчас ее изучают в школах, она служит пособием для бизнесменов разных стран – как вести переговоры и начинать бизнес со шведскими партнерами. «Шведский менталитет» был переведен, помимо английского, и на другие языки – румынский, персидский, японский, сербский. Книга есть даже на армянском языке в прекрасном переводе с шведского Ашхен Бахчанян. Из всех переводов ему особенно был дорог именно этот. Получив в руки первый экземпляр своей книги на армянском языке, он даже прослезился.

Оке Даун был приглашённым профессором в университетах Токио, Тайваня, Южной Кореи, США, Италии, Франции, и тогда мы всей семьёй периодами жили в этих странах. В сентябре 1997 года он читал лекции в Ереванском университете и очень удивился вопросу из аудитории: как он может, говоря о менталитете своего народа, рассказывать и об отрицательных чертах шведов? Ведь это непатриотично. Он ответил, что в своих исследованиях он меньше всего думал о том, что подумают о нем соотечественники. «Учёный должен быть объективным в первую очередь. У меня не было цели понравиться. Я хотел понять сам и объяснить».

Оке искал сотрудничества с армянскими этнологами, хотел провести подобный сравнительный анализ шведского и армянского менталитета, но в Армении не занимались подобными исследованиями. Была только этнография. Ближе всего по духу ему была личность историка, антрополога Левона Абрамяна и его книга на английском «Армянская идентичность в меняющемся мире». Кажется, они даже были на связи...

Оке Даун изучал историю Армении, особенно геноцид армян, и работал для его признания в Швеции. Писал статьи об этом в шведской прессе, принимал участие в дебатах. Он даже создал рабочую группу из шведских армян для этой цели.

11 марта 2010 года шведский парламент (Риксдаг) принял резолюцию, признающую массовые убийства армян в Османской империи в 1915 году геноцидом. Это было очень драматичное голосование. Мы были там и видели весь процесс. Решение было принято с перевесом в один голос: 131 депутат проголосовал «за», 130 – «против», 88 не участвовали в голосовании. Это решение вызвало резкую реакцию со стороны Турции: Анкара отозвала своего посла из Стокгольма и отменила запланированный визит премьер-министра Эрдогана в Швецию. В итоге трусливое шведское правительство, опасаясь осложнения отношений с Турцией, отказалось официально, на правительственном уровне, признать решение своего парламента – назвать геноцид геноцидом...

«Неисправимая» армянка

– Хотя уже полвека вы живёте за границей и прекрасно интегрированы в европейское общество, в отличие от многих армян, живущих в разных странах, вы стали гражданкой Армении, почти каждый год посещаете её и постоянно следите за событиями, происходящими на родине...

– Несмотря на интересную, насыщенную жизнь, всё это время я жила с тоской по Армении. Мой старший сын, который с детства сопровождал меня в наших ежегодных поездках по Армении, как-то сказал мне: «Мама, ты как деревце, которое пересадили в чужеродную почву, – никак не можешь прижиться...» Наверное, так и есть. В Армении я чувствую себя иначе. Дома.

С самого начала в Швеции я бралась в первую очередь за работу, связанную с Арменией. Возила шведских туристов по турам в СССР, если в списке стран и городов, были Армения и Ереван. Я приезжала в Армению со съёмочной группой шведского Красного Креста после землетрясения в декабре 1988 года. Мы снимали страшные разрушения и горе людей в Спитаке, Гюмри, узнавали, как доходит до пострадавших гуманитарная помощь...

Несколько лет я работала в группе шведских социологов, готовивших социальных работников в Лори – в Ванадзоре, Алаверди и Степанаване. Обучение проводилось и в Швеции, и в Лори. В тот период мы часто ездили друг к другу: лорийцы приезжали в Стокгольм на курсы, а мы приезжали в Армению для продолжения этих курсов по два-три раза в год. К тому времени я уже купила квартиру в Ереване, и для меня было счастьем после интенсивной работы пожить несколько дней «у себя дома». Мои старые ереванские друзья шутили, что квартиру я приобрела ровно через двадцать пять лет, так что можно считать, что мне её выдали через Академию наук, как и обещали.

Как-то я прочитала заметку о шведской миссионерке Альме Юханссон, работавшей с армянскими детьми в сиротском приюте в Муше во время геноцида армян в Османской империи. Я стала собирать информацию о ней. Выяснилось, что эта героическая

женщина отправилась к османам ещё молодой девушкой в 1910 году, узнав о гонениях на христиан. В 1915 году она вместе с норвежской миссионеркой Бодиль Бьёрн работала в сиротском доме в Муше. Обе стали очевидцами страшных событий, обе написали свои воспоминания, которые были опубликованы несколько лет спустя. Альма Юханссон написала небольшую книгу «Народ в изгнании. Один год из истории армян».

Я собрала и перевела её воспоминания об ужасах геноцида, о работе с армянскими беженцами в Османской империи и Греции, а также несколько её депеш в иностранные посольства во время геноцида. В сотрудничестве с тогдашним директором Музея института геноцида Айком Демояном в Ереване в 2008 году была издана книга «Народ в изгнании» на трёх языках – армянском, английском и русском. Я привезла с могилы Альмы Юханссон горстку земли, и в Стене памяти мемориала геноцида армян была установлена плита с её именем. Только тогда я облегченно выдохнула с чувством исполненного долга перед этой героической женщиной.

После этого я занялась архивами и библиотеками Швеции в поисках других материалов о геноциде армян. Я нашла много других документов того времени, воспоминания других миссионерок, самих армянских беженцев. Самыми интересными были воспоминания шведского офицера и дипломата Эйнара аф Вирсена (1875–1946). С 1915 по 1920 год он служил военным атташе в Константинополе и Софии в рамках шведского посольства в Османской империи. Благодаря нейтральному статусу Швеции он мог свободно перемещаться по территории империи, посещать фронты и общаться с военно-политическими кругами турок и немцев. В феврале 1916 года он отправлял первые телеграммы в стокгольмский штаб, подробно описывая депортацию армян и утверждая, что она направлена на уничтожение, а не просто на переселение.

Свидетельства очевидцев геноцида армян разбросаны по всему миру, нужно только поработать в архивах и библиотеках. Я надеюсь, что среди армян в разных странах найдутся такие энту-

зиасты и вытасят на свет божий множество доказательств геноцида, который турки отрицают до сих пор.

Всё это к вопросу о моей связи с Арменией на протяжении пятидесяти лет жизни за рубежом. Меня всегда волновали события, происходящие в Армении. Волновали так сильно, что в ноябре 2020 года у меня случился инфаркт. Я ни в коем случае не имею в виду уникальность моей духовной связи с Арменией. Я думаю, что таких армян, как я, много в диаспоре, да и в самой Армении. В период 44-дневной войны было много случаев инфарктов, инсультов и смертей среди армян во всем мире...

Я люблю приезжать в Армению и хоть несколько месяцев в году жить армянской жизнью. Люблю наблюдать, как меняется армянское общество, молодежь, особенно девушки.

С городом, в котором я родилась и выросла, у меня нет никакой связи. С тех пор как я уехала из него после окончания школы, никакой ностальгии никогда не испытывала. А после того как варвары уничтожили армянское кладбище с могилой моей матери, Баку для меня проклятый город. Мне стыдно, что в моем паспорте он указан как место моего рождения. Клеймо на всю жизнь...

ЕЛЕНА ГЕВОРКОВА

СЛОВО О ГЕРОИНЯХ

Елена Геворкова – врач по профессии и автор по внутреннему зову. И если медицина требует стойкости, ответственности, непрерывного внимания и упорного труда, то тексты рождаются легко, без усилий, награждая хорошим настроением читателей и самого автора. Не подчиняясь классическим литературным канонам, позволяя себе нетипичные обороты и описания, ее произведения рождаются на стыке наблюдений, ощущений, историй и обретают свою жизнь – непринужденную и искреннюю.

«Я обожаю всех своих героев. Каждый из них – мой друг, любимый человек, кумир. Я изучаю их жизни, мысли, творчество, превращая свой восторженный интерес в вольные биографические эссе».

Елена живёт в Ереване – городе, который стал не просто фоном и соучастником творчества, а истинной музыкой, пронизывающей любой ее текст. «Я обожаю все армянское и особенно ереванское, мне важно быть частью города, мы совпадаем ритмически, понимаем и принимаем друг друга. Я люблю Ереван любым – зимним промозглым, жарким августовским, темным 90-м, праздничным сверкающим, вавилонским многолюдным, пустынно-туманным. Для любви не нужны удобные условия, она либо есть, либо нет».

ГАЯНЭ ХАЧАТУРЯН

«Вуаль вино», «Утром: шорох фиалки. Вечером: арфовая ночь синего ореха», «Шествие апельсинового дня», «Прялка шествующих горожан», «Слон – пурпурный смычок».

Эта мелодика словосплетений – чистый мёд. Потрясающие названия к своим картинам сочиняла Гаянэ Хачатурян. Хотя называть это картинами я бы не стала. Это пиры. Это космосы. Это окна туда, куда не всякому можно. Там живет волшебство.

Я совсем и не слышала о ней, вот это да. «Ты что, не знаешь Гаянэ? Она же величайшая!» Я покраснела. А потом поразилась, восхитилась, обомлела и с тех пор всё – как будто больна.

Гаянэ предпочитала жить там – в своих мирах. Тут ей было неинтересно.

Как-то раз Гаянэ принесли три груши – всё-таки витамины. Она положила их на стол и смотрела, смотрела. Груши испортились. Витаминов Гаянэ не поела, но насладилась созерцанием медовой сочности, стянутой шершавой тонкой шкуркой. Гаянэ забрала эти груши с собой, в свою Нарнию, сделала из них детей, шляпки и бубенцы.

Так во всём. Та жизнь была важнее этой. Голод красок острее голода еды. Рисуя красным цветом – ее любимым! – порезала руку, но не отвлеклась, лишь развернула ладонь так, чтобы кровь капала в краску. Краснее будет. Кровавее. Живее.

Жонглеры, кони, клоуны, танцовщицы, плоды, цветы и звери сплетаются в танце, окутывают, влекут за собой, шепчут, кричат и плачут. Непрерывное рождение и умирание. Бесконечные шифры, коды и загадки. Любовь и страх. Надежда и боль. Но всё это – Абсолютная Свобода. Никаких границ между «можно» и «нужно», сплошной вольный танец.

Как-то я болела пневмонией, и это было больно и жутко, честное слово. В один момент, на пике жаркого бреда, вдруг стало не страшно умереть, сны вырвались из сознания, заполнили собой всё пространство и сделались важнее всего. Говорят, при ЛСД или кислоте тоже так. Наступила радостная легкость – и вот по комнате кружат слоны и лошадки, поют деревья, стеклянные цветы растут из стен быстро, немедленно раскалываясь надвое, а оттуда с хохотом выкатываются циркачи, вылетают птицы и планеты.

Когда я впервые увидела картины Гаянэ, оказалось, я их уже знала, была в них, выжила в них.

Может, есть какое-то специальное место во Вселенной, где живут сны? И куда заглянуть можно только на секундочку – или никогда. А вдруг... вдруг это и есть настоящая жизнь? Которая дарена единицам – Гаянэ да Параджанову, Шагалу да Фриде, ну и еще нескольким инопланетянам? А наша – обычная, с троллейбусами, работой, котлетами на обед, севшими айфонами, соседями и телевизором – ненастоящая?

Кстати, сама Гаянэ сны видела редко, а свои картины считала абсолютно реалистичными.

А с Параджановым они познакомились, когда Гаянэ было двадцать, а ему сорок.

Тбилисцы оба, Сергей знакомил Гаянэ со своими друзьями, водил к ней домой каждого гостя, помогал организовывать выставки и считал ее гением. «Гаянэ – шаманка, оракул, глашатай непознанных стыков цвета и пластики, она сама – колдовство».

Как-то Параджанов решил выкинуть свой шкаф, а Гаянэ выдернула из него дощечку и на ней нарисовала картину «Утро белой сирени», где скачет лошадка с крыльями из сирени с пятью лепесточками, потому что такие цветочки исполняют желания.

Они были похожи и нет. Оба жили в своих перепутанных мирах, отрицали реальность, презирали советскую действительность, но Сергей был открытым, общающимся, а Гаянэ – замкнутой и даже мрачной.

Впрочем, какая разница! Их уже нет. Но на самом деле есть. Потому что им дана вечность.

Однажды известный тбилисский художник рассматривал ее картины и выдал: «Да что вы все восхищаетесь? Она даже не знает анатомии». Гаянэ взяла кисточку и мигом нарисовала его точный портрет. Анатомически точный.

У Гаянэ не было ни детей, ни учеников. И хотя предпочитала уединение, но к ней постоянно приходили в гости художники, поэты, писатели, вся тбилисская богема и обычные люди. А еще Тарковский. Он буквально влюбился в нее и, приезжая в Тбилиси, непременно навещал Гаянэ, а она дарила ему картины.

В коллекции Феллини ее работа была самой любимой, а Тонино Гуэрра снял про нее фильм.

В нее влюблялись гении, ею восторгались великие. А она жила в коммуналке в Тбилиси, в «доме со страшной лестницей», в тесноте и бедности.

Но потом Демирчян (да, тот самый) узнал, что она живет в крохотных двух комнатах, предложил переехать в Ереван со всеми условиями: жилье, мастерская, все дела. Но Гаянэ отказалась, потому что могла творить только в родном городе. Демирчян всё понял, позвонил Шеварднадзе и попросил: «Сделай всё как надо, пожалуйста». Так Гаянэ Хачатурян переехала в новую квартиру.

Смешное продолжение! Параджанов пришел в гости и сказал, что ему новый дом не нравится, он не такой и больше он туда не придет. И правда, больше не ходил ни разу...

Когда Гаянэ рисовала, она пела и надевала еврейскую шапочку в честь зокского происхождения своей мамы – Асмик Калантаровой, которую очень любила. Фактически прожили они жизнь по-полам: вначале мама спасала Гаянэ от болезней и смерти, затем художница двадцать лет ухаживала за мамой.

Сейчас ее картины есть во многих музеях, частных коллекциях и стоят тысячи, а сама художница прожила жизнь в нужде и раздаривала картины. Как-то узнала, что подаренную ею картину продали, и она не обиделась! «Что вы! Я дарила от души. Всё воздастся. И за хорошее, и за плохое».

Однажды к ней пришел в гости незнакомый человек и попросил продать картину. Гаянэ назвала с потолка огромную цену, тот положил на стол пачку денег, забрал картину и ушел. Гаянэ обрадовалась очень и побежала за продуктами. А когда вернулась, смотрит – вся комната усыпана розами. Тот человек вернулся с огромным букетом, разбросал цветы и сказал: «Вы, Гаянэ Левонюна, должны жить среди роз».

Родилась Гаянэ девятого мая, а умерла – первого. Она лежала в больнице, когда на Венецианской художественной биеннале проходила ее выставка – с большим успехом.

«...Но мне это всё уже безразлично, поскольку я сама не считаю свои картины шедеврами...»

ДИАНА АБГАР

Золотой треугольник – средоточие мирового наркопроизводства, этот опиумный рай образуется границами Таиланда, Лаоса и Мьянмы.

Гектары маковых полей сделали Мьянму одним из героиновых лидеров. В Мьянме варят столько мета, что если раздать всем людям в мире по кристаллу, то хватит каждому. Я почему-то думала, что Мьянма – это маленькая миленькая страна, где на завтрак едят манную кашку, «ням-ням», – но нет.

Во-первых, она большая, во-вторых, бесконечные гражданские войны, в-третьих, ах какой у них бывший лидер! Аун Сан Су Чжи – невероятная женщина, такая хрупкая, доктор наук, лауреат Нобелевской премии, про нее Люк Бессон снял фильм. Всю жизнь в борьбе, полжизни под арестом, да и сейчас в тюрьме. Хотя кто только сейчас не в тюрьме...

А в-четвертых про Мьянму – то, что раньше она называлась Бирмой. И в октябре 1858 года в столице этой самой Бирмы в армянской семье родилась девочка Анаит Агабекян у папы Ованеса и мамы Авет.

Какие красивые у всех имена! Они вообще любили всё красивое – были богатыми, из именитых семей, жили в роскошных домах, имели обширный круг знакомств. Например, Аветин отец был выдающимся ученым и поэтом, основателем «Араратской компании Калькутты», брат Саркис – военным хирургом, открывшим лекарство от дизентерии, а дядя – известным военным.

...Уж слишком я издаюлька про прекрасную женщину Диану Абгар.

Да просто ужасно интересно всякий раз, откуда берутся такие великие личности, кто их рождает, чем их кормят, какие песни поют на ночь, был ли у них в детстве велосипед...

У Анаит определенно был. И не один.

Диана Абгар – это не только парк в центре Еревана, но и почетный консул Первой Армянской республики в Японии, одна из

первых женщин-дипломатов в современной истории, литератор, меценат, многодетная мама. Армянка.

Пришла в наш странный мир в странное время (как будто бы-вают другие!) и стала вот такой исключительной женщиной.

Анаит училась в Калькутте в «Восточной семинарии» по программе классической британской школы. Родителям было важно дать девочке блестящее образование. На минуточку – XIX век!

Училась Анаит очень хорошо, изучала английский, санскрит и дружила с такими же умными мальчиками из их училища – например с Рабиндранатом Тагором!

«Счастье в том, чтобы свое сердце отдать другому», – а вдруг эти слова он сочинил про свою одноклассницу Анаит?.. Ах, представляю, какие у них были бы встречи одноклассников, если бы были...

Замуж вышла Анаит довольно поздно по тем меркам, в 29 лет, муж Микаэл Абгарян был такой хороший человек, любил ее очень и называл богиней, ему реально казалось, что она точь-в-точь такая же смелая, сильная и женственная, как богиня охоты Диана.

Так Анаит Агабекян стала Дианой Абгар. Очень классный муж ей выпал! Жену любил и мифологию знал. Еще и богатый. Торговал шелком, рисом и – упс!.. – опиумом. Ну, тогда было можно. К тому же Микаэл спонсировал реставрацию и строительство многих армянских церквей в Индии. Короче, всё было отлично. Родили детей. Диана помогала мужу с бизнесом, деньги и связи множились, семья занимала высокое положение в обществе и всё такое. Они жили в Гонконге, Китае, Индонезии, Японии.

Но потом Микаэл умер. И всё, осталась Диана вдовой с тремя детьми. Нет, не всё, а вела бизнес: открывала торговые дома, отели, растила детей, работала в МИД Японии, занималась общественной жизнью и писала-писала-писала – эссе, новеллы, стихи. Поэты – они такие.

Диана была натурой пытливой, жаждущей справедливости, интересующейся. Ее первые писательские шаги были посвящены проблемам экологии Индонезии, писала она остро, злободневно, и ее начали печатать в газетах в экологических рубриках.

Ну а дальше взяла верх романтика... и Диана начала писать про любовь, жизнь и всё такое: стихи, письма, повести и романы сделали ее популярной писательницей.

Следующей ступенью литературного роста стали серьезные политические и экономические обзорные статьи. Ее печатали «Таймс» и «Фигаро».

Между тем набирали обороты преступные деяния в Османской империи, волны геноцида захлестывали армянский народ, накачивали одна за другой всё более массово и жестоко. Диана взялась за оружие – свое отточенное перо. Во многих японских, индийских, американских и европейских изданиях стали появляться ее статьи, разоблачающие чудовищные преступления. Один за другим выходят книги «Правда о резне армян», «Армянский вопрос», «Армения, которую предали» и другие.

Диана активно привлекает внимание мира к армянской проблеме всеми доступными способами: публикуется, выступает с лекциями, вступает в переписку со многими видными политическими деятелями и духовными лидерами. И добивается больших успехов.

Геноцид разбросал армян по всему свету, и до Японии добрались 500 человек в поисках безопасной жизни.

Японские власти разрешали въезд в страну только при условии наличия у каждого беженца 1500 иен (это много!). Диана снабжала деньгами людей, дабы они могли пересечь границу. Свой дом и офис превратила в прибежище для беженцев, занималась каждым лично! Принимала, одевала, кормила, утешала. Кого-то обустроивала на месте, кого-то переправляла дальше в Америку, Англию и Канаду.

В 1920 году Диана Абгар была назначена дипломатическим представителем и генеральным консулом Армении на Дальнем Востоке, чрезвычайным и полномочным послом Армении в Японии. Сенсация! Женщина-посол. Первая в мире.

Ой, я тут недавно на двадцатом «Золотом абрикосе» прошла по красной дорожке: платье в пол, брильянты в пол – и ни одной фоточки. Так, а вот на шестнадцатом кинофестивале был пред-

ставлен документально-анимационный фильм «Дипломат без государства», автор фильма – Мими Малаян, правнучка Дианы. Надо бы посмотреть. Это гораздо важнее платьев, фоточек и многого всего.

Диана очень верила в бога и всю жизнь была последовательницей армянской Апостольской церкви, о чем написала письмо католику, что, дескать, мое христианское сердце всегда с вами, не важно, где я живу физически. А католик ответил, что особо отмечает ее в специальном указе и это вроде как высшая милость церкви.

Я думаю, ей это было приятно. А еще я думаю, что это самое малое, чем можно было ее отблагодарить. Ведь могла же жить женщина прекрасной светской роскошной жизнью – в одной руке куча денег, в другой – сумка «Гуччи», год за годом путешествуя, тусуясь и наслаждаясь вниманием, – армянская принцесса Дальнего Востока! Так ведь нет.

Душа ее болела, об этом она кричала, она об этом молилась, во имя этого трудилась каждую минуту своей армянской жизни.

Анаит-Диана. Женщина и богиня.

АВРОРА МАРДИГАНЯН

Снова рассвет... При рождении ей было дано имя Аршалуйс, которое она поменяла на Аврору. В честь крейсера, которому что-то снится в час, когда утро встает над Невой...

Всю жизнь рассветное имя Аршалуйс-Авроры противостояло великой трагедии и бесконечной боли. Она могла бы стать символом истерзанной души, но стала мужеством и возрождением.

Она могла бы остаться рабыней, но вырвала свободу у судьбы. Ее имя могло сгореть, как сотни тысяч других, под палящим солнцем Дер-Зора, но оно живо и звучит на миллион, и это не только про деньги, но и, что не менее важно, способ сказать «спасибо».

Гуманитарная инициатива «Аврора», созданная от лица всех выживших во время геноцида армян и в знак благодарности их спасителям, стремится дать современным героям возможность и дальше помогать тем, кто остро нуждается в гуманитарной помощи, продолжая тем самым глобальную эстафету добра.

Вообще слово «спасибо» – лучшее на свете, я считаю.

Аврора Мардигаян – женщина, пережившая геноцид. Ее жизнь невероятно удивительна, сложна и трагична. Она родилась в 1901 году в Турции, а умерла через 93 года в Америке в доме престарелых одна-одинешенька. Почти век жизни. Почти жизни.

Девочка Аршалуйс росла в многодетной семье, была кудрявой, веселой и симпатичной, играла на скрипке, хорошо училась в школе и скучала по старшему брату Ваану, который учился в США. Обычная жизнь подростка.

Но потом пришел 1915 год. Геноцид. Отца и младшего брата убили сразу же, мать и теток сожгли. А девочку с сестрами погнали через пустыню. Их не убили, потому что от молодых была выгода: хоть изможденные, обессиленные, но они сопротивлялись – и это была забава для вооруженных конвоиров, которые хохотали, погоняя и хлестая плетьюми, пугали выстрелами в ноги, рвали одежды, чтобы девушки шли обнаженными под обжигающим солнцем. А еще их можно было насиловать и продавать.

Например, Аршалуйс оценили в 85 центов и продали в рабство вождю курдского племени.

Для многих армянок жизнь в рабстве действительно оказывалась спасительной. Девушки отказывались от христианства, меняли имя, чтобы сохранить жизнь. Но только не Аршалуйс. Она сопротивлялась ежеминутно, неистово, яростно. Ей нужна была не просто жизнь, а свобода.

Аршалуйс после курдского рабства оказалась в турецком гареме, оттуда ее продали в публичный дом, где, помимо прочего, клиентам – немецким офицерам – предоставлялось развлечение «стрельба по живым мишеням».

В момент очередного расстрела девушек Аршалуйс потеряла сознание, и ее посчитали мертвой. Она очнулась среди трупов и сумела выбраться.

Полтора года Аршалуйс прожила, скитаясь и скрываясь в турецких горах и лесах. Четырнадцать лет было человеку! Ей бы в куклы играть... Уму непостижимо.

Когда она добралась до Эрзрума, в городе уже были русские. Оттуда она перебралась в Тифлис и дальше – в Петербург. Приехала, а там уже Петроград, октябрь, революция, 17-й год! Даже попала под перестрелку, чуть было не погибла.

Куда армяне ходят в первую очередь в любой стране? Правильно, в армянскую церковь. Ровно так же сделала Аршалуйс. Там ее приняли, выслушали, помогли и познакомили с американским послом. Он был в шоке. История жизни этой хрупкой маленькой девушки потрясла его, посол на полгода поселил Аршалуйс прямо в посольстве, где она жила и учила английский. А потом уехала в Америку.

Нью-Йорк, Нью-Йорк! Жить стало чуточку легче, Аврору приняла армянская семья, любила и заботилась о ней. Но девушка тосковала невыносимо по своему потерянному детству, дому, семье. У Авроры остался только брат Ваан, и она всеми силами старалась его отыскать. Тогда ни интернета, ни «Жди меня» не было, одна надежда на газеты.

Аврора печатала и печатала объявления о брате, обещала награду, искала его изо всех сил. На ее яркие заметки обратили внимание журналисты, нашли Аврору, и девушка стала давать интервью и писать статьи о геноциде.

А в 1918 году вышла книга на основе ее воспоминаний «Растерзанная Армения». Книга много раз переиздавалась, переведена на китайский, польский, испанский, голландский языки и др. Она в свободном доступе – пожалуйста, можно взять и почитать. И порыдать. И ужаснуться. И восхититься. И ожить.

После книги – фильм. В 1918 году режиссер Оскар Апфель на киностудии «Metro Goldwin Mayer» в Калифорнии (это где лев рычит на заставке!) снял немой фильм «Аукцион душ», где Аврора сыграла сама себя.

Премьера фильма шла в течение недели в Нью-Йорке, потом фильм показали по всей Америке, Великобритании и немного в

Латинской Америке. Доход составил 30 миллионов долларов (на минуточку 1918 год, курс какой был, а!). Все деньги были направлены на помощь армянским детям-сиротам.

Фильм длится 85 минут, но его полная версия утрачена, чудом остался «в живых» только 15-минутный отрывок, его можно посмотреть в нашем музее геноцида. А еще там хранится дорожный чемодан, с которым Аврора ездила по городам и весям, представляя фильм.

Она много общалась и с простыми людьми, и с сильными мира сего, вновь и вновь рассказывая о геноциде: ей было так важно, чтобы мир узнал о чудовищном преступлении, которому она была свидетелем.

В один прекрасный день Аврора потеряла сознание прямо на сцене – и это была последняя встреча со зрителями. Всё же незаживающие раны – это не метафора, а буквальное состояние. Для Авроры Мардиганян в тот день на сцене кинотеатра в Буффало и для сотен тысяч других Аврор, Ануш, Аревхат, Азгануш, Антарам, Арегназ. По сей день.

Дальше всё могло бы быть как в сказке – прекрасный муж, чудесный сын и спокойная американская жизнь мечты. Но...

Муж и сын случились, покой – нет. Аврора продолжала жить, спасая детей-сирот, вызволяла их из приютов, фактически всю себя посвятила помощи жертвам геноцида. Всю жизнь она искала своего брата Ваана, и не нашла. Это было точкой спасения, которую Аврора так и не обрела. Отчаявшись, она решилась на самоубийство, но ее спасли.

С сыном она не общалась, потому что он выбрал в жены не армянку. Нам сегодня это смешно, сидим в 2023 году на своих диванах, попивая тыквенный латте, а если подумать, наверное, ей было действительно больно принять этот факт. Она и не приняла. И отреклась от сына.

В прошлом году был выпущен мультимедийный фильм «Восход Авроры», точнее, анимационный документальный фильм, о жизни Авроры. И вот что. Да, он про геноцид, потери, боль и страх. Но и про жизнь!

Про то, что, пережив ад, можно остаться человеком. Про то, что предательство не означает, что ты плохой. Про то, что твоя большая боль может заставлять вставать и идти вперед.

И жить. И любить. И смотреть мультики.

АГРИППИНА ВАГАНОВА

Вопреки. Если бы нужно было описать одним словом ее жизнь, то это очень бы подошло. А еще – упорство. А еще – труд. И – любовь. Бесконечная, всепоглощающая, безостаточная любовь к балету.

Агриппина Ваганова сделала свое имя прилагательным – «Вагановское училище», «вагановские вариации», «вагановская система».

Русский балет – это вагановский балет! Всё придумала, сделала Агриппина Ваганова! Она ввела всё то, что сегодня отождествляют с русским балетом (Б. Эйфман).

Есть еще «Вагановский спуск», начало Дороги жизни на Ладожском озере – спасение блокадного Ленинграда. Но это совсем другая история, не имеющая отношения к нашей Вагановой Агриппине Яковлевне – русской и советской артистке балета, балетмейстеру и педагогу, основоположнице теории русского классического балета, народной артистке РСФСР, лауреату Сталинской премии I степени и т.д. и т.п.

Вообще-то она Акоповна, ибо папа ее Акоп Тимофеевич Ваганов был родом из персидских армян. Жили они в Астрахани, где папа служил унтер-офицером. После отставки они переехали в Санкт-Петербург, и папа Акоп устроился капельдинером в Мариинский театр. Честно говоря, я не люблю истории с переименованием людей «для удобства социума». Ну, Акоп и Акоп, что за Яков? Но судить не мне, девочке Леночке, чьего прадеда Мкртыча всю жизнь звали Никитой.

Но вот хорошо, что корни фамилии Вагановым удалось сохранить, потому что Ваагн – это очень круто! Бог огня, войны и бури, герой-громовец. И Агриппина наша не даром что Ваганова – всё сходится.

Груша родилась девочкой крепкой, коренастой, низкорослой, с максимально антибалетными данными. Но в балет влюбилась с первых лет жизни, постоянно бегая к папе на работу, пересматривая вновь и вновь все постановки, дыша этим воздухом, впитывая и обожая.

Жили очень бедно, в подвале на Офицерской улице, который заливало в дождь, а в Питере это всегда. Родители отдали маленькую Грушу в Императорское театральное училище на полный пансион, потому что это было хорошей возможностью прокормить девочку.

Агриппина была очень неудобной студенткой. Мало того, что не порхала, так еще вечно лезла куда не просили: то ей нужно объяснять технику, то показать движения. Издревле сложилось так, что в балетном деле никаких разговорчиков быть не могло – или улавливаешь, или до свидания. Жестокий мир.

И дерзкой девочке пришлось вгрызаться, воевать с учителями, с собой, с жизнью, отвоевывая по миллиметру свое место под балетным солнцем. Она изучала технику самых известных балерин, разбирала физику танца, день и ночь репетировала, дотошно оттачивая движения. И несмотря на отсутствие природной пластичности сумела выработать свой стиль танца: «стальной носок», точенные движения, сильные прыжки. Легендой балетного искусства стали ее фирменные вариации – полет с замиранием в воздухе.

Выпускные экзамены сдала на высшие баллы, попала в труппу, но никаких сольных партий ей не давали. Коренастая, низкорослая Груня долгое время оставалась лишь артисткой кордебалета. И насколько кривились при ее виде балетные коллеги: «Ужасная Ваганова!», настолько по ней сходили с ума мужчины.

Поразительно: было что-то в этой женщине притягательное, сильное, увлекающее. Череда головокружительных романов, по-

ездки, рестораны, цветы, шампанское, подарки – Ваганова упивалась вниманием и сполна одаривала поклонников своей искрометностью, острым умом и, конечно, танцами!

Сердце же свое Агриппина подарила настоящему полковнику Померанцеву Андрею. Мужчина влюбился без памяти, был вдвое старше и женат. Ну и, как водится, забеременела, но вопреки общепринятым балетным канонам не стала прерывать беременность, а ушла из театра и родила. После рождения сына Александра они стали жить вместе с полковником, сейчас бы сказали – гражданским браком, но тогда это было люто неприемлемо и аморально.

Но Вагановой было всё равно: наконец-то зажила прекрасно, стала барыней, даже прислуга появилась. А когда умерла сестра, взяла к себе ее детей. Так и жила – мать и бывшая балерина, и всё ей нравилось.

– Мама, а это кто? Какая красивая тетя!

Маленький Саша с восхищением разглядывал фотографию балерины в пышной пачке.

– Какая еще тетя?! О, так это я, сынок! Я же балерина.

– Ты???

И тут Груня срывает с себя фартук и начинает кружить, руки взмывают ввысь, сама вся тонкой стрункой – как птица, плие и фуэте на кухне сменяются шпагатом на глазах у изумленного Саши. Ну и всё – взяла няню и вернулась обратно на сцену.

Карьера после декрета была значительно успешнее, чем до. Ролей прибавилось, публика рукоплескала, Ваганова упивалась долгожданным успехом. Но... спустя какое-то время ее увольняют по возрасту.

Наступает революция 1917 года, и ее хороший Померанцев в канун Рождества кончает жизнь самоубийством, не в силах принять новую власть. Застрелился.

Из барыни-балерины Ваганова вмиг превращается в бедную многодетную бывшую балерину.

Выживать ей было не привыкать. Ваганова ни на секунду не распустила нюни, а трезво оценила обстановку и стала зарабаты-

вать чем умела – танцами. Давала частные уроки, танцевала в ресторанах и кабаках, но ни на миг не покривилась, дескать, фу-фу: нужно было кормить детей, вот она и кормила.

В училище ее позвали преподавать, поскольку после революции начался огромный отток кадров, преподаватели и танцовщицы уезжали, система была на грани развала. И Ваганова оказалась в нужном месте в нужное время. Вкатилась идеально, как бильярдный шар в лузу.

Оказалось, что именно преподавание и есть ее истинное призвание и талант! Жесткая, требовательная, негибкая Ваганова буквально ваяла балерин. Даже нескольких уроков бывало достаточно, чтобы балерины иначе «звучали», ощущали каждую мышцу и связку. Майя Плисецкая говорила, что самым большим сожалением ее жизни было то, что мало было уроков от Вагановой, а нужно было бы всю жизнь.

Ваганова заложила основы академической методики преподавания. Идея была в ясности и осмысленности техники – руки вправо, ноги влево, в строгости – ни миллиметра туда-сюда, и дисциплине – порой на грани жестокости.

Книга Вагановой «Основы классического танца» – танцевальная библия, уникальный учебник – была миллион раз переиздана и переведена на тыщи языков. В написании книги ей помогала ее подруга Любовь Менделеева, дочь великого химика и, заодно, вдова поэта Александра Блока.

Ваганова возглавила Ленинградское хореографическое училище и сумела спасти русский балет, убедив новое советское руководство, что балет – это не «дрыгоножество», пережиток прошлого, остаток имперской роскоши, а весомый инструмент культурного влияния. Русский балет стал советским брендом и «самым лучшим в мире».

Несносный характер, неуживчивость, требовательность не делали Ваганову любимой учительницей. К ней шли за результатом – и получали его. А потом покидали, предавали и оговаривали. Целая плеяда звезд русского балета объединилась против Вагано-

вой в период поиска врагов народа и припомнила ей всю строгость преподавания, проголосовав за ее увольнение.

«Великая и ужасная» Ваганова от должности отказалась, но преподавать продолжила и даже в день смерти порывалась пойти на занятия – ведь кто, кроме нее, смог бы объяснить этим «кочергам», как правильно взлетать и парить в воздухе, отменяя законы физики на несколько секунд, ради которых стоит жить, а однажды и умереть.

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЯН

ТЕНИ НЕЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ

Сейчас, когда мы с братом и сестрой сквозь пелену более чем полстолетия пытаемся понять и оценить всё сделанное нашим дедушкой, нам понятнее становится он сам – Степан Кириллович Хазизов, личность исключительного характера и обаяния. И оказывается, что всю свою жизнь он прожил без той обыденной дипломатии, по которой люди, чтобы не обострять отношения с окружающими, оставляют за собой «открытые двери». И поэтому безоглядно любили его друзья, а враги, возможно, могли бы и ненавидеть, но, к счастью, таких мы что-то не припомним.

Он был человеком простым и ясным, любил шутки и всегда становился душой дружеских вечеринок или домашних посиделок на веранде нашей коммуналки с соседями. Он удивительным образом чувствовал людей.

Дедушка Степан был и страстным книголюбом, с него начала создаваться наша громадная (более 10 тысяч томов) домашняя библиотека. Во времена, когда сталинская репрессивная машина работала на полную мощность, списки врагов народа часто пополнялись авторами литературных и исторических произведений, военных мемуаров и публикаций. Хранение таких книг в домашней библиотеке строго наказывалось, и дедушке Степану приходилось чуть ли не каждую неделю спускаться этажом ниже к соседке по дому Марии Налбандовой (Налбандян), директору библиотеки «Роте фане», – сверять список запрещенной литературы. А перед тем как сдать книгу запрещенного автора, он ее перечитывал и старался запомнить яркие фразы из нее, а стихи любимых поэтов заучивал наизусть. Так он вызубрил два сборника стихов Сергея Есенина, послушать божественные строки которо-

го в исполнении папы Степы к нам забегали однокурсники родителей. Читал он с неистовой силой подлинного таланта.

Папа Степа – так за грамотность и интеллигентность его величали не только родные, но и почти все молодые жильцы нашего дома и друзья и подруги моих родителей. Так к своему дедушке обращались и мы со старшим братом Сергеем, не подозревая тогда, что на литературном армянском «пап» или «папи» – это дедушка. (На бакинском диалекте армянского дедушку называли «дедо».) Мы и бабушку называли, как наши родители, – мамой Еленой.

Папа Степа пользовался огромным авторитетом и у уличных королей, и у королей чистогана нашего квартала. Не раз я был свидетелем, как они за советом поднимались к нам на третий этаж и, запершись на кухне, что-то обсуждали вполголоса. Помню, как однажды к нему с ножевым ранением пришел наш сосед по дому, уважаемая личность в блатном мире нашего района Юрий Ваньян. К нему за советом приходили не только те, кто клял свою судьбу и жизнь, которая с ними не церемонилась, но и те, кто добился успеха в карьере, но испытывает трудности или неудачи в личной жизни.

У папы Степы был каллиграфический почерк, строчки, бисерные и легкие, косо ложились на бумагу. Вся округа приходила к нему с просьбой написать письмо к товарищу Сталину. Дедушка нам говорил, что на большинство таких лапидарных обращений приходил положительный ответ. В этом он признавался, несмотря на свое непростое отношение к Сталину, которое сложилось у него после ареста его друга-азербайджанца, начальника одного из государственных учреждений Баку, в котором дедушка работал главным бухгалтером.

После ареста этого бедолаги его семью из комфортабельной квартиры переселили в подвальное помещение их дома. Семья там прозябала, дети голодали. Тогда папа Степа собрал в авоську домашнюю еду и отправился к пострадавшим. На следующий день его вызвали чекисты, стали угрожать, мол, он уличен в родственных связях с зарубежной родней, о существовании которой

умалчивал. Тут мой дед, подавив дрожь в горле, брякнул: «О какой родне речь? Он же детдомовский». У одного из чекистов от дерзости армянина брови на лоб полезли, глаза закатились, забилося веко над бельмом, огненно-рыжая шевелюра взъерошилась, и горластый невежда рывкнул: «Будешь много болтать, и ты окажешься на его месте. Еще раз заметим тебя в общении с этой семьей...» Второй чекист, как бы смягчая гнетущую обстановку и, видимо, желая продемонстрировать свою образованность, чуть сощуривав колкие глаза, глухо проронил: «По меткому выражению Наполеона, нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц».

Дед вернулся домой в унынии, ошарашенный развязностью чекистов. Любая несправедливость, оставляла царапину на поверхности его души, превращаясь в гнойную рану. Его тонкое лицо осунулось, как у больного, а большие карие добрые глаза глядели тревожно и затравленно. Бабушка Елена, невозмутимая, сдержанная, с чудесным покладистым характером, быстро заварила свежий чай, разлила по стаканам в серебряных кубачинских подстаканниках, подала с его любимым кизилковым вареньем и только после этого спросила: «Что случилось, Степочка?» Ответом послужила его немая усмешка, которую сопровождал холодный взгляд. Неожиданно папа Степа схватил стакан и швырнул его в портрет Сталина. С треском посыпались стекла, портрет с рамкой оказался на полу. Реакция бабушки была мгновенной. Она послала дочь Нелли в магазин канцелярских товаров за новым Сталиным, сама схватила надорванный портрет «отца всех народов», скомкала его, быстро засунула в карман халата и веником начала собирать в совок осколки стекла.

Запыхавшаяся Нелли вернулась с портретом... Ленина: «Сталин кончился, мама», – и полезла на стремянку вешать вождя большевиков. «Ничего, и он сойдет», – судорожно сглотнув, шепнула всё еще взволнованная бабушка. – Главное, чтобы соседи не успели заметить опустевшее место на стене. Ведь каждый приметный человек напоминает кота с бубенчиком на шее, и каждая мышшь в точности знает, где он и что делает...»

Мудрец изрек: говорящий правду всегда должен держать коня оседланным. Папа Степа от греха подальше взял на работе отпуск

и уехал к родным в Нахичевань, город, построенный армянами и ставший впоследствии Пролетарским районом Ростова-на-Дону.

Внезапное «исчезновение» Степана Кирилловича во времена чекистского террора, который свирепствовал по всей стране, породило всевозможные слухи, завистливые стали шептаться за спиной Хазизовых, соседи успокаивали, мол, не обращайтесь внимания на болтовню. Нелли написала в Ростов письмо, ответ папы Степы до сих пор хранится в нашем домашнем архиве. Письмо написано его особенным каллиграфическим почерком 19 сентября 1938 года. Публикую его с сокращением, места, которые не касаются темы моего повествования, я опускаю:

«Дорогая дочечка чернушечка, кукушечка! Нелик джан!

Получил твое письмо. Но с ответом немножко задержался, так как был занят приездом и встречей твоих дядек Сережи и Мартына. Я, крошечка, жив и здоров, чего желаю и вам всем... Милая дочечка! Я очень за вами и за Баку, а в особенности за тобою, соскучился. Поживу до конца месяца с дядями, а потом приеду к вам. Злые языки, которые предполагают, что я арестован, этого никогда не дождутся, так как я хотел бы, чтобы все так были честны и преданны, как я. На эти разговоры ты, крошечка, внимания не обращай, так как мы скоро увидимся, потому что я соскучился, и вообще уже время вернуться и заняться серьезно работой...»

Мне не было и двух лет, когда умер Сталин и я не помню, как по этому поводу заливался слезами советский народ. Мой старший брат Сергей хорошо помнит тот солнечный день в Баку 6 марта 1953 года, когда Левитан ранним утром по всесоюзному радио объявил о смерти Сталина.

«В то утро мама Елена вся в слезах вместе со своей тезкой, нашей соседкой Каракозовой, голосили и плакали навзрыд. Папа Степа за чашкой чая, не обращая внимания на их стенания, невозмутимо читал любимого Чехова. Во дворе кто-то от горя горлабил во всю мощь, рвал на себе волосы, другие стояли на коленях и шмыгали носом», – рассказывал мне Сергей.

Но были и те, кто молча скорбел, и те, кто сквозь слезы украдкой радовались, испытывали облегчение, особенно евреи – из-за

сталинской антисемитской политики и репрессий, происходивших на фоне «дела врачей-вредителей» и борьбы с «безродными космополитами», которые продуманно раскручивались в газетах, объявлявших чуть ли не всех поголовно евреев врагами народа.

Равнодушно к смерти Сталина отнесся и младший брат папы Степы – знаменитый гитарист и музыкант, заслуженный работник культуры РСФСР Мартын Кириллович Хазизов, которого известный журналист и теле- и радиоведущий Виктор Шендерович в своей книге «Июм из булки» охарактеризовал как человека продвинутого: мол, в те годы (!) он слушал по ночам «Голос Америки».

А это из рассказа народного артиста СССР Зиновия Ефимовича Гердта о посещении цитадели тогдашнего «ума, чести и совести» советского народа:

«Однажды мы со своим другом, гитаристом нашего оркестра Мартыном Кирилловичем Хазизовым были на Старой площади – перед очередной поездкой за рубеж с нами хотел побеседовать некий ответственный товарищ... Нет, вначале я вам расскажу про Мартына. Это был замечательный человек, который прекрасно знал язык лабухов. Знаете, у музыкантов, лабухов, есть свой жаргон. Именно от Мартына я узнал, например, о смерти Сталина. У Мартына был приемник, который брал «Голос Америки». Мы ехали на спектакль, встретились на остановке троллейбуса, и Мартын тихо сказал мне: «Минай залабал в сундук». Минаем лабухи звали Сталина, политбюро – минайчатами, ЦК – минайчатник. Так и говорили: «В минайчатник идем». Это сейчас кажется смешным, а тогда произносилось с уважением, без всякой иронии... Так вот, мы с Мартыном в ожидании приема прогуливаемся по длинному пустому коридору ЦК, и гитарист этак слегка приобнял меня. Вдруг из какой-то двери выходит человек с папкой и, поравнявшись с нами, восклицает: «Товарищи, как вы ходите! Вы понимаете где вы находитесь?! Здесь вам не парк культуры». В общем, влетаем мы с Мартыном к своему ответственному товарищу (его фамилия, кажется, была Щербаков), и он спрашивает: «Что с вами, чем вы так взволнованы?» Я: «Да вот такой-

то сделал нам грубое замечание...» Щербаков: «Вы что, думаете, здесь дураков нет? Здесь очень много дураков!»

Деда Степа ушел на пенсию 1 мая 1957 года, теперь он мог еще больше времени уделять внукам. До этого по воскресным дням он водил нас в цирк или в Театр юного зрителя, или на стадион «Динамо» на игры «Нефтяника» в чемпионате СССР, или на ипподром, поглядеть на поединки резвых скакунов*. А иногда по вечерам – на Приморский бульвар, выводя на прогулку нашу немецкую овчарку Астру. Он регулярно по воскресеньям водил меня и Сергея в двухэтажную «Московскую» баню с замечательной русской парной, свежие березовые веники для посещения которой можно было приобрести перед входом.

Теперь же наш любимый дедушка возился с нами целыми днями. Обучал и играл с нами во все настольные игры, чаще в нарды. Держа за руку, уводил и приводил из детского сада или из школы, а меня еще и из Дома пионеров, где я занимался в шахматной секции заслуженного тренера СССР Сурена Абрамяна.

Школьными делами деда Степан плотно занимался с Сергеем. Проверял домашние задания, контролировал успеваемость, отвечал за его шалости перед классным руководителем. Сергей учился на одни пятерки, его портрет висел на школьной Доске почета, и, не умаляя его таланта и смекалки, – в том в немалой степени была заслуга и нашего дедушки.

Детство Сергея было идиллическим: тихое Каспийское море, запах акаций и олеандра в парке Свободы и на Приморском буль-

---

* Дедушка Степа был суперспециалистом по конному спорту, как и большинство армян Дона. Справочники по конным бегам он получал со всего Советского Союза, ими и журналами «Огонек» у нас был забит древний сундук, который стоял на балконе. Поздравительные открытки ему присылали с видами лошадей, на дни рождения дарили статуэтки разных размеров, одна из таких – жокей на коне – до сих пор стоит на пианино «J. Becker» в квартире моего брата Сергея. Ипподром находился на окраине Баку, городской транспорт туда не ходил. Любители скачек наших двух прижавшихся друг к другу домов-колодцев №101 и №103 на улице Дмитрова вскладчину нанимали драндулет алабаш (автобус старой конструкции) и веселой компанией добирались до ипподрома. Перед каждым забегом толпы знакомых дедушки подходили к нему за консультациями и советами. Его подсказками они дорожили, почти всегда они оказывались верными.

варе, красивые девочки. Сексуальность Сергея пробудилась рано. Его первой любовью была одноклассница – неудачная попытка объятий, прерванная появлением учителя. Мать вызвали в школу, Сергей стал осторожней. Эту любовь к женскому полу он несет и по сей день. Наша мама ворчала: от юбок не оторвешь, в кого он у нас пошел!

Вспомнил один курьезный школьный эпизод с Сергеем и дедушкой, связанный с 40-летним юбилеем Великой Октябрьской революции, который широко отмечался по всему Советскому Союзу, в том числе и в бакинской школе №220, в которой во втором классе у прекрасного педагога Жанны Рубеновны учился тогда Сергей.

Школа находилась на углу Первомайской улицы и переулка Телефонной улицы, в ажурном трехэтажном доме, который до революции принадлежал армянскому богателю Арцатагорцяну (Серебрякову). Тогда в этом здании располагалась армянская школа №3. В советские годы школа стала 15-й русской, а затем 220-й, директором школы был Левон Александрович Иоаннисян, завучами – Есяян и Аракся Минаевна Мамиконова (сильный педагог математики), которая жила в нашем доме на втором этаже.

Жанна Рубеновна на уроке спросила детей: «Может быть, кто-то из ваших дедушек или родных принимал участие в Великой Октябрьской революции, а может, и во взятии Смольного?» Бойкий Сергей вскочил и выкрикнул: «Мой дедушка!» Он считал, что раз дедушка служил в Красной Армии, значит, он был участником революции.

Радостный Сергей прибежал домой и, бросившись в объятия дедушки, сообщил ему, что он приглашен на торжества в школе с его революционными воспоминаниями. На следующий день дедушка Степан с извинениями подошел к Жанне Рубеновне, объяснил ей, что он в те революционные годы служил в Ростове, а не в Петрограде. Сметливая Жанна Рубеновна со своей обаятельной улыбкой его успокоила и сказала: «Степан Кириллович, вы же начитанный человек, уверена, вы не меньше знаете о событиях тех лет, чем некоторые их участники. Не будем расстраивать детей,

преподнесем им подарок, эту встречу они надолго сохранят в памяти».

Чтобы не уронить авторитет своего внука среди одноклассников, в тот торжественный день Степан Кириллович был особенно красноречив, дети его слушали с открытыми ртами, затаив дыхание. А затем под звуки горна и бой барабанов дедушку Степана приняли в почетные пионеры* и надели на него алый галстук, который, чтобы обрадовать внуков, он не снимал со своей шеи до нашего отбоя, когда под его рассказ о Мальчише-Кибальчише мы крепко заснули.

На следующий день мы – дедушка Степа с повязанным на шее пионерским галстуком, Сергей и я – на железнодорожном вокзале встречали наших родителей, возвращавшихся из Москвы, где еще недавно завершился VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

На платформе мы стояли, как подобает истинным пионерам – по струночке. Вдали показался поезд, он врезался в густую сеть рельсов, послышался свист вырывающегося пара, стук и лязг колес железнодорожного состава. Вокзал засуетился, гул встречающих наполнил воздух. Дедушка поправил пионерский галстук и, завидев сошедших на перрон дочку с зятем, вытянулся и по-пионерски правой рукой отсалютовал им: «Почетный пионер Степан Хазизов с внуками приветствуют вас на родной земле!»

---

* В почетные пионеры в СССР принимали знаменитых людей, которые внесли значительный вклад в культуру, науку или общественную жизнь. Таких, как побывавший на луне американский астронавт Фрэнк Борман, первый космонавт Юрий Гагарин, как, впрочем, Клементина Черчилль, супруга британского премьер-министра. В почетные пионеры были приняты известные писатели Анри Барбюс и Джанни Родари.

ИРИНА ДЗУЦОВА

ВСЕ ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Новые находки работ «неизвестного персидского художника»

Недавно в результате многолетних исследований* выяснилось, что творчество Акопа Овнатяна (10 января по старому стилю / 23 января по новому стилю, 1806, Тифлис – 1881, Тегеран) не ограничивалось живописью.

После смерти отца в 1985 г. в родительском доме в Тегеране Мара Сетханян-Мартин, праправнучка Акопа Овнатяна, обнаружила рисунки, лежавшие в небольшом белом конверте вместе с карандашным автопортретом Акопа Овнатяна. Зная, что это работы прапрадеда**, она привезла их с собой в США, намереваясь опубликовать. В мае 2018 года она любезно предоставила мне фотографии всей коллекции, состоявшей в общей сложности (включая рисунки, оказавшиеся в конце 1990-х годов в Национальной картинной галерее Армении) из ста двух рисунков примерно одинакового размера (18x11 см). Переживший многолетний плодотворный тифлисский период, затем – менее насыщенный персидский период, А.Овнатяна незаурядно проявил себя в графическом жанре, подвижимый, с одной стороны, внутренней жадой творчества, а с другой – необходимостью зарабатывать

---

* И.Дзуцова, «Акоп Овнатяна. Портреты – воспоминания о художнике», Тбилиси, 2022 г.

** Мара Сетханян-Мартин помнит рассказ своего отца Аслана Сетханяна (правнука Акопа Овнатяна) о том, что, согласно передаваемым в семье из поколения в поколение рассказам, А.Овнатяна часто рисовал дома, сидя у окна и наблюдая повседневную городскую жизнь.

на жизнь. От изображения важных персон и элиты он перешел к изображению простого люда, вооруженный, как и прежде, зорким глазом, интересом к психологии персонажей, уважительным, даже каким-то бережным отношением к портретируемым и явным интересом к бытовым сценкам, обычаям, повседневной жизни, типажам явно персидским, обычным горожанам и беднякам из толпы.

Итак, во второй половине своей жизни, бо́льшая часть которой прошла в Персии, выдающийся мастер живописного портрета занимался в том числе и графикой: рисовал (карандашом, тушью, гуашью и акварелью на бумаге с применением кисточки и пера) миниатюры с изображением типичных сценок и частых персонажей улиц персидских городов, в основном – столицы, Тегерана. Эти миниатюры, выполненные с 1870 по 1881 годы с натуры, предназначались на продажу иностранным, в основном европейским, путешественникам, дипломатам и торговцам. Их приток в Персию многократно увеличился во второй половине XIX века и породил большой спрос на различные сувениры, в том числе на цветные миниатюры с изображением типичных персонажей, профессиональных занятий, а также сценок повседневной жизни. Эта сюжетная традиция зародилась в Персии задолго до середины XIX века. Однако и в этот «малый» жанр, как и в свои живописные портреты, Акоп Овнатаян привнес существенную инновацию: он очевидно стремится не к восточной пестроте и преувеличенной красивости, не к изображению абстрактных персонажей, а к почти этнографической точности, к абсолютному реализму в изображении привычных бытовых миниатюр.

Несколько лет назад в европейских библиотеках и музеях, а также на интернет-сайтах европейских аукционных домов мне удалось найти более двухсот листов (бумага, карандаш, гуашь, акварель), авторство которых я с абсолютной уверенностью атрибутирую как работы Акопа Овнатаяна*. Объекты довольно неряшливой датировки, еще более неряшливой интерпретации

---

* См. И.Дзюцова, там же.

изображенного, эти миниатюры приписываются «неизвестному персидскому художнику», а зачастую и вовсе никак не атрибутированы. И такая практика, к сожалению, продолжается.

После выхода моей книги в 2022 году я обнаружила новые аукционные лоты, выставленные на продажу под грифом «неизвестный персидский художник». Их автор несомненно Акоп Овнатанян.

Так, 28 апреля 2023 года аукционный дом Chiswick продал две миниатюры (лот №205) размером 15,3x11,5 см с изображением двух уличных торговцев анфас. Из надписей на фарси узнаем, что речь идет о продавце барбарисового сока Форуше из города Зерешк и Калехе, продавце супа из бараньих голов.

Похожего торговца супом из рубца по имени Хасан Горбе находим в альбоме из 31 миниатюры, хранящемся в библиотеке дворца-музея Голестан в Тегеране: здесь художник развернул персонажа в трехчетвертном повороте.

Кроме того, среди рисунков из коллекции Мары Сетханян-Мартин имеются два торговца бараньим супом. Наличие топорика у одного из них указывает на то, что при продаже супа ему необходимо было рубить баранину на порции.

Что же касается продавца барбарисового сока, его «близнец» обнаружен в альбоме-концертине, выставленном на продажу лондонским аукционным домом Maggs Borth. в 2017 году, где под номером 16 представлен «продавец вина» (15,5x11 см), причем «эксперты» не задавались вопросом реальности торговли вином на улице в мусульманской стране!

Итак, благодаря надписи на чизвикской миниатюре мы выяснили, что это торговец барбарисовым соком, а не увеселительным напитком.

6 июня 2023 года голландским аукционным домом Oriental Art Auctions была продана прекрасная миниатюра (№ART3004430) размером 25x16 см: босая мать с ребенком, привязанным за спиной. В правой руке она держит посох, в левой – букетик цветов. Датирована миниатюра широко – XIX веком.

Идентичная миниатюра – с той лишь разницей, что здесь «героиня» развернута налево от зрителя, – имеется в Голестанском альбоме-концертине. Из посвященной этому альбому книги узнаем, что изображенная – цыганка Марьям-бану Фоюдж с ребенком.

31 октября 2023 года лондонским аукционом Chiswick была выставлена на продажу миниатюра (лот №47) с изображением сидящей на ковре девушки, зашивающей юбку. Согласно экспликации, это отдельный лист из альбома размером 28x19 (42x32 см с нарисованной рукой рамочкой). Миниатюра наклеена на бумагу и обрамлена – она несомненно служила украшением интерьера. Эквивалента этой прекрасной миниатюры среди моих предыдущих находок нет. Однако рука Акопа Овнатаяна узнается безошибочно.

6 ноября 2023 года лондонский аукционный дом Bonhams продал 8 миниатюр (лот №55), датированных серединой XIX века, размером 14,5x10,5 см неизвестного провенанса. На них изображены уличные торговцы (водонос, продавец кофе), солдат, мать с ребенком и т.д.

Идентичные миниатюры в количестве тридцати штук были проданы этим же аукционным домом в 2009 году (лот №59), с той лишь разницей, что на этих работах имелись надписи с именем и профессией персонажей или с обозначением совершаемого ими действия*. Многие из персонажей на графических листах А.Овнатаяна изображались художником не единожды, как, например, водонос (по-персидски – сакá), которого можно увидеть в коллекции Британского музея (28 цветных разрозненных листов), а также в альбоме-концертине из 18 листов, проданной Bonhams в 2014 году (лот №8), или курящий трубку с опиумом дервиш с посохом-дубинкой – его также можно увидеть в коллекции Британского музея.

Миниатюра с абсолютно идентичным водоносом имеется и в альбоме-концертине из 30 акварельных листов, хранящемся в Национальной библиотеке Франции. Альбом принадлежал Жан-Ба-

---

* См. подробное описание: И.Дзюцова, там же, стр. 225-227.

тисту Фёврие, личному врачу шаха Наср-эд-дина. Благодаря надписям на миниатюре, мы узнаем, что этого сака́ зовут Кербалай Таги и что родом он из города Нетенз.

Допуская, что помимо живописи на холсте художник работал и в другой технике, Рубен Дрампян писал: «Трудно представить, чтобы Овнатаян не фиксировал профессиональным взглядом художника встречавшиеся на улице живописные городские типы, выразительные лица, колоритные образы (которыми, несомненно, был богат старый Тифлис, как, впрочем, и любой город, живущий активной городской жизнью) и не испытывал желания запечатлеть – для себя самого – представителей простого тифлисского люда...»*. На той же странице в сноске 3 Р. Дрампян также справедливо замечал: «Вынужденные судить об искусстве Акопа Овнатаяна лишь по части его художественного наследия, мы всё же должны иметь в виду (или хотя бы допускать), что творчество мастера было не только много богаче по количеству созданных им работ, но могло быть также и шире по охвату явлений, по жанрам, по типам и т.д.». Замечательная интуиция вдумчивого и тонкого исследователя овнатаяновского наследия!

Уверена, новые графические и живописные работы тифлисского армянского мастера будут найдены и, наконец, атрибутированы, благодаря его неповторимому стилю.

Тбилиси – Париж, ноябрь 2025 г.

---

* Дрампян Р., «Акоп Овнатаян», Ереван, 2006.

РУСЛАН СЕМЯШКИН

ЯРКИЕ КРАСКИ ЗВУКОВ

Наверное, Лазарь Сарьян, чье 105-летие со дня рождения пришлось на 30 сентября 2025 года, не мог не стать крупным и самобытным творцом, поскольку ему посчастливилось родиться в семье выдающегося художника, национального гения Армении Мартироса Сарьяна. Правда, он не станет живописцем, но всё равно окажется в числе выдающихся армянских художников второй половины XX столетия, создававших, однако, полотна музыкальные. И художнический дар от своего великого отца он несомненно позаимствует – конечно, в других формах и ином выражении, но при обязательном доминировании яркой национальной палитры звуков и мелодики, отличавшей творчество этого удивительного композитора.

К шестидесятилетию юбилею композитора известный советский музыковед и критик Марина Берко писала:

«Итак, Лазарь Сарьян:

- живой ум, благородство, скромность, мягкая ироничность;
- не так уж много сочинено музыки, но то, что написано, – одухотворённо, изящно, непогрешимо по вкусу;
- ректор Консерватории имени Комитаса (уже 20 лет);
- педагог, о методе которого надо писать отдельную статью;
- сын Мартироса Сарьяна» (М.Берко, журнал «Советская музыка», 1980, № 11).

Сын всемирно известного армянского художника-живописца, одного из основоположников национальной школы армянской живописи, в действительности был наделен всеми лучшими человеческими качествами, позволившими ему стать известным композитором и педагогом. Но, при всей своей известности в среде

музыкальной общественности и в народе, Лазарь Мартиросович всегда оставался человеком необыкновенно скромным, избегавшим шумных восхвалений в свой адрес, не требовавшим к себе особых знаков внимания, исключительно доброжелательным, вежливым, толерантным по отношению к коллегам-творцам.

Тут же подчеркнем, что Лазарь Сарьян был участником Великой Отечественной войны, прошедшим по ее огненным дорогам от начала и до победного завершения. По военной профессии он зенитчик, а в перерывах между боями бывал и баянистом, и композитором-песенником. Потому-то, рассказывая в своей статье «Сарьян, сын Сарьяна» о фронтовом опыте Лазаря Мартиросовича, известный советский и российский музыковед, музыкальный критик Лиана Генина справедливо отметит: «...огромный жизненный, боевой, солдатский опыт сложно растворен во всем творчестве, да и во всей личности Лазаря Сарьяна. В двух словах об этом не расскажешь: тут и разветвленная ассоциативность художественного мышления, и особое тяготение к этическим ценностям бытия, и бескомпромиссное, честное мастерство, помноженное на врожденное чувство колорита. Сарьян – не любитель громких слов ни в жизни, ни в искусстве. Его камерные партитуры, «Симфоническое панно», «Симфонические картинки», Скрипичный концерт поражают другим – точным ощущением традиции, предельной выверенностью замысла и воплощения. Никогда ничего лишнего, «сказанного всеуе»! Очень органичный и органичностью своей сильный художник. При всей простоте свойство это – редчайшее в искусстве. Оно подвластно только тому, кто подлинно постиг фольклор своего народа. И других народов тоже – ведь в Московской консерватории композитор обучался в классах Шостаковича и Кабалевского» (Л.Генина, ж-л «Советская музыка», 1975, № 5).

Вообще же Лазарь Сарьян принадлежал к тем крупным национальным творцам, которых прежде всего отличал индивидуальный взгляд на мир и цельность мировосприятия. Потому-то и в музыке своей он, явно склонный к прагматичности, старался повествовать о процессах, направленных на поиск всеобъемлющего

смысла и подробно характеризующих богатейшую армянскую культуру. При этом в его музыкальном творчестве заметно выделялись три отдельные, не исключают, а только дополняющие одна другую функции: сугубо музыкальная (звукообразовательная), не совсем музыкальная (эстетическая) и психологическая (напрямую эмоционально воздействующая на слушателя).

Этот подход бесспорно условен, но и не замечать этих опор, составляющих единое целое, также нельзя. К примеру, чтобы проследить процесс трансформации картин исключительно пейзажных в картины психологического плана, достаточно обратиться к таким его сочинениям, как «Симфонические картинки», Скрипичный квартет, Симфоническое панно «Армения», Симфония, Второй струнный квартет.

«Симфонические картинки», написанные композитором в 1956 году, стали не только произведением заметным и ярким, но и во многом определили настроение Сарьяна в последующие годы. В чем же их своеобразие? В удивительном обаянии и привлекательности, в лучезарной музыке, призванной радовать, в определенной символичности, как бы подсказавшей композитору обратиться к искусству прошлого – как символу гармонии. Сарьян оказался в армянской музыке едва ли не первым, кому предстояло угадать эти условные неоклассические тенденции, в последующем самым разным образом расцветшие в творчестве его коллег-композиторов.

Значимость «Симфонических картинок» также в том, что именно с их появлением в творчестве Сарьяна проявился тонкий психологизм, который с годами станет одной из отличительных черт музыки композитора.

Сарьян в своей непрерывной творческой работе стремился также к определенным обобщениям, позволявшим в малом замечать приметы чего-то значительного. Но данное обстоятельство никак не мешало ему проявлять строгость, порой даже аскетизм в отборе средств, обеспечивающих графическую ясность линий и динамику движения через игру звуковых красок. И, что принципиально важно, Сарьян имел возможность по-разному осмысливать ко-

нечные цели своих замыслов, позволявшие создавать сочинения концептуально различные, основанные и на армянском фольклоре, и на более современных национальных творениях.

«Творческая стихия Лазаря Сарьяна – симфонический оркестр, – рассуждал один из самых даровитых и успешных учеников Сарьяна, крупный армянский композитор Тигран Мансурян. – С большим мастерством пользуется он богатой звуковой палитрой. Тембровая окраска приобретает в его сочинениях огромное значение. Тембр воспринимается как первичное пробуждение творческих сил.

В музыке Сарьяна нет нагромождения цветовых сочетаний. Его звуковое полотно всегда дышит легкостью. Каждому музыкальному инструменту здесь обеспечено столько воздуха и простора, что, вступив в игру в общем звуковом потоке, он может во всем блеске продемонстрировать специфику собственного колорита.

Чувство цвета у Сарьяна не благоприобретенное – это часть его существа. Звуковая целостность его партитур – не внешнее качество, не окраска, а цветовое излучение, внутренне услышанное, воспринятое и пережитое. Это такое же личное переживание, как любая форма правдивого отражения природы, внутреннего мира человека. Именно об этом писал Мартирос Сарьян: «Краски должны отражать содержание нашей внутренней жизни». Восприятие мира через посредство красок – еще одно связующее звено между двумя Сарьянами».

«Все без исключения молодые композиторы республики получили у Лазаря Сарьяна свою долю внимания и советов, – откровенно признается Мансурян. – Необыкновенно щедр он в выражении заботы и участия, в особенности, в судьбе тех армянских музыкантов, которые стоят в преддверии мира искусства и которые более чем кто-либо нуждаются в правильном руководстве в момент формирования их индивидуальности» (Т.Мансурян, ж-л «Советская музыка», 1970, № 11).

Да, вернувшись в Ереван после окончания Московской консерватории, где на выпускном экзамене он представил свою «Симфоническую поэму», тридцатилетний Сарьян помимо занятий

собственным творчеством сразу же накрепко свяжет свою жизнь с Ереванской консерваторией. Вначале в качестве преподавателя инструментовки, композиции, а затем и ее ректора. Некоторое время в середине 50-х годов он возглавлял Союз композиторов Армянской ССР, а после долгие годы трудился председателем правления Музыкального фонда Армении.

Родная земля, востребованность на профессиональном и общественном поприще, активная позиция в искусстве, бесспорно, помогли молодому композитору завоевать заслуженный авторитет. Более того, «дом Сарьянов» в Ереване стал местом притяжения многочисленных друзей и коллег, стремившихся пообщаться с отцом и сыном Сарьянами. Но что удивительно для творчества Лазаря Мартиросовича – композиторское его становление происходило довольно медленно и, по мнению Марины Берко, «не без внутренней борьбы».

Была ли это внутренняя борьба или вынужденное брение, доподлинно неизвестно. Тем более что Лазарь с молодых лет отличался самокритичностью и требовательностью к себе, которую некоторые его товарищи считали даже чрезмерной. Эти качества бесспорно связывали его с отцом. Но влиял ли Мартирос Сергеевич на творчество сына более основательно? Вряд ли. По крайней мере, сколько бы мы ни находили прямых аналогий между музыкой сына и живописью отца, хотя бы в использовании изобразительных средств явных связующих начал в их творчестве мы не найдем. Кроме духовной составляющей, которая, как правило, остается «в тени», «за кадром».

Со временем критикам и музыковедам стало понятно, что младший Сарьян воспринимает мир существенно по-иному, нежели его отец, но при этом он сохраняет верность тем же основополагающим творческим принципам: гуманизму, воспеванию добра и света. И если мир Мартироса Сарьяна заключался в перевозданной мощи бытия, допускавшей ослепительно яркое выражение как безудержной радости, так и глубокого трагизма, то мир Лазаря Сарьяна был прежде всего камерным, можно сказать – самоуглубленным, даже несколько замкнутым, но с неистреби-

мой доброй, немного застенчивой улыбкой. Этот мир пронизан игрой мягких, ненавязчивых светотеней. И найти его композитору удалось не сразу. По сути, ранние его творения – «Симфоническая поэма» и кантата «День мира» – не раскрыли еще подлинных возможностей молодого композитора. В них скорее отразилось общее для советского искусства начала 50-х годов увлечение героикой и патетикой, а также некоторое тяготение к монументальным сочинениям Арама Хачатуряна.

Одним из наиболее выдающихся произведений композитора стала Симфония, как бы воспроизводящая процесс духовного познания. В сугубо музыкальном выражении она знаменательна тем, что в первой ее части велико значение деревянных духовых и, особенно, струнных инструментов, а в более подвижном заключительном разделе инициатива переходит к четырем группам ударных.

О своеобразии и несомненных достоинствах данного сочинения в статье «Голос Сарьяна» высказалась Светлана Саркисян, известный армянский музыковед и критик: «Завершенную в 1980 году Симфонию на сегодня можно считать кульминацией композиторской биографии Лазаря Сарьяна не только в силу ее высоких художественных достоинств, но и потому, что она логично развивает его творческий метод, если попытаться охватить его целостно. Это пейзажный симфонизм с присущей ему пленэрной звукописью, но, в отличие от предшествующих оркестровых сочинений, обогащенный многими элементами современной музыкальной лексики. Очень важно, что избранный тип симфонизма совершенствуется как бы изнутри: дифференцируется нюансировка, звуковые светотени приобретают разную степень плотности и насыщенности. Но одновременно импрессионистская интенсивность партитуры сопряжена с ощутимым программным подтекстом – оттого столь велико здесь значение смысловых знаков. «Живость» смысла получают не только индивидуальные тембры инструментов (как тут не упомянуть одного из учителей Сарьяна – Дмитрия Дмитриевича Шостаковича!) и их наложения, но и индивидуализированная гармония, обретающая в современ-

ной музыке особую действенность» (С.Саркисян, ж-л «Советская музыка», 1991, № 5).

Определенные параллели с одночастной, имевшей двенадцатитоновое созвучие Симфонией – произведением по-настоящему одухотворенным, мудрым, внутренне гармоничным, демонстрирующим жанрово-фольклорные национальные черты, – будут прослеживаться и во Втором струнном квартете, написанном Сарьяном в 1986 году. Это сочинение, кстати, в некоторых вариациях созвучно и письму выдающегося венгерского композитора XX века Белы Бартока, склонность к которому композитор обнаружил в себе значительно ранее, в начале 70-х годов, когда работал над Концертом для скрипки с оркестром.

Концерт для скрипки с оркестром, или Скрипичный концерт – явление, как говорится, событийное. Любопытную оценку, с которой, впрочем, трудно не согласиться, ему даст и Марина Берко: «Скрипичный концерт Сарьяна – не только прекрасный, высокохудожественный пример того, как можно обновлять свой стиль, не порывая со старым, не только воплощение лучших качеств композиторского стиля. Я бы хотела подчеркнуть значение этого произведения Сарьяна для определенного этапа армянской музыки, на сей раз для начала 70-х годов.

Сарьян... действительно изучил, осмыслил те процессы, которые происходили в мировой и советской послевоенной музыке – причем изучил и осмыслил опять-таки по заветам Д.Шостаковича. Лазарь Сарьян показал молодежи, которая переживала в те годы некий экспериментальный «бум», образец честного, умного, смелого, критического отношения к сложным проблемам современного творчества...

Начиная с Концерта в музыку Сарьяна снова входит открытая патетика – но уже не та, которая отличала ранний этап его творчества. Композитор нашел теперь в этой сфере органичное для себя выражение драматизма, боли и тревог современного мира через призму интеллектуально-лирического взгляда на жизнь» (М.Берко, ж-л «Советская музыка», 1980, № 11).

Не будем вдаваться в чисто музыкальные особенности этого сложного сочинения, отличающегося своими сильными мелодико-тематическими свойствами. Как и все другие произведения, принадлежащие перу Сарьяна, оно воплотило далеко не только музыкальные задумки, а и его настроения, а также и философскую мысль, без которой Лазарь Мартиросович по жизни не обходился. Здесь впору отметить и стилевые приемы – сложные, как всё то, за что брался композитор.

Кстати, Сарьян еще во второй половине 60-х годов рассуждал о вопросах стиля современной армянской музыки. Будучи в то время ректором Ереванской консерватории, он в статье «Чуткость к современности» писал: «По-моему, наиболее трудная и важная проблема стиля – проблема национального. Бесспорно, музыкальная Армения (как и другие республики) переживает сейчас процесс нового осмысления исконных национальных интонационных элементов. Суммарно его можно охарактеризовать как движение от простого, лежащего на поверхности к сложному, требующему пытливого переработки... Вообще пресловутая «восточная пышность», на первых порах так ярко сказавшаяся в раскрепощенном искусстве Советского Закавказья, со временем уступила место глубокому раскрытию эпико-драматического начала, столь сильного, в частности, в армянском фольклоре. Вспомним, какими важными вехами на этом пути стали Вторая симфония Хачатуряна, Трио Бабаджаняна, Квартет Мирзояна. Комитасовские традиции, сплавленные с характерным воздействием на нашу культуру Шостаковича, счастливым образом соответствовали глубинному духу национального художественного мышления в целом. Собственно, в этом же направлении думают и работают наши авторы и сейчас. Эпос и драма – пожалуй, сюда устремлены наиболее пытливые поиски, здесь ведутся наиболее интересные и перспективные эксперименты» (Л.Сарьян, журнал «Советская музыка», 1967, № 9).

Называя в этой статье целый ряд имен своих коллег композиторов и, естественно, не упоминая в ней о собственной профессиональной деятельности, Сарьян тем не менее говорил и о себе,

о своей духовной и идейной принадлежности к плеяде выдающихся армянских художников музыки второй половины XX столетия.

К этой славной плеяде, как известно, помимо самого Сарьяна принадлежали Эдвард Мирзоян, Александр Арутюнян, Арно Бабаджанян, Адам Худоян. И все пятеро, будучи фактически ровесниками, выдвинутся в одно время и добьются выдающихся результатов в своей профессиональной композиторской деятельности, благодаря чему их назовут армянской «могучей кучкой». Их вклад в развитие армянского музыкального искусства воистину неоценим. За ними последуют более молодые Александр Аджемян, Константин Орбелян, Эдгар Оганесян, Авет Тертерян, Джон Тер-Татевосян, Гагик Овунц, Эмин Аристакесян, Эрик Арутюнян, Степан Шакарян, а затем и ученики Сарьяна – Тигран Мансурян, Рубен Саркисян, а в конце 70-х годов – и совсем молодой Вартан Аджемян.

Если же говорить об эпических началах в творчестве композитора, то сразу вспоминается Симфоническое панно «Армения», написанное им в 1966 году. Живописностью и тонкостью красок отличается это панно, ставшее воплощением в музыкальных образах поэтического духа замечательных полотен отца – Мартироса Сарьяна. В композиционном отношении оно представляет собой сюитный цикл из четырех разнохарактерных картин: первая – «Гарни», вторая – «Старый Ереван», третья – «Арагатская долина», четвертая – «Солнечный день». И каждая из них была призвана воссоздать определенный набор идей, выраженных в творчестве большого художника, страстного певца армянской природы.

Это лирическое сочинение убедительно демонстрирует зрелость мысли и тонкое художественное чутье композитора, создавшего удивительную музыку, пронизанную национальным духом. В звучании же данного панно заметно тонкое, филигранно отточенное претворение характерных национальных черт, свойственное традициям Александра Спендиарова. Да и средства современной композиторской техники Сарьян подчинит художественному замыслу, органично включившись в национальную сти-

листику и тем самым обогатив выразительность музыки в целом. Благодаря этому будет воссоздана и атмосфера величественной строгости древних памятников армянского зодчества («Гарни»), и колоритная жанровость городского быта («Старый Ереван»).

Картинами горных просторов, озаренных солнечным светом, композитор наполнил третью часть сочинения – «Арагатская долина». Свободная импровизация в ней воспринимается как восторженное лирическое высказывание художника, благоговейно воспевающего поэзию родного края.

Венчает же сюиту жизнерадостная картина народного праздника («Солнечный день»), в которой посредством звенящей, искрометной радости дается собирательный образ оптимистического мировосприятия Мартироса Сарьяна.

Почти одновременно с Симфоническим панно «Армения» Сарьяном будет создана Ария и Токката для скрипки и фортепиано. Своеобразие этого сочинения в том, что композитор в нем отказывается от условной живописности, отчего на первый план выступают черты неоклассицизма. Потому-то главными особенностями Арии, а также и Токкаты (насколько позволяет форма) стала поэтика размышлений, интеллектуальная одухотворенность, особая лиричность. Этот цикл – прямой предшественник Концерта для скрипки с оркестром (Токката использована в его финале), значимость которого нами обговорена выше.

О каждом сочинении Сарьяна, будь то симфоническое произведение, музыка к фильмам или песня на слова армянских поэтов, можно высказать определенные суждения. Но цель настоящих заметок не в их подробном разборе. Да это и не музыковедческое исследование, а лишь небольшие по объему рассуждения о цельности и масштабности фигуры композитора. Именно масштабности, хотя некоторые критики сетуют на то, что Лазарь Мартиросович оставил в общем не такое уж и большое по числу написанных им сочинений наследие. Но разве дело в количестве творений? Неужели кто-то всерьез может думать, что от количества написанных творений (да и творений ли?) зависит качество и смысловая нагрузка произведений того или иного автора? Соб-

ственно, что может измениться в мировоззрении настоящего художника, напиши он, к примеру, не двадцать, а тридцать сочинений? При этом, разумеется, встает вопрос о содержании сочинений. Не посредственны ли они? Есть ли в них глубинный смысл? Чем они могут заинтересовать слушателя, порой довольно придирчивого и требовательного, являющегося, если так можно выразиться, конечным потребителем любых музыкальных произведений?

Ответы на эти вопросы, по большому счету, лежат на поверхности и сводятся к одному принципиально важному суждению: Лазарь Сарьян в действительности необычайно талантливый и самобытный художник, писавший по зову своего сердца и разума. И он не спешил создавать свои сочинения и, тем более, не приурочивал их к какому-нибудь значимому событию в жизни большой страны (в советское время, как известно, такая практика существовала, и не будем ее сегодня хулить и высмеивать, замечая в ней только политическую подоплеку и не желая при этом анализировать сами творения, а также настроения, которые владели создававшими их творцами) или к конкретной юбилейной дате. Никто, само собой, Лазаря Мартиросовича не торопил. Творческий процесс, таким образом, никак не отягощал, а лишь обогащал действительность этого прекрасного человека, жившего полноценной и содержательной жизнью, в которой в конечном итоге запечатлелась и эпоха, и большая (но не крикливая) любовь к Армении, и потрясающее музыкальное чутье, и желание познать и осмыслить окружающий мир. Осмыслить по-своему, в сугубо индивидуальном ключе. При этом еще раз подчеркнем, что Лазарь Мартиросович никогда не отказывался от великого музыкального наследия прошлого, ему всегда были близки и дороги шедевры классической западной, армянской, русской и других музыкальных школ. Национальное своеобразие в представлении Сарьяна не означало чего-то сугубо обособленного и исключительного. Напротив, удивительный армянский колорит существенно усиливал и украшал всё то, что ему нравилось в других музыкальных культурах, то, что можно было у них в какой-то мере позаимствовать, а уж затем с этим материалом и поработать. Поработать, ес-

тественно, бережно, без использования каких-либо радикальных приемов.

Тонкий художник, блестяще образованный, свято веривший в искусство, культуру и образование, Сарьян стремился через музыку воздействовать на духовный мир слушателя. И сила его воздействия прежде всего заключалась в том, чтобы слушатель осознанно погружался в атмосферу музыки.

Легко ли слушателю постигать внутреннее содержание сложных музыкальных произведений? Нет, нелегко. Серьезная музыка, известное дело, к примитивному ее восприятию не располагает. Здесь нужен мыслительный штурм и желание понимать, анализировать... При сем не будем забывать и о том, что, как бы ни был индивидуален мир художника, если это настоящий большой художник, открытый духу, настрою, чаяниям, мыслям времени и стремящийся чутко следовать за его внутренним движением, его совестью, то собственный его мир объективно, зачастую помимо воли автора, обращен и ко многим другим людям, к народу в целом, ибо творец себя от него не отделяет и, выражая свое внутреннее состояние, выражает таким образом состояние многих других людей.

Лазарь Сарьян – яркий индивидуальный художник со своим неповторимым пониманием и восприятием мира, но он еще и дитя своего непростого времени. Времени суровых испытаний и потрясений, времени, в котором ему суждено было стать большим творцом и педагогом.

Более четверти века прошло с того дня, когда выдающийся сын Армении направился в бескрайние просторы вечности. И пожалуй, где-то там, далеко-далеко во Вселенной, он вместе со своим славным отцом смотрит на Армению сегодняшнюю, в которой, без сомнения, искусство Сарьянов всё так же любимо и почитаемо народом. Впрочем, эти художники давным-давно перешагнули национальные рамки. А для подлинных образцов искусства данные рамки всегда носили и будут носить условный характер. Музыка же Лазаря Сарьяна продолжает жить и звучать. И не только на земле древней и всегда прекрасной Армении.

Поступающие в редакцию рукописи не рецензируются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
“Литературная Армения” обязательна.

Адрес редакции:
0019, Республика Армения,
Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 3.
Телефоны: +374 10 563557
              +374 10 563666
e-mail: info.litarmenia@gmail.com

Сдано в набор 09.01.2026
Подписано в печать 08.03.2026
Формат 70x100/16
Печ.л. 11. Заказ N 99
Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Регистрационный номер 43
Отпечатано в типографии ООО “ВМВ-ПРИНТ”